

Три доклада к XII Международному съезду славистов

**Проблемы
славянского языкоznания**

Москва
1998

**Российская академия наук
Институт славяноведения
Национальный комитет славистов
Российской Федерации**

Проблемы славянского языкоznания

Три доклада к XII Международному съезду славистов

**Москва
1998**

ISBN 5-85759-086-8

© Авторы, 1998
© Институт славяноведения РАН, 1998

В.А.Дыбо, С.Л.Николаев

Новые данные и материалы по балто-славянской акцентологии

К происхождению энклиноменов в а. п. *d* (метатония в доминантных корнях)

В. М. Иллич-Свитыч показал, что индоевропейские (и балто-славянские) существительные мужского и среднего рода с *o*-основами «баритонированной а. п.» (иными словами, балто-славянские и славянские доминантные = «плюсовые» основы) распределяются по двум славянским акцентным парадигмам в зависимости от первоначального грамматического рода [Иллич-Свитыч 1963: 109–140].

Балто-славянские существительные среднего рода, перешедшие в славянском в мужской род, имеют а. п. *b* (первоначально колонная баритонеза, в большинстве славянских диалектов преобразованная в акцентную кривую с большим или меньшим числом окситонированных форм вследствие правостороннего сдвига ударения — см. [АССЯ: 18–31]): *dubrъ, gen. *dubrā (> *dvorā) ~ др.-инд. *dvāra-m*, лат. *forum*; *vəbnъ, gen. *vənā (> *vənā) ~ др.-инд. *vána-m* и т. д.

Напротив, *o*-основы (и, как было установлено позднее, *u*- и *i*-основы) исконного мужского рода получили в славянском

особую акцентную парадигму, названную В. М. Иллич-Свитычем «смешанной». В ней ортотонические формы чередовались с формами-энклиноменами пом. и acc. sg.: слав. *zqbъ, gen. *zqba (> *zqbâ) ~ др.-инд. *jámbha-s*, греч. γόμφος; слав. *sqkъ, gen. *sqkū (> *sqkú) ~ герм. *xápxi-z и т. п. (см. списки в [АССЯ: 91–95]). В дальнейшем этой акцентной парадигме было присвоено название а. п. *d* [Булатова, Дыбо, Николаев 1988]. Главным источником реконструкции ее акцентной кривой стали чакавские говоры так называемых I и II групп (Сусак — у всех видов основ; Сень, Девинска Нова Весь — у краткосложных существительных) и кайкавские I группы (Пригорье, Озаль — также только у краткосложных) [АССЯ: 106–110, 113–114]. В этих говорах акц. кривая существительных а. п. *d* в общем сохраняет праславянский вид с противопоставлением форм-энклиноменов пом./acc. sg.¹ ортотоническим формам прочих падежей: чак. Сусак *buðk* ~ gen. *bokä*, Сень *nos* ~ gen. *nosä* и т. д. Генетически тождественную акц. кривую первоначально имели и вост.-слав. говоры кривичского (см. об их акцентуации в [Николаев 1988; 1989а; 1991; 1994]) и карпатоукраинского (галицкого — см. [Дыбо, Замятин, Николаев 1993:79]) ареалов, что проявляется в многосложных основах: ю.-пск., тороп., полоцк. (в большинстве говоров) *bórgw* ~ gen. *bøgravá*, *kórgw* ~ gen. *kørabá* и т. п.; запарват. ужанск. *uečur* ~ in. adv. *ueč'erót* и т. п. (см. подробно в [Булатова, Дыбо, Николаев 1988; Николаев 1991а; АССЯ:

¹ Эти падежи совпали на всей славянской территории, кроме кривичского ареала, однако неясно, в старой форме acc. или пом. Nom. sg. твердых *o*-основ имеет особое окончание *-e* только в великорусских кривичских по происхождению говорах [Николаев 1988; 1989]; оно регулярно представлено в новгородских берестяных грамотах при *-z* в acc. sg. и пом./acc. sg. *u*-основ [Зализняк 1995: 82–85]. Происхождение окончания *-e* неясно, в других славянских ареалах оно не имеет параллелей. Нужно отметить, что в современных псковских говорах, в которых широко распространена форма с ударным окончанием *-e*, *ps'e* 'пёс', это окончание, подобно ятию, не переходит в *-o*,ср. материал говоров с конечным оканьем в районе Пушкинских Гор: Велье Пушкиногорск. Пск. *ps'e* (gen./acc. *psa*, dat. *psu* и т. д.) при 2 pl. *xb'd'it'o*, *n'es'et'o*. Однако номинативное *-e* не может считаться также и рефлексом **-ě*, т. к. в новгородских грамотах с отличием [e] (и [ѣ]) от [i] оно регулярно записывается как ε/ъ.

134–138a])². Рефлексы форм-энклиноменов в nom./acc. sg. имеют и те позднеславянские диалекты, в которых слова а. п. *d* получили акц. кривую, более или менее близкую к кривой а. п. *c*. Например, в великорусских говорах с акцентным различием «двух *o*» (см. новые данные в [Николаев 1996: 220–228]) в nom./acc. sg. слов а. п. *d* представлено то же *ɔ*, что и в исконных энклиноменах у слов а. п. *c*: Пустошá Шатурск. Моск. *rж*, *pж*, *drøst* (при сохранении старой окситонезы: gen. *drozdá*) как *gж*, *dт* —ср. *duçor*, *grçor*, *rçor* (слова а. п. *b*). Таким образом, формально в nom./acc. sg. существительных а. п. *d* можно восстанавливать форму-энклиномен, акцентуационно тождественную энклиноменам в а. п. *c*.

Первоначально nom. sg. на -*os, -*us, -*is и acc. sg. на -*oN, -*uN, -*iN акц. кривой существительных а. п. *d* должны были быть «ортотонами», как и все прочие падежи этой а. п., т. к. основы здесь имеют доминантный корень. «Новые энклиномены» в nom. и acc. sg. должны быть признаны продуктами своеобразной метатонии, изменившей исконный высокий/восходящий тон корня на такой тон, который в большинстве систем в конечном итоге совпал с тоном форм-энклиноменов а. п. *c* (судя по всему, низким). Форма acc. sg. вряд ли сама могла стать «новым энклиноменом», имея окончание, тождественное флексии слов ср. р. а. п. *b*, в которых nom./acc. sg. является ортотоном (*duõrъ, *kõtъ). Остается думать, что предполагаемая метатония происходила в nom. sg. и была связана с фонетическими (и просодическими) преобразованиями слогов с конечным балто-славянским -*s после кратких гласных. Дело в том, что а. п. *d* реконструируется еще у доминантных *es*-основ ср. р., причем «новым энклиноменом» здесь является nom./acc. sg. с отпавшим -*s, ср. словенские рефлексы слов а. п. *d*: 1. *kolô* < *kõlo < *k^uolos, gen. *kolësa* < *kõles[e]; 2. *slovô* < *slôvo < *k'leços, gen. *slovësa* < *slôves[e]; 3. *uhô* < *ûxo < *oûsos, gen. *ušësa* < *ušes[e] (при рефлексах а. п. *c*: *drëvô*, gen. *drëvësa* < *dervo, *dervës[e]; *okô*, gen. *očësa* < *ôko, *ôces[e] и т. д.). Еще

² Здесь и далее славянские формы приводятся по Картотеке Акцентологического словаря славянских языков, хранящейся в Группе славянского глоттогенеза (Институт славяноведения РАН, г. Москва).

одним подтверждением метатонии как результата преобразования окончаний с конечным *-s* служит энклиномичность gen. sg. консонантных основ а. п. с в славянском в отличие от их закономерной ортотоничности в литовском: лит. *duktē* ~ gen. *dukteřs*, *vanduō* ~ gen. *vandeñs*, но слав. *dəktjī ~ gen. *dəktjere*, *dērvo ~ gen. *dērveſe, *kry ~ gen. *krđue и т. д. Таким образом, можно предположить, что преобразованный ауслаут³ указанных форм мог влиять на просодию корневого слога, вызывая в нем изменение тона.

Наиболее весомым аргументом в пользу признания особого просодического статуса форм пом./acc. sg. *o*-, *u*- и *i*-основ а. п. *d* еще в позднепраславянском является обнаружение в недавно открытых восточнославянских системах с противопоставлением тонов на ударных слогах рефлексов особого праслав. тона в рассматриваемых «новых энклиноменах».

Рефлексы праславянских тонов в черниговских говорах

Начиная с 1993 г. обнаружено несколько систем слоговых тонов в черниговских полесских говорах украинско-белорусского пограничья (формально — по территории бытования — их включают в украинские говоры). Ранее были опубликованы отчеты о системах говоров с. Бакланова Муравейка Куликовского р-на [Николаев 1995; 1996а] и с. Плёхов Черниговского р-на Черниговской области [Николаев 1996: 216–219, 230–242].

Опубликованные записи из Б. Муравейки показывают, что система отражения праславянских интонаций в этом говоре по крайней мере в односложных *o*-, *u*- и *i*-основах *«тривиальна»*: восходящий / восходяще-нисходящий тон на месте праславянских «старого» и «нового» акутов и нисходящий на месте «циркумфлекса» (в том числе и в а. п. *d*). Последующие записи

³ К сожалению, ничего не известно о том, какие этапы прошли слоги с отпавшим в конце концов конечным *-s*. Возможно, преобразование высокого/восходящего корневого тона происходило по схеме, «обратной» по отношению к приведенной ниже и иллюстрирующей процесс метатонии «низкий тон ⇒ восходящий тон».

из с. Плёхов, Москаль и Ани́сов⁴ (все три села в Черниговском р-не) были обработаны с помощью программы WinCECIL, и расшифровка магнитофонных записей верифицировалась тонограммами.

Образцы тонограмм из Плёхова и Б. Муравейки приведены в [Николаев 1996]. В этой же работе дается описание «нетривиальной» плёховской системы, которая не является простым отражением праславянской (в частности, отмечается контрастная рефлексация праславянских тонов в односложных формах в зависимости от качества гласных). Полученные во время экспедиции 1997 г. данные позволили существенно улучшить наши знания о черниговских тоновых системах. В частности, в Плёхове обнаружены два говора, между которыми, кроме акцентуационных, есть и фонетические различия⁵ (видимо, в прошлом это говоры разных «концов» большого села), ниже обозначаемых как Пл. I (система З. Г. Ярошенко, описанная в [Николаев 1996]) и Пл. II («Плёхов II», система А. А. Третьяк). Эти говоры различаются в первую очередь не реализацией тонов, а принципами отражения праславянской тональной системы.

Ниже дается анализ отражения праславянских интонаций в ряде морфологических позиций в «нетривиальных» (Плёхов I и Плёхов II, Анисов) и «тривиальной» (Москали) системах⁶. Далее приводятся образцы тонограмм односложных слов м. р. из говоров Анисова и Плехова II.

⁴ Информанты: с. Плёхов — З. Г. Ярошенко (Симончук), 1967 г. р., записи 1993–1997 гг. С. Л. Николаева и М. Н. Толстой (Пл. I); А. А. Третьяк, 1922 г. р., зап. 1997 г. М. Н. Толстой (Пл. II); Москали — Т. Н. Дятел, 1962 г. р., запись 1995 г. М. Н. Толстой; Анисов — В. М. Левченко (Басанец), 1962 г. р., записи 1996–1997 г. С. Л. Николаева и М. Н. Толстой.

⁵ В частности, различия имеются в трактовке ятя и удлиненного о: (*ě и *ē («новый ять») > Пл. I ē, Пл. II ie; *ō > Пл. I o, Пл. II iɔ/ɯɔ. Кроме того, в Пл. I *ri > gy, в Пл. II > ri.

⁶ Судя по географическому распределению, в сравнении с данными археологии, плёховские и анисовский говоры восходят к северскому (северянскому) племенному диалекту, а москалевский — к племенному диалекту черниговских полян, см. [Седов 1982: 133–140; 106–113].

Несколько замечаний⁷. В односложных формах в говорах Плёхова и Москалей в нейтральной фразовой позиции (утвердительном предложении, состоящем из одного слова) противопоставлены две «тонемы»: восходяще-нисходящий тон и нисходящий тон. Однако реализации их в трех говорах несколько отличаются. В говоре Плёхова I в основном противопоставлены именно восходяще-нисходящий и нисходящий тоны на всех гласных. В говоре Анисова восходяще-нисходящий тон обычно имеет в качестве «аллотона» восходящий тон на гласном *a* и восходяще-нисходящий на прочих гласных. В говоре Плёхова II на гласном *a* изредка также отмечается восходящий тон на *a* как реализация восходяще-нисходящего тона, тогда как реализацией нисходящего тона на этом гласном примерно в трети случаев является нисходяще-восходящий или нисходяще-ровный тон. На дифтонгах во всех рассматриваемых черниговских говорах восходяще-нисходящий тон реализуется как восходящий тон на первом и нисходящий — на втором компоненте дифтонга: $\langle i\hat{e} \rangle = \langle i + \hat{e} \rangle$.

Ниже в материале Анисова на гласном *u* в односложных словах проводится различие между *û* (с «нормальным» восходящим тоном) и *ÿ*. Этим морфонологическим символом обозначается такое *u*, которое устойчиво сохраняет восходящий тон при любых условиях, тогда как для *û*, равно как для *â*, *î*, *ŷ* и т. д., характерна нейтрализация с нисходящим тоном в ряде фразовых позиций. Видимо, речь идет о следах противопоставления в системе говора *трех* слоговых тонов (скорее всего, восходящего, восходяще-нисходящего и нисходящего) по крайней мере в односложных формах. «Морфонемы» *û* и *ÿ* имеют разное праславянское происхождение.

В многосложных словах во всех используемых говорах противопоставлены восходящий / восходяще-нисходящий и нисходящий тоны на ударных слогах.

Ниже рассматриваются отдельные, наиболее изученные и представляющие исторический интерес фрагменты черниговских систем в сравнении с праславянской реконструкцией.

---

⁷ Подробное описание черниговских тонов, с приведением полного материала, экспериментальных и статистических данных, неуместное в настоящем докладе, будет опубликовано отдельной работой.

1. Рефлексы праславянских интонаций в односложных формах существительных с *o*-, *u*- и *i*-основами

Система соответствий тонов черниговских говоров в односложных пом.-асс. sg. на слав. долгих гласных⁸ в сравнении с праслав. реконструкцией представлена в табл. 1. Для установления рефлексов интонаций на праслав. *ē недостаточно материала.

Обращает на себя внимание особое поведение основ а. п. *d*, у которых наблюдается «собственные» тоновые рефлексы в «нетривиальных» системах Плёхова и Анисова (в Москалях рефлекс праслав. интонации в пом.-асс. sg. идентичен рефлексу «циркумфлекса» в а. п. *c*)⁹. В Москалях «лишний» восходящий тон отмечен также в словах с начальным γ-. По-видимому, черниговские данные являются прямым доказательством особого праславянского тона в «новых энклиноменах» пом. и асс. sg. а. п. *d*, совпавшего с «циркумфлексом» в южнославянских языках. См. также ниже о различии форм а. п. *d* и с у основ с «полногласием».

В говоре Плёхов II отмечается продуктивная тенденция к нейтрализации тоновых противопоставлений на узких гласных *u* (*Q, *u) и *i* (*i) в сторону восходящего тона, поэтому в качестве основных выбраны формы с «реликтовым» нисходящим тоном. Во всех черниговских говорах тональные различия на *a* (по крайней мере в односложных формах), по-видимому, находятся в процессе исчезновения, нейтрализуясь в нисходящем тоне. Такая же тенденция, но более слабая, прослеживается и на других широких гласных (полностью она осуществилась в москалёвском говоре). В квадратных скобках приводятся ненадежные либо записанные в «нестандартной» фразовой позиции формы.

⁸ За недостатком места не приводится анализ акцентуации существительных с другими основами — см. материал по плеховскому говору в [Николаев 1996: 216–219].

⁹ В говоре Пл. I в долгосложных основах тональные рефлексы а. п. *c* и *d* различаются только в основах с корнями, содержащими *-ě-. В говоре Москалей в сторону нисходящего тона почти нейтрализованы рефлексы праслав. интонаций на широких гласных (всегда на *a; восходящий тон на месте «старого» акута отмечен только на *-ě и *y).

Таблица 1

Праслав.	Плёхов I	Плёхов II	Анисов	Москали
Акцентные парадигмы <i>a</i> , <i>b</i> ¹⁰				
*ī, *ī	i* ¹¹	i* ¹²	ы	i* ¹³
*ū, *ū̄	ù	ù	û	û
*ō, *ō̄	ù	ù	û	û
*ŷ, *ŷ̄	ý	ý	ý	ý/ý̄ ¹⁴
*ē, *ē̄	ê	iē	iē	ê/è ¹⁵
*ā, *ā̄	*â	*â	â	à
Акцентная парадигма <i>d</i>				
*id	i*	i*	ы	i*
*ud	ù	ù	ù	ù
*qd	û	û	û	û
*yd	[ý]	[ý]	[ý]	[ý]
*ēd	è	iè	iè	è
*ad	*â	*â	*â	à
Акцентная парадигма <i>c</i>				
*ī	i*	i*	ы	i*
*ū	û	û	û	ù
*ō	û	û	û	ù
*ŷ	ý	ý	ý	ý
*ē	ê	iē	iē	è
*ā	à	à	à	à

¹⁰ Рефлексы праслав. «восходящих» тонов (*старого* и *нового* акутов) в черниговских говорах, видимо, совпадают.

¹¹ i* = ы после шипящих, с и г.

¹² i* = ы после шипящих и с.

¹³ i* = ы после шипящих, с и г.

¹⁴ ы только из *ŷ.

¹⁵ ê только из *ē.

До сих пор была известна фактически лишь одна модель рефлексации позднепреставленских тонов, которую условно можно назвать сербохорвато-словенской. Она в первую очередь характеризуется сохранением, наряду с тонами, квантитативных отношений. После обнаружения черниговских систем стало ясно, что «классические» южнославянские тоновые языки, сохранив важнейшие архаизмы, в то же время утратили (вследствие нейтрализации) ряд просодических характеристик, о которых приходилось судить лишь по косвенным данным.

Отношение к западнославянским системам как к «южнославянским», всего лишь утратившим тональные различия (при сохранении квантитативных), следует решительно пересмотреть. В особенности это относится к полабской¹⁶ и чешской системам (см. ниже, а также [Дыбо, Замятин, Николаев 1993; АССЯ: 7–18]). Разумеется, черниговские слоговые тоны находятся в самом начале исследований, поэтому в некоторые ряды соответствий несомненно будут внесены коррективы. Уточнения, несомненно, будут внесены и в материал (в первую очередь речь идет о правильной интерпретации тонограмм).

Праслав. *i.

Основы а. п. *a*: 1. *klīnъ: Пл. II *kl'în* (но Пл. I *kl'în*), Ан. *kłîn*, Мск. *kl'în*; 2. *žîdъ: Пл. I, II *žîd* (но Ан. *žîd*), Мск. *žîd*.

Основы а. п. *b*: 1. *bîčъ: Пл. I, II *bîč*, Мск. *bîč*; 2. *glîstъ: Пл. I, II *γl'îst* (нерегулярно Ан. *ȝbîst*), Мск. *ȝl'îst*; 3. *lînъ: Пл. I, II *l'în*, Ан. *łîn*, Мск. *l'în*; 5. *svîščъ: Пл. II *svîšč*, Ан. *swyšč*, Мск. *svîšč*; 6. *ščítъ: Ан. *ščít*, Мск. *ščít* (но Пл. I, II *ščít*).

¹⁶ Строго говоря, полабский (древлянский) и прочие исчезнувшие языки этого ареала можно относить к западнославянским лишь по географическому признаку. Как раз в области просодии, отражающейся в вокализме, полабский резко противопоставлен лехитским, лужицким, чешскому и словацкому языкам, в которых существует в общем единая система дробления всех гласных на долгие/краткие по акцентологическому признаку. Внутренняя реконструкция полабской просодии показывает систему, никоим образом не сводимую к «общезападнославянской». В принципе именно языки «полабского» круга являются настоящими западнославянскими, тогда как традиционным западнославянским стоило бы присвоить название «центральнославянские».

Основы а. п. *d*: 1. *činъ: Пл. I čin, Пл. II čin, Ан. čin; 2. *grībъ: Пл. I γtēb, Пл. II γtēb (наряду с γtēb), АН. γtēb, Мск. γtēb; 3. *listъ: Пл. I l'ist (нерегулярно Пл. II l'ist), АН. t̄ist; 4. *nizъ: Пл. I n'iz¹⁷, Пл. II n'iz, АН. n̄iz, Мск. n'iz.

Основы а. п. *c*: 1. *krīkъ: Пл. I kr̄yk, Пл. II kr̄ik, АН. kr̄yk, Мск. kr̄yk; 2. *mīgъ: Пл. II mīγ, АН. mēγ, Мск. mīγ; 3. *mīgъ: Пл. I, II mīr, АН. mēir, Мск. mīr; 4. *pīskъ: Пл. I, II pīsk, АН. p̄isk, Мск. p̄isk; 5. *skrīpъ: Пл. I skr̄ip, Пл. II skr̄ip, АН. skr̄yp, Мск. skr̄yp; 6. *svīstъ: Пл. I svīst (но Пл. II svīst), АН. sw̄yst, Мск. sv̄ist.

Праслав. *u.

Основы а. п. *a*: 1. *lūskъ: Пл. II t̄usk, Мск. t̄usk.

Основы а. п. *b*: 1. *kljūčъ: Пл. I, II kl'ūč, АН. kl'ūč (но Мск. kl'ūč); 2. *lūčъ: Пл. I, II t̄ūč, Мск. t̄ūč; 3. *lūпъ: Пл. I t̄un', Пл. II t̄un', АН. t̄un'; 4. *trūdъ: Пл. I, II trūd, АН. trūd, нерегулярен тон в Мск. trūd.

Основы а. п. *d*: 1. *čubъ: Пл. I čub (вторичен тон в Пл. II čub), АН. čub, Мск. čub; 3. *mulъ 'ил': Пл. I, АН. mūł, Мск. mūł; 4. *ruхъ: Пл. I, АН. Prùx; 5. *sluxъ: Пл. I, II, АН. slùx, Мск. slùx.

Основы а. п. *c*: 1. *drūgъ: Пл. I, II, АН. drūγ, Мск. drūγ; 2. *dūхъ: Пл. I, II, АН. dūx, Мск. dùx; 3. *gūкъ: Пл. I, АН. γūk; 4. *kūтъ: Пл. I, II kūm, Мск. kùm; 5. *ljūdъ: Пл. I, АН. l'ūd, Мск. l'ùd; 6. *strūръ: Пл. I strūp (но Пл. II strūp), АН. strūp, Мск. strūp; 7. *šūтъ: Пл. I, II, АН. šūm, Мск. šùm; 8. *trūръ: Пл. I, II trūp.

Праслав. *o.

Основы а. п. *a*: 1. *rōkъ: Пл. I, II rùk, АН. rûk.

Основы а. п. *b*: 1. *kōtъ: Пл. I, II küt; 2. *mōtъ: АН. mût' (вторично Пл. II mîc'), Мск. mût'; 3. *rōpъ: Пл. I, II rùp, АН. rûp; 4. *prōdъ: Пл. I, II prùd, АН. prûd; 5. *prōtъ: Пл. I, II prùt, АН. prût (?); 6. *sōdъ: Пл. I sùd (вторично Пл. II sùd), АН. sùd, при нерегулярном Мск. sùd; 7. *strōkъ: Пл. I [strùk] (вторично Пл. II strûk), АН. strûk, Мск. strûk; 8. *xrōšъ: Пл. I xrûšč (вторично Пл. II xrûšč), АН. xrûšč, Мск. xrûšč.

¹⁷ Видимо, нерегулярный исходящий тон здесь является реликтовым (см. таблицу соответствий, из которой видно, что *i с любыми тонами регулярно отражается в Пл. I как i).

Основы а. п. *d*: 1. *blōdъ: Пл. I *błud*, Ан. *błud*, Мск. *błud*; 2. *dqbъ: Пл. I, II *dūb*, Ан. *dūb*; 3. *drōkъ: Пл. I, II *drūk*, Ан. *drūk*; 4. *gōsъ: Пл. I, II *gūs'*, Ан. *γūs'* (вторично Мск. *γūs'*); 5. *gōžъ: Пл. I, Ан. *γūž f.*, Мск. *γūž f.*; 7. *lōgъ: Пл. I, II *łūg*, Ан. *[łūg]* (но Мск. *łūg*); 8. *łqkъ: Пл. I, II *łuk*, Ан. *łuk*; 9. *zqбъ: Пл. I, II *zūb*, Ан. *zūb*. Следующие два слова ведут себя так, как если бы имели корневое *i: 1. *krōggъ: Пл. I, Ан. *krùg*, Мск. *krùg*; 2. *sōkъ: Пл. I *sük*, Пл. II *[sük]*, Ан. *sük*, Мск. *sük*.

Основы а. п. *c*: 1. *gōzъ: Пл. I, Ан. *γūz*, Мск. *γūz* (с вариантом *γūz*); 2. *pjōkhъ: Пл. I, II, Ан. *n'ūx*, Мск. *n'ùx*; 3. *zvōkъ: Пл. I, II *zwūk*, Ан. *zwūk*, Мск. *zwùk*.

Праслав. *у.

Основы а. п. *a*: 1. *dýmъ: Пл. I, II, Ан. *dým*, Мск. *dým*; 2. *mýšъ: Пл. I *mīš* (но Пл. II *mīš*), Ан. *tm̄nīš*, Мск. *tm̄nīš*; 3. *rýsъ: Пл. II, Ан. *r̄vis'* (но Пл. I *r̄vis'*), Мск. *r̄vis'*; 4. *sýgъ: Пл. I, II, Ан. *s̄vīr*, Мск. *s̄vīr/s̄vīr*.

Основы а. п. *b*: 1. *býkъ: Пл. I, II *bīk*, Ан. *bçñik*, Мск. *bçñik* (?); 2. *sýćь: Пл. I, II, Ан. *s̄vīć*, Мск. *s̄vīć*.

Основы а. п. *d*: 1. *stýdъ: Пл. I, Ан. *stýd*, Мск. *stýd*. Слово *týпъ, по ю.-слав. данным имевшее а. п. *a*, в черниговских говорах имеет рефлекс а. п. *d*: Пл. I, II, Ан. *týn*.

Основы а. п. *c*: 1. *sýпъ: Пл. I *s̄vīn*, Пл. II, Ан. *s̄vīn*, Мск. *s̄vīn*; 2. *týlъ: Пл. II, Ан. *tôl*, Мск. *tôl*.

Праслав. *ě.

Основы а. п. *a*: 1. *xlēbъ: Пл. I *xl'ēb*, Пл. II *xl'iēb* (с вариантом *xl'iēb*), Ан. *xl'iēb*, Мск. *xl'ēb*; 2. *xгéпъ: Пл. I *xr̄en*, Пл. II *xriēn*, Ан. *xr̄iēn*, Мск. *xr̄en*; во всех говорах восходящий тон: 3. *dědъ: Пл. I *z'ēd*, Пл. II *z'iēd*, Ан. *d'iēd*, Мск. *z'ēd*.

Основы а. п. *b*: 1. *gréхъ: Пл. I *γr̄ex*, Пл. II *γriēx*, Ан. *γr̄iēx*, Мск. *γr̄ex*; 2. *xlévъ: Пл. I *xl'ēw*, Пл. II *xl'iēw* (с вариантом *xl'iēw*), Ан. *xl'iēw*, Мск. *xl'ēw*.

Основы а. п. *d*: 1. *cěръ: Пл. I *cēp*, Пл. II *cīp*, Ан. *c'iēp*, Мск. *cēp*; 2. *kvěтъ: Пл. I *cv'ēt*, Пл. II, Ан. *cv'iēt*, Мск. *cv'ēt* (ср. ниже квазиминимальную пару — *svěтъ а. п. *c*); 3. *měхъ¹⁸ 'мешок': Пл. I *m'ēx*, Пл. II, Ан. *m'iēx*, Мск. *m'ēx*; 4. *slědъ:

¹⁸ Праслав. *měхъ имело различные а. п. в зависимости от семантики: в значении 'мех, шкура' — а. п. *c*, в значении 'мешок, (кузничный) мех' — а. п. *d*.

Пл. I *sl'èd*, Пл. II, Ан. *sl'ièd*, Моск. *sl'èd*; 5. *směхъ: Пл. I *sm'èx*, Пл. II *sm'ièx*, Ан. *sm'ièx* (но и *sm'ièx*), Моск. *sm'èx*; 6. *sněгъ: Пл. I, Пл. II, Ан. *sn'ièγ*, Моск. *sn'èγ*; 7. *změјъ: Пл. II *zm'ièj*, Ан. *zm'ièj*, Моск. *zm'èj*. Так же себя ведет *klěščъ, у которого по данным других языков реконструируется а. п. *b*: Пл. I *kl'èšč* (наряду с *kl'èšč*), Пл. II *kl'èšč*¹⁹, Ан. *kl'ièšč*, Моск. *kl'èšč*.

Основы а. п. *c*: 1. *lěsъ: Пл. I *l'ës*, Пл. II, Ан. *l'iès*, Моск. *l'ës*; 2. *světъ: Пл. I *sv'ët*, Пл. II, Ан. *sv'iët*, Моск. *sv'ët*; 3. *trěskъ: Пл. I *trësk*, Пл. II *triësk*, Ан. *tr'ièsk*, Моск. *trësk*; 4. *věkъ²⁰: Пл. I *v'ëk*, Пл. II, Ан. *v'ièk*, Моск. *v'ëk*; 5. *věsъ: Пл. II, Ан. *v'iès*; 6. *zvěrъ: Пл. I, II, Ан. *zu'ièr*, Моск. *zu'èr*.

Праслав. *a.

Основы а. п. *a*: 1. *brátъ: Пл. I [*bràt*], Пл. II, Ан. *bràt*, Моск. *bràt*; 2. *čásъ: Пл. I, Пл. II, Ан. *čâs*; 3. *gádъ: Пл. I, Пл. II, Ан. *gàd*, Моск. *gàd*; 4. *grádъ: Пл. I, II *yrâd*, Ан. *yràd*, Моск. *yràd*; 5. *krájъ: Пл. I *kràj*, Пл. II *krâj*, Ан. *kràj*, Моск. *kràj*; 6. *mákъ: Пл. I *màk*, Пл. II *mâk*, Ан. *mâk*, Моск. *màk*; 7. *máxъ: Пл. I *màx*, Пл. II, Ан. *mâx*; 8. *pláščъ: Пл. I [*płàć*], Пл. II *płàć*, Ан. *płâć*, Моск. *płàć*; 9. *rájъ: Пл. I, II *râj*, Ан. *râj*, Моск. *râj*; 10. *rákъ: Пл. I, II *râk*, Ан. *râk*, Моск. *râk*; 11. *svátъ: Пл. I *svàt*, Пл. II *svât*, Ан. [*swàt*], Моск. *svàt*; 12. *žáľъ: Пл. I *žâl'*, Пл. II *žàl'*, Ан. *žâl'*, Моск. *žâl'*.

Основы а. п. *b*: 1. *pláščъ: Пл. I *płàśč*, Пл. II *płâśč*, Ан. *płâśč*, Моск. *płàśč*; 2. *tvärgъ: Пл. I *tvâr*, Пл. II *tvàr*, Ан. *twàr*, Моск. *tvàr*.

Основы а. п. *d*: 1. *ladъ: Пл. I, II *łàd*, Моск. *łàd*; 2. *plastъ: Пл. I, II, Ан. *płàst*, Моск. *płàst*; 3. *sadъ: Пл. I, II, Ан. *sàd*, Моск. *sàd*; 4. *stavъ: Ан. *stàw*, Моск. *stàw*; 5. *straxъ: Пл. I, II, Ан. *stràx*, Моск. *stràx*; 6. *zadъ: Пл. I, II *zàd*, Ан. *zâd*, Моск. *zàd*; 7. *znakъ: Пл. I, II, Ан. *gnàk*, Моск. *gnàk*; в следующих примерах засвидетельствован восходящий тон в Пл. и Ан.: 8. *valъ: Пл. I, II *vâł*, Ан. *wâł*, Моск. *vâł*; 9. *žagъ: Пл. I *žâr*, но Ан. *žàr*.

Основы а. п. *c*: 1. *čádъ: Пл. I, II, Ан. *čàd*, Моск. *čàd*; 2. *kládъ: Пл. I *kłàd* (однако Ан. *kłâd*), Моск. *kłàd*; 3. *kvâsъ: Пл. I [*kvàs*], Пл. I *kvàs*, Ан. *kwàs*, Моск. *kvàs*; 4. *rázъ: Пл. I, II *ràz* (в Пл. II наряду с неясным *râz*), Ан. *ràz*, Моск. *ràz*.

¹⁹ В Пл. II нерегулярен вокализм: ожидалось бы **kl'ièšč*.

²⁰ Показывает по слав. языкам колебания между а. п. *c* и *d*.

Неслучайность появления того или иного тона в формах черниговских говоров (несмотря на нерегулярности и выравнивания, о части которых сказано выше), подтверждается данными других восточнославянских систем, в которых, при потенциальном «фонетическом» различении тонов, в частности в односложных формах, никаких регулярных соответствий с другими славянскими языками и праславянской реконструкцией не обнаруживается. Например, в материале по рефлексам *и и *ъ, записанном в д. Дудкино Заднодвинского р-на Тверской обл.²¹, в односложных существительных м. р. различаются четыре тона: восходящий, восходяще-нисходящий, нисходящий и нисходяще-восходящий. Все эти тоны случайным образом распределяются по праславянским акцентным парадигмам независимо от вокализма:

Основы а. п. а: *lūk* (*lūkъ), *γrūt* (*grūdъ) — *rūk* (*rōkъ) — *shūk* (*vuyplūkъ).

Основы а. п. б: *trūt* (*trūdъ), *xgūš*: (*xgōdъ) — *prūt* (*prōdъ), *rūc* (*rōtъ), *sūt* (*sōdъ) — *kūst* (*kūtъ), *rūp* (*rōpъ), *strūk* (*strōdъ) — *kl'ūč* (*kljūčъ), *kūt* (*kōtъ), *tūč* 'горящая лучина (для ловли рыбы)' (*lōčъ).

Основы а. п. д: *brūs* (*brusъ), *čūp* (*čipъ), *krūč* (*krōgъ) — *prūt* (*prōtъ), *rūx* (*rixъ), *sūk* (*sōkъ) — *γūs* (*gōsъ), *γūš* (*gōžъ), *tūč* (*lōgъ), *slūx* (*sluxъ), *wūs* (*qsъ) — *zūp* (*zqбъ).

Основы а. п. с: *šūt* (*šūmъ), *strūp* (*strōpъ) — *drūx* (*drōgъ), *trūp* (*trōpъ), *zuūk* (*zvōkъ) — *kūt* (*kūtъ), *mūš* (*mōžъ).

Такое же «безразличное интонирование» наблюдается и на рефлексах *ě. В других восточнославянских системах чаще встречается единобразный тон в каждой из фразовых позиций. Не исключено, что по крайней мере в области диссимилятивного аканья и географически близких к ней в.-слав. говорах силлаботональные оппозиции распространены гораздо шире, чем это представляется сейчас, и дудкинская ситуация является примером разрушения старых тональных противопоставлений при сохранении «фонетических» тонов (к сожалению, ввиду того, что вышеупомянутые формы записаны по одному разу, ничего нельзя сказать о возможностях тонального варьирования).

2. Рефлексы праславянских интонаций в баритонированных основах с «полногласием»

Отчетливое противопоставление рефлексов праславянских интонаций в пом./acc. sg. а. п. д («новых энклиноменов») и с («старые энклиномены», «славянский циркумфлекс») наблюдается и в начальноударных о-, и- и i-основах с «полногласием». Рассмотрим соответствия между говорами Анисова и Плёхова (Пл. I).

²¹ Магнитофонная запись О. А. Абраменко (1996 г.), информант Мария Игнатьевна Москалёва, 1922 г. р.

О различии в рефлексации *и и *ъ в этом говоре см. [Николаев 1998].

А. Основы а. п. д.

Контрастный выбор тонов: нисходящий тон в Плёхове, восходящий в Анисове.

1. *bogvъ: Ан. *bōraw*; 2. *goldъ: Пл. I *γōład* (с вариантом *γōład*), Ан. *γōład*; 3. *gordъ: Пл. I *γōrad*, Ан. *γōrad*; 4. *kolsъ: Пл. I *kōłas*, Ан. *kōłas*; 5. *moltъ: Пл. I *mōłat*; 6. *norgvъ: Пл. I *nōraw*, Ан. *nōraw*; 7. *polzъ: Ан. *pōłaz*; 8. *rogхъ: Пл. I *pōrax*, Ан. *pōrax*; 9. *tolсъ: Ан. *tōłac*; 10. *vorgvъ: Пл. I *vōraγ*, Ан. *wōraγ*; 11. *xoldъ: Пл. I *xōład* (с вариантом *xōład*), Ан. *xōład*; 12. *želbъ: Пл. I *žōłab*, Ан. *žōłab*.

Б. Основы а. п. с.

Единообразные рефлексы: в обеих системах нисходящий тон после глухих и восходящий после звонких шумных и сонантов.

1. *golsъ: Пл. I, Ан. *γōłas*; 2. *korpъ 'карп': Пл. I, Ан. *kōrap*; 3. *smordъ: Пл. I, Ан. *smōrad*; 4. *soldъ: Пл. I, Ан. *sōład*; 5. *sormъ: Пл. I, Ан. *sōram*; 6. *storžъ: Пл. I, Ан. *stōraż*; 7. *vorgvъ: Пл. I *vōran*. Так же ведут себя две основы а. п. d (переход в а. п. c?): 8. *volsъ: Пл. I *vōłas*, Ан. *wōłas*; 9. *xvorstъ: Пл. I *xvōrast*, Ан. *xwōrast*.

3. Рефлексы «старого акута» в *ā*-основах

В «нетривиальных» черниговских говорах (Плёхов и Анисов)²² двусложные баритонированные *ā*-основы распределяются по двум акцентным типам. Акцентная кривая 1-го типа характеризуется чередованием нисходящего тона в *пом. sg.* (иногда она по аналогии появляется в *асс. sg.*) и восходящего в косвенных падежах ед. ч. и во мн. ч. Акцентная кривая 2-го типа является контрастной по отношению к 1-му типу: восходящий тон в *пом. sg.* при нисходящем в косвенных падежах и мн. ч. В собранном материале немало примеров переноса интонации косвенных падежей на *пом. sg.*, в таких случаях ниже форма *пом. sg.* дана под звездочкой. В говоре Анисова наблюдается продуктивная тенденция к унификации

²² В говоре Москалей материал по *ā*-основам не собран.

обоих типов акц. кривых в производной от 2-го типа акц. кривой с нечелередующимся восходящим тоном²³.

С праславянской точки зрения дробление *ā*-основ со «старым» акутом (= а. п. *a*) загадочно. Однако обращает на себя внимание то, что черниговское распределение находится в связи с не более понятным распределением долготных – краткостных рефлексов *ā*-основ а. п. *a* в среднечешских говорах, в том числе и литературном («пражском») языке. Обычно краткость в таких формах считается либо диалектной (восточночешской/моравской), либо проникшей из косвенных трехсложных форм, однако устойчивость набора краткосложных vs. долгосложных рефлексов «старого» акута во всех ср.-чешских говорах заставляет усомниться в таком «простом» объяснении и по крайней мере указывает на значительную древность этого дробления. В южночешских говорах «старый» акут в *ā*-основах, как правило, отражается в виде долготы гласного. Устанавливаются три ряда соответствий между черниговскими говорами и чешским.

A. Черниговский тип 1 (*bâba*, pl. *bâbys*) – чешская долгота

1. *bâba: Пл. II *bâba, pl. *bâbi*, Ан. *bâba*, pl. *bâbys* ~ чеш. *bâba*; 2. *câša: Пл. I *câša, pl. *câšy*, Пл. II *câša, pl. *câšy*, Ан. *câša, pl. *câšy* ~ чеш. *cíše*; 3. *grûda: Пл. I *γrûda*, acc. *γrûdu* ~ чеш. *hrouda*; 4. *kârja: Пл. I **kâpl'a*, pl. *kâpl'i*, Пл. II **kâpl'a*, pl. *kâpl'i*, Ан. pl. *kâpl'i* ~ чеш. *kápř*; 5. *měta: Пл. I *mjâta, acc. *mjâtu*, Пл. II *mjâta*, acc. *mjâtu* (вторично Ан. *mjâta*, gen. *mjâty*) ~ чеш. *máta*; 6. *râna: Пл. II *râna, acc. *rânu* (вторично Ан. *râna*, pl. *râny*) ~ чеш. *rána*; 7. *sâdja: Пл. II *sâža, gen. *sâžy* (вторично Ан. *sâža*, gen. *sâžy*) ~ чеш. *sáze*; 8. *stâja: Пл. I *stâja, pl. *stâji*, Ан. *stâja*, pl. *stâji* ~ чеш. *stáje*; 9. *šíja: Пл. I *šâjja, pl. *šâjji*, Пл. II *šâjja, pl. *šâjji* (вторично в Ан. *šâjja*, pl. *šâjji*) ~ чеш. *šíje*; 10. *véra: Пл. II *v'iéra*, acc. *v'iérui*, Ан. **w'iéra*, acc. *w'iérui* (но рефлекс типа 2 в Пл. I *v'ěra*, acc. *v'ěru*) ~ чеш. *víra* (также слвц. *viera*); 11. *xmâra: Пл. I *xtmâra*, pl. *xtmâry* ~ чеш. (диал.) *chmára*; 12. *žâba: Пл. II *žâba, acc. *žâbys*,

²³ Напротив, в говоре Пл. I, видимо, осуществляется перевод *ā*-основ в 1-й тип. Таким образом, наиболее архаичной представляется система Пл. II.

Ан. *žâba*, pl. *žâbъ* (но рефлексы типа 2 в Пл. I *žâba*, pl. *žâbъ*) ~ чеш. *žába*.

В. Черниговский тип 2 (кùра, pl. кùры) ~ чешская долгота

1. *dýnja: Пл. I *dýn'a*, pl. *dýn'i*, Пл. II **dýn'a*, pl. *dýn'i*, Ан. **dýn'a*, pl. *dýn'i* ~ чеш. *dýňe*; 2. *glína: Пл. II *glína*, gen. *glíny*, Ан. *glína*, gen. *glíny* (но рефлекс типа 1 в Пл. I *glína*, gen. *glíny*) ~ чеш. *hlína*; 3. *gríva: Пл. I *gríva, pl. *grívy*, Пл. II *gríva*, pl. *grívi*, Ан. *gríva, pl. *grívy* ~ чеш. *hrívá*; 4. *jáma: Пл. I *jáma, gen. *jámy*, Ан. *jáma*, pl. *jámy* ~ чеш. *jáma*; 5. *íva: Пл. I *íva*, pl. *ívy*, Пл. II *íva*, pl. *ívi (старая интонация сохраняется в gen. pl. *íw*), Ан. *íwa, pl. *íwy* ~ чеш. *íva*; 6. *lípa: Пл. I *lípa*, pl. *lípy*, Пл. II *lípa, pl. *lípi*, Ан. *lípa, pl. *lípy* ~ чеш. *lípa*; 7. *měra: Пл. II *měra*, acc. *míèru*, Ан. *míèra*, acc. *míèru* (но рефлексы типа 1 в Пл. I *m'èra*, gen. *m'èry*) ~ чеш. *míra*; 8. *míxa: Пл. I *míxa, pl. *míx'i*, Пл. II *míxa, pl. *míxi*, Ан. *míxa, pl. *míxy* ~ чеш. *mouscha*; 9. *njíva: Пл. I *n'íva*, pl. *n'ívy*, Пл. II **n'íva*, pl. *n'ívi*, Ан. *níwa, pl. *níwy* ~ чеш. *níva*; 10. *síla: Пл. I *síla, Пл. II *síla, pl. *síly*, Ан. *síla, pl. *síly* ~ чеш. *síla*; 11. *sláva: Пл. I *sláva*, gen. *slávy*, Пл. II *sláva*, acc. *slávu*, Ан. *stáwa*, acc. *stáwu* ~ чеш. *sláva* (также слвц. *sláva*); 12. *slíva: Пл. II *slíva*, pl. *slívi*, Ан. *slíwa, pl. *slíwy* ~ чеш. *slíva*; 13. *stópa: Пл. II *stópa*, pl. *stúpi*, Ан. *stópa, pl. *stúpy* (при рефлексе типа 1 в Пл. I *stópa*, pl. *stúpy*) ~ чеш. *stoupa*.

С. Черниговский тип 2 (кùра, pl. кùры) ~ чешская краткость

1. *gnída: Пл. I **gn'ída*, pl. *gn'ídy*, Пл. II *gn'ida*, pl. *gn'ídy*, Ан. *gnída*, pl. *gnídy* ~ чеш. *hnida*; 2. *grúša: Пл. I *grúša*, pl. *grúšy*, Ан. *grúša, pl. *grúšy* ~ чеш. *hruše*; 3. *jázva: Пл. I *jázva*, pl. *jázvy*, Ан. *jázva*, pl. *jázwy* (но рефлекс типа 1 в Пл. II *jázva, pl. *jázvi*) ~ чеш. *jízva* (наряду с *jízva*); 4. *káša: Пл. I *káša, gen. *kášy*, Ан. *káša*, acc. *kášu* ~ чеш. *kaše*; 5. *kúpa: Пл. I *kúpa*, pl. *kúry*, Пл. II *kúpa, pl. *kúpi*, Ан. *kúpa*, pl. *kúry* ~ чеш. *kupa*; 6. *kúra: Пл. II pl. *kúry*, Ан. pl. *kúry* ~ чеш. *kura* (наряду с *koura*); 7. *(t)lápa: Пл. II *lápа*, pl. *lápí* (при рефлексе типа 1 в Пл. I *lápа*, pl. *lápы*, Ан. *lápа, pl. *lápы*) ~ чеш. *tlapa*; 8. *pěna: Пл. II **p'ièna*, gen. *p'iény*, Ан. **p'ièna*, gen. *p'iény*

(но Пл. I **p'ēna*, gen. *p'ēny*) – чеш. *pěna*; 9. *rýba: Пл. II *rýba, pl. *rýbi*, Ан. *rýba, pl. *rýby* – чеш. *ryba*; 10. *slína/*slínja: Пл. I *sl'ùn'a*, gen. *sl'ùn'i*, Пл. II *sl'ùn'a*, acc. *sl'ùn'u*, Ан. *sl'ùn'a*, acc. *sl'ùn'u* – чеш. *slína*; 11. *ščúka: Пл. I *ščúka*, pl. *ščuk'i*, Пл. II *ščúka*, pl. *ščuki*, Ан. *ščúka*, pl. *ščuky* – чеш. *štika*; 12. *výdra: Пл. I **v'ídra*, pl. *v'ídry*, Ан. *wiwydرا, pl. *wiwydry* – чеш. *vydra*. Возможно, сюда же 13. *glýba: Пл. I *ȝtýba, pl. *ȝtýby*, Ан. *ȝtýba, pl. *ȝtýby* – чеш. *hlyba* (термин горного дела; обычно считается русизмом, но основания для этого неясны).

Неясный случай с колебаниями как в черниговских говорах, так и в чешском — *mōka: Пл. I *mùka*, pl. *mûk'i* при рефлексах типа 1 в Пл. II *mûka*, acc. *mùku*, pl. *mùki*, Ан. *mûka*, gen. *mùky* – чеш. варианты *mouka/muka*.

Необходимо отметить, что только 2-му черниговскому типу соответствует нерегулярная «баритонеза» (выражающаяся в редукции конечных гласных — при регулярном рефлексе nom. sg. a. п. *a* в виде «окситонированных» форм на *-ob*: *cosob*, *iomb* и т. д.) полабских *a*-основ праслав. a. п. *a* (ср. [Амбросиани 1996], где автор предполагает вторичность подобных форм):

1. полаб. *gnáidă* TLD 328 – Пл. I **ȝn'ida*, pl. *ȝn'idy*, Пл. II *ȝn'ida*, pl. *ȝn'idy*, Ан. *ȝnýda*, pl. *ȝnýdy* – чеш. *hnida*; 2. полаб. *gráisvă* TLD 344 – Пл. I *ȝtùša*, pl. *ȝtùšy*, Ан. *ȝtùša, pl. *ȝtùšy* – чеш. *hruše*; 3. полаб. *sláină* TLD 953 – Пл. I *sl'ùn'a*, gen. *sl'ùn'i*, Пл. II *sl'ùn'a*, acc. *sl'ùn'u*, Ан. *sl'ùn'a*, acc. *sl'ùn'u* – чеш. *slína*; ср. также 4. полаб. *taçhb/máçhă* TLD 556 – Пл. I *mùxa, pl. *mûx'i*, Пл. II *mùxa, pl. *mûxi*, Ан. *mùxa, pl. *mûxy* (при долготе в чеш. *moucha*).

Отсюда следует, что утверждение о вторичности полабских «баритонез», равно как (средне)чешских краткостей на месте «старого акута», нуждается по крайней мере в основательной ревизии. Объяснение дробления «старого акута», скорее всего, лежит на балто-славянском или даже индоевропейском уровне.

Деление основ со «старым акутом» наблюдается в черниговских говорах и в среднем роде, ср. Пл. I: тип 1 — *čúdo > *čúda*, *krěslo > *krèsla*, *pôto > *pùta*, *právo > *pràva*, *sádlo > *sàla*, *sító > *s'ítá*, *žító > *žýtá*; тип 2 — *bljúdo > *bl'úda*, *dělo > *ȝ'ěta*, *lěto > *l'ěta*, *lýko > *těika*, *město > *m'ěsta*, *útro > *ûtra*.

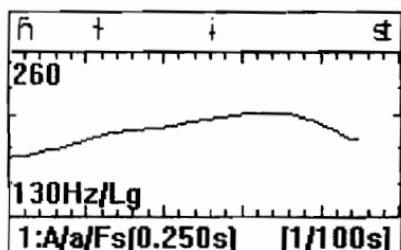
Образцы тонограмм

Ниже приводятся образцы тонограмм односложных существительных из Анисова и Плёхова (Плёхов II). Тонограммы выполнены с помощью компьютерной программы WinCECIL (Computerized extraction of components of intonations of language for Windows // Summer Institute of Linguistic, 1994). Транскрипционные знаки гласных в шапках тонограмм поставлены в начале звучания гласных. Приводятся как регулярные, так и нерегулярные с точки зрения установления соответствий формы (см. комментарии выше).

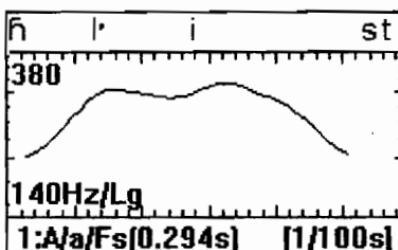
Анисов

Плёхов II

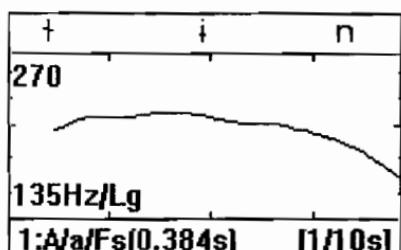
*gl̩istъ В

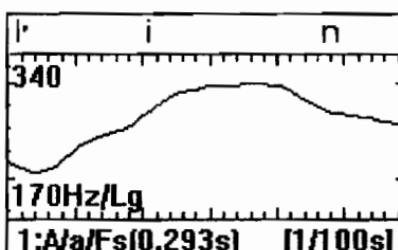
1. γt̩ist

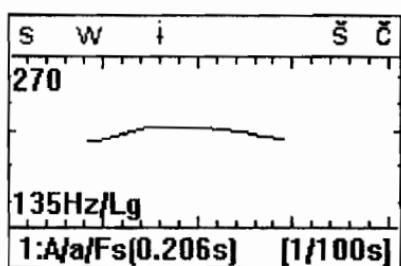
2. γl̩ist

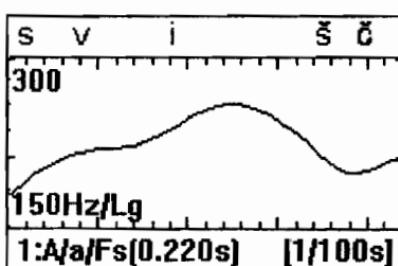
3. t̩lin

4. l̩in

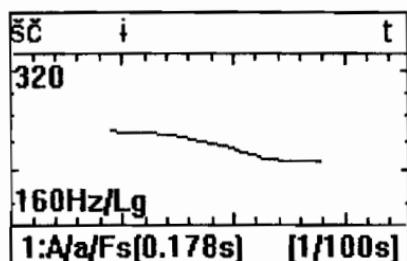

5. sw̩išč

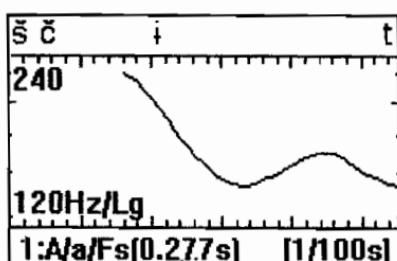

6. sv̩išč

*ščítъ В

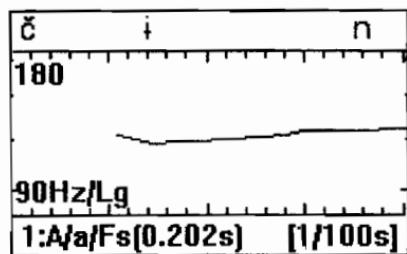

7. ščít

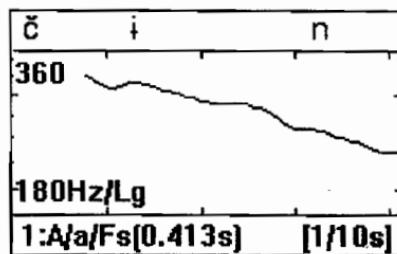

8. ščít

*činъ D

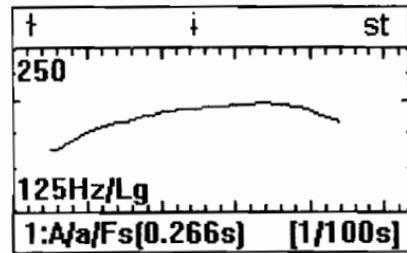

9. čin

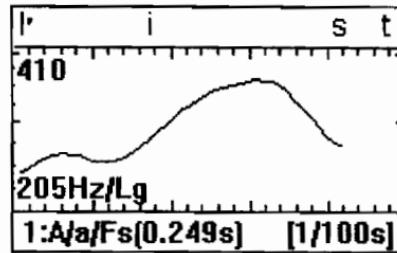

10. čin

*listъ D

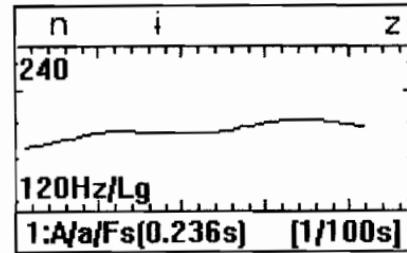

11. tlist

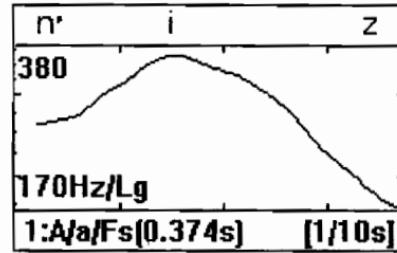

12. l'list

*nizъ D

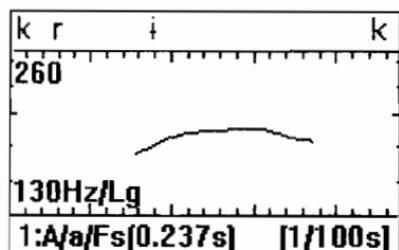

13. niz

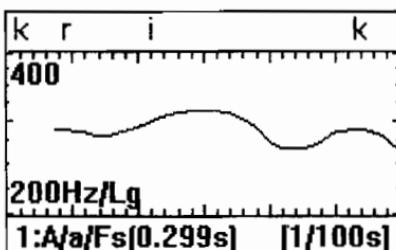

14. n'iz

*krīkъ С

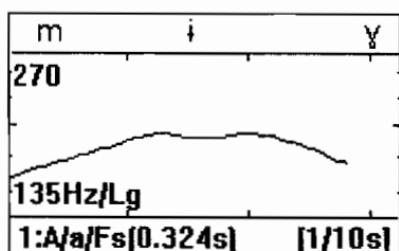

15. krīk

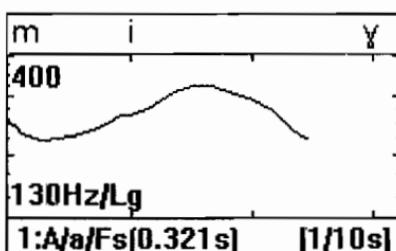

16. krīk

*mīgъ С

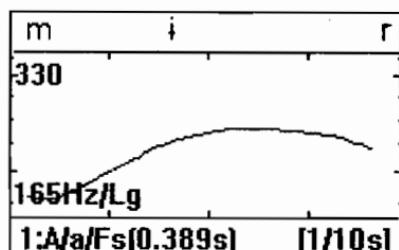

17. mīg

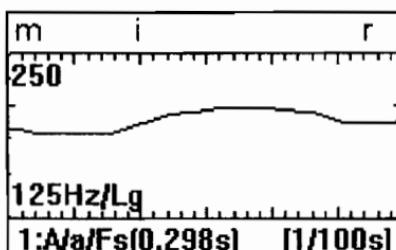

18. mīg

*mīrъ С

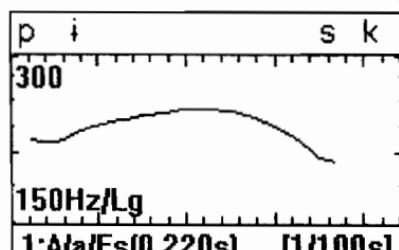

19. mīr

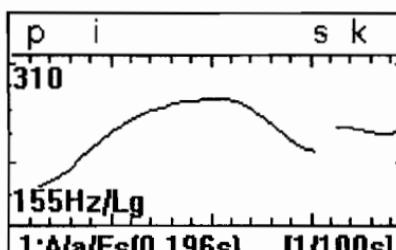

20. mīr

*pīskъ С

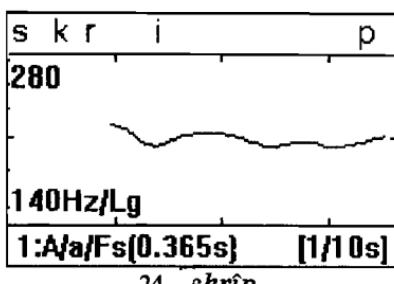
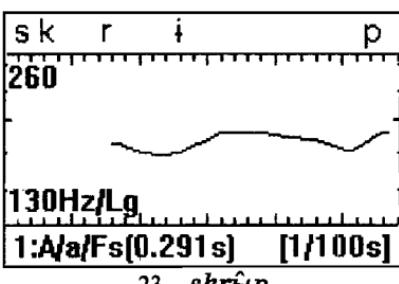

21. pīsk

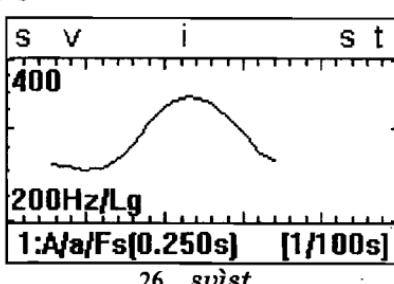
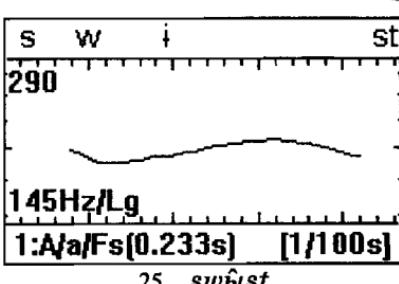

22. pīsk

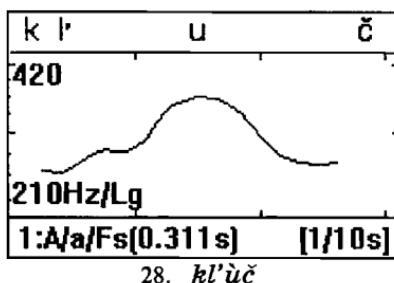
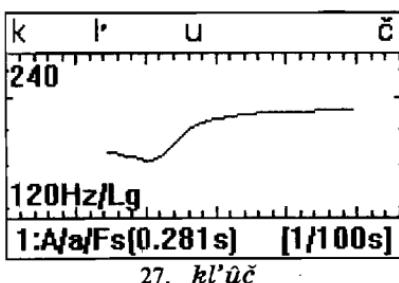
*skrīpъ C

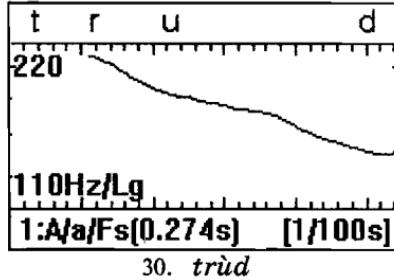
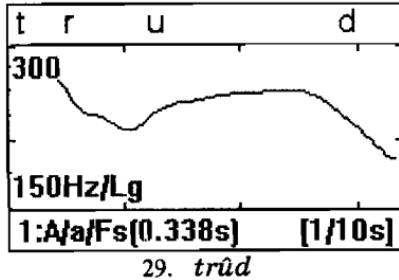
*svīstъ C

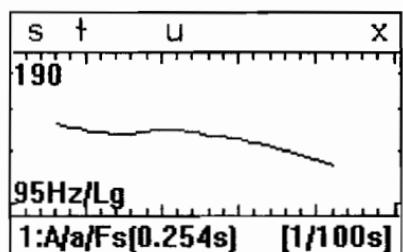
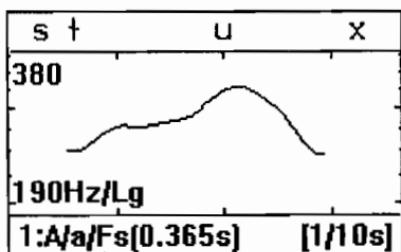
*kl'ūčь B

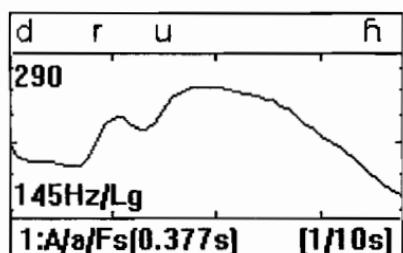
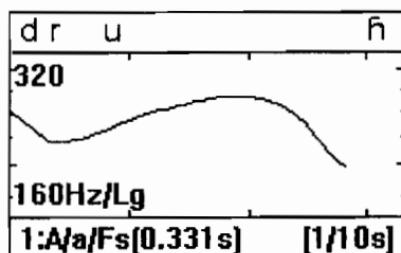
*trūdъ B

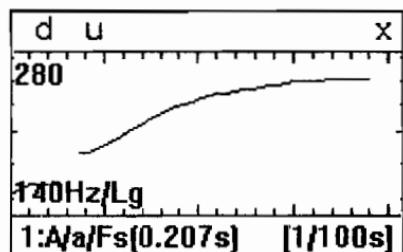
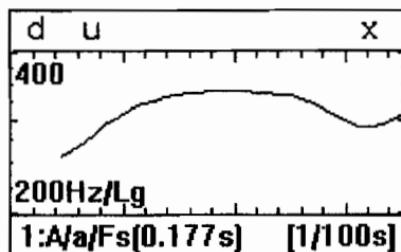
*sluxъ D

31. *stùx*32. *stùx*

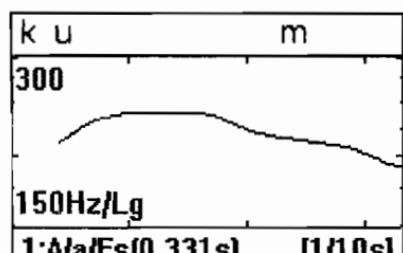
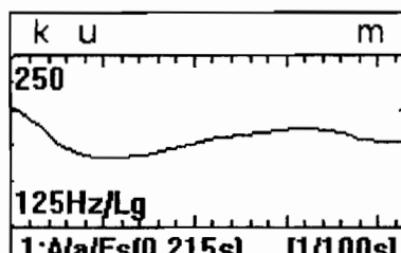
*drûgъ C

33. *drûγ*34. *drûγ*

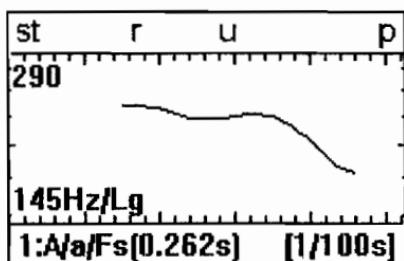
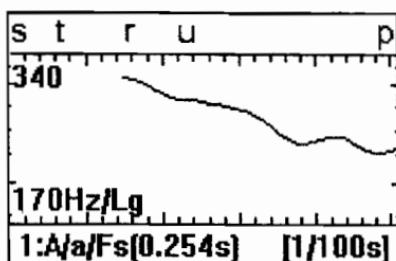
*dûxъ C

35. *dûx*36. *dûx*

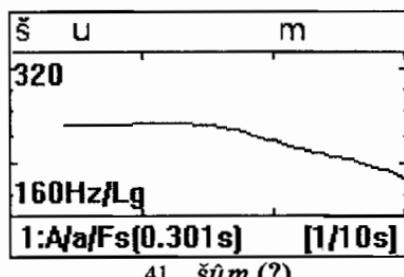
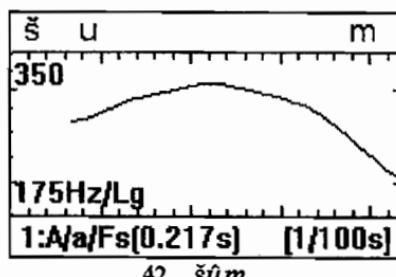
*kûmъ C

37. *kûm*38. *kûm*

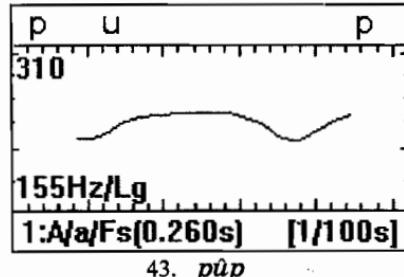
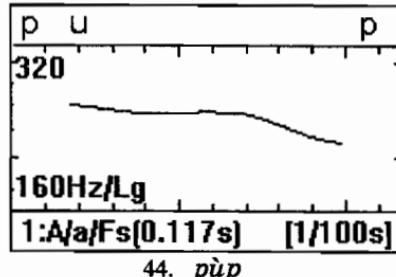
*strūpъ C

39. *strūp*40. *strūp*

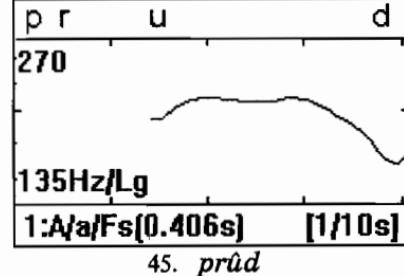
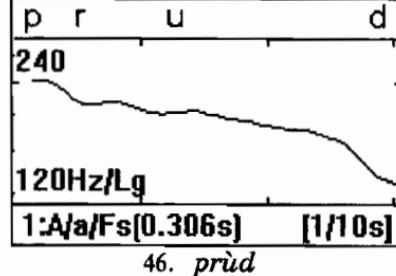
*šūmъ C

41. *šūm* (?)42. *šūm*

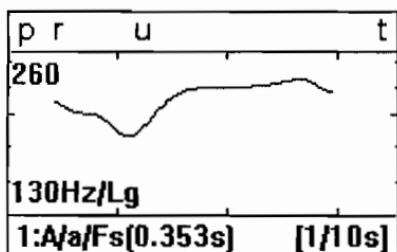
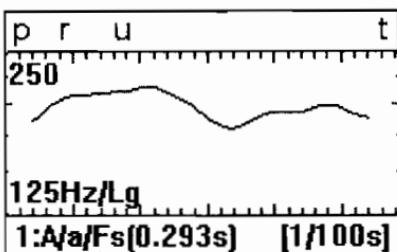
*pōrpъ B

43. *pūp*44. *pūp*

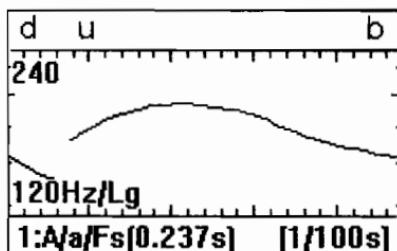
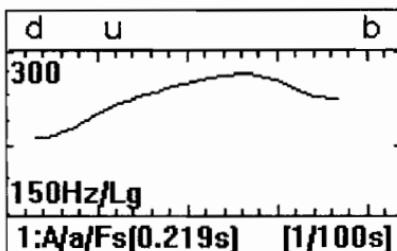
*prōdъ B

45. *prūd*46. *prūd*

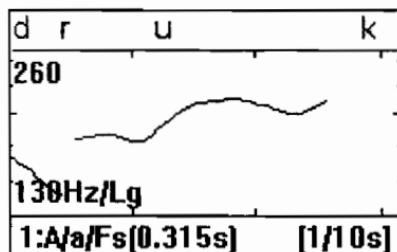
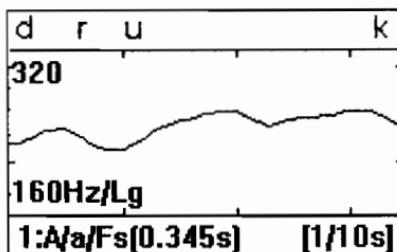
*prōtъ В

47. *prüt*48. *prüt*

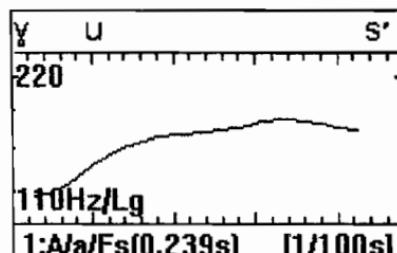
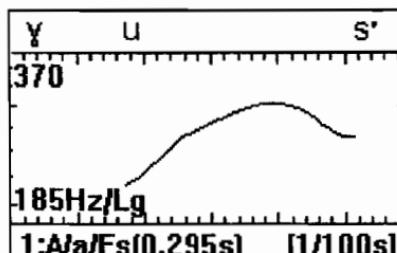
*dqbъ D

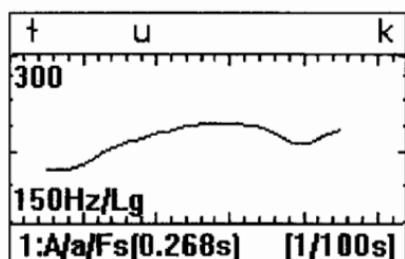
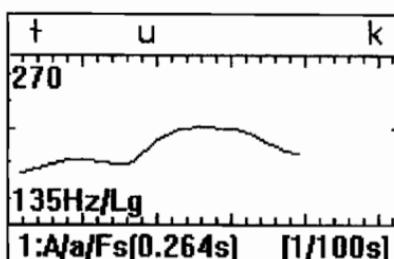
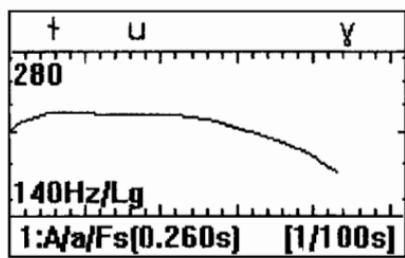
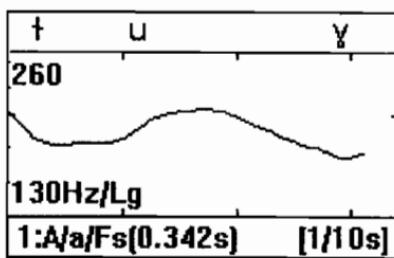
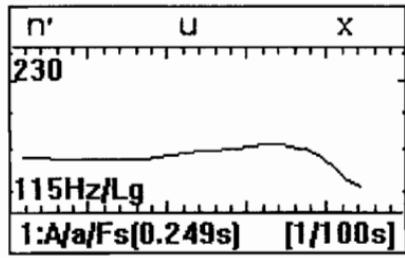
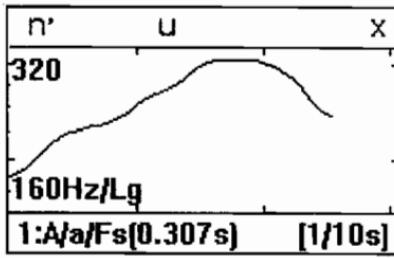
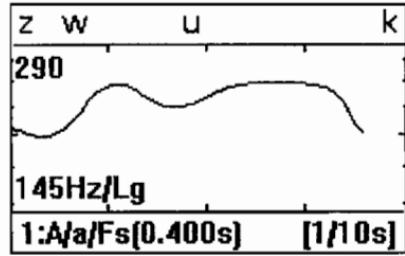
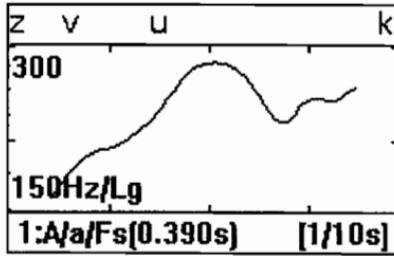
49. *düb*50. *düb*

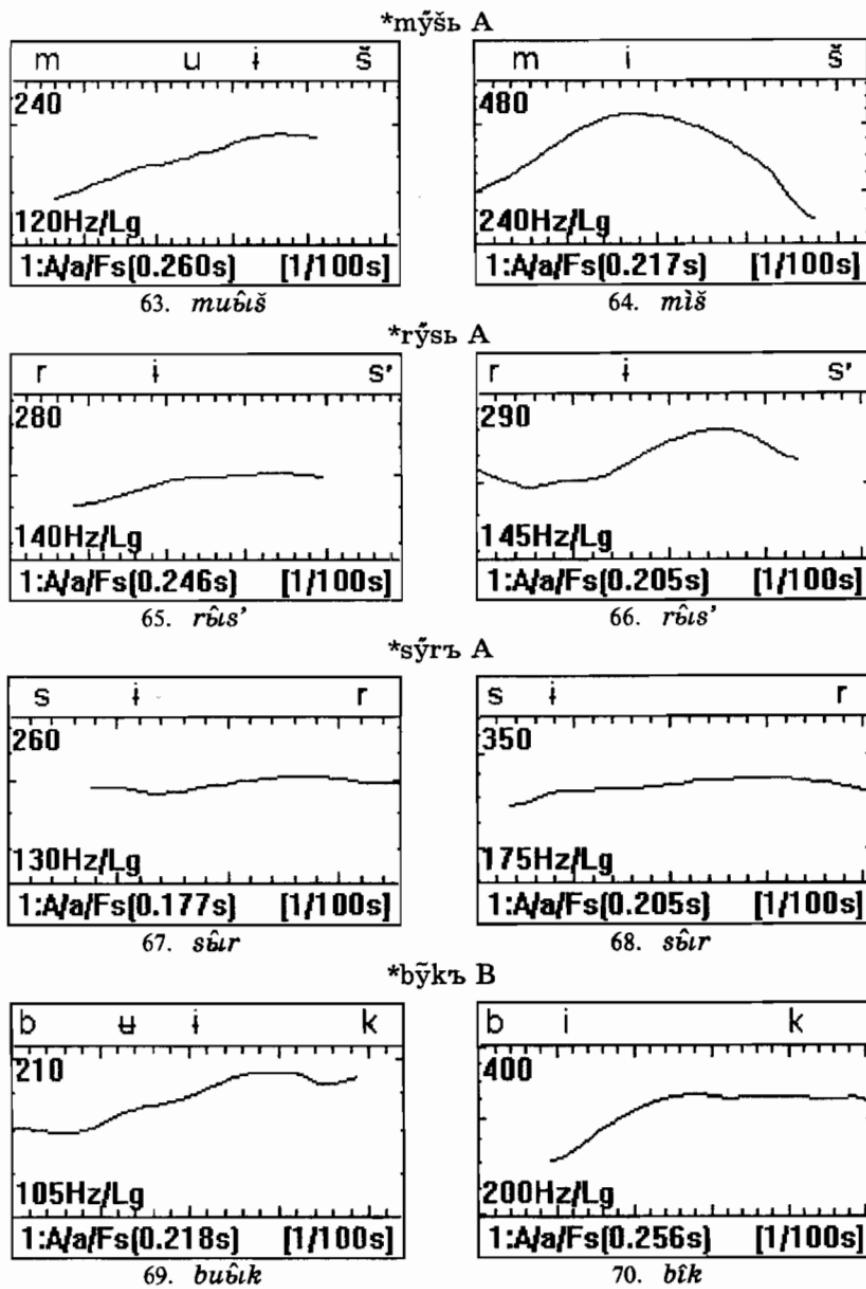
*drōkъ D

51. *drük*52. *drük*

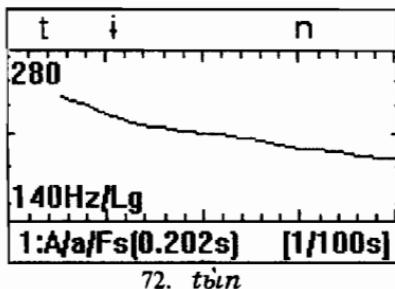
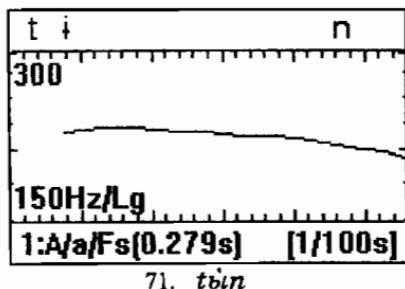
*gqosъ D

53. *γüs'*54. *γüs'*

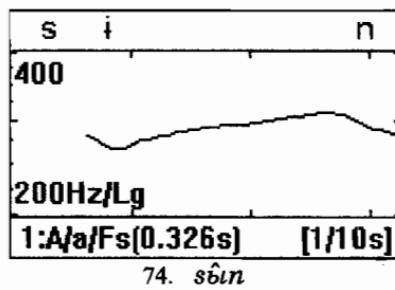
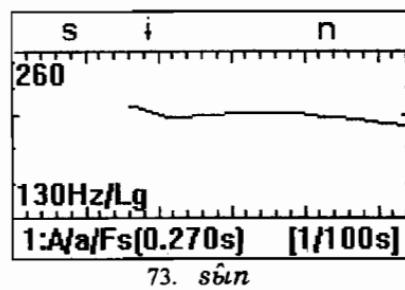
lqkъ D*55. *tuk*56. *tuk*lqgъ D*57. *tug*58. *tug***n'[q]xъ C*59. *n'ux*60. *n'ux***zvqkъ C*61. *zwuk*62. *zvuk*

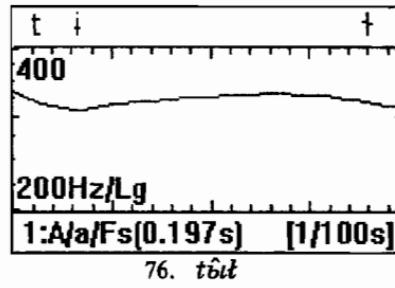
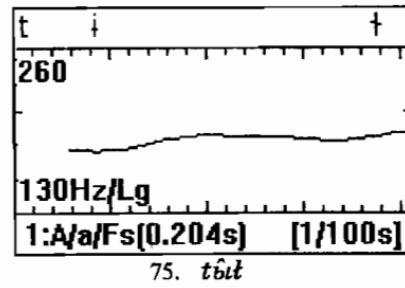
*түпъ D?

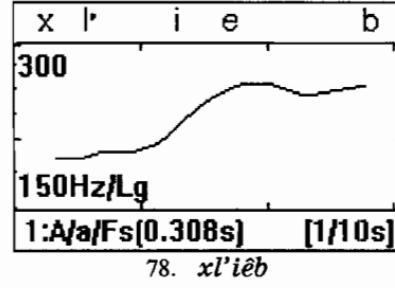
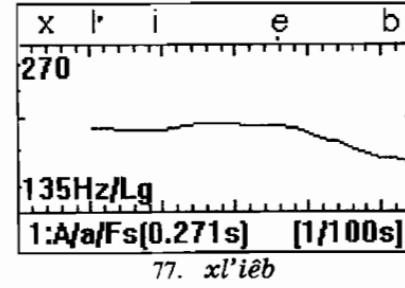
*сүпъ C

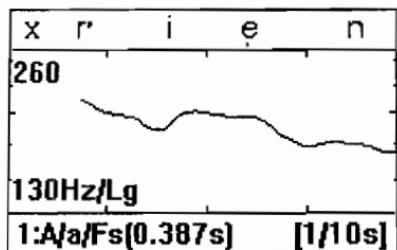
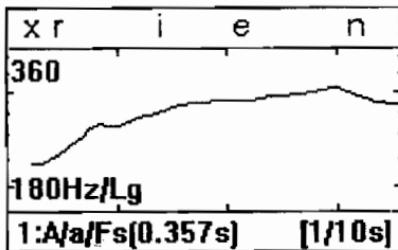
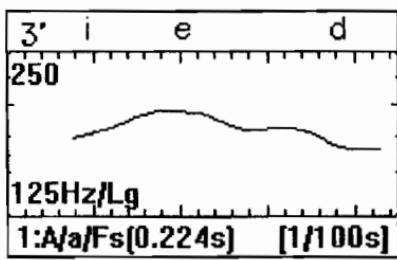
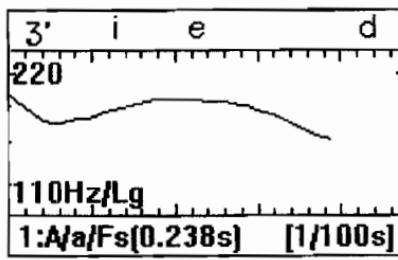
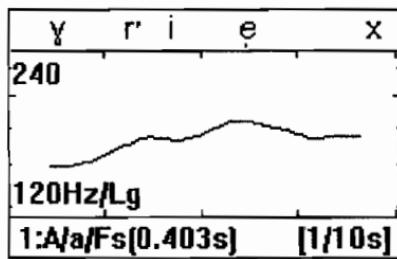
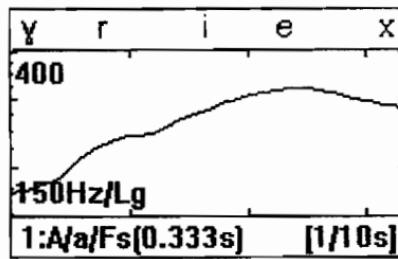
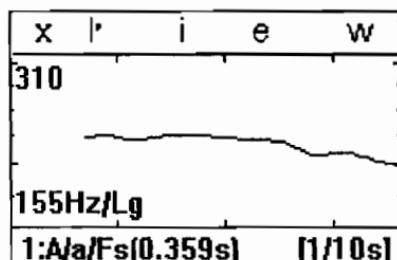
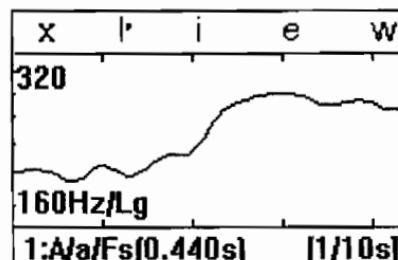

*түлъ C

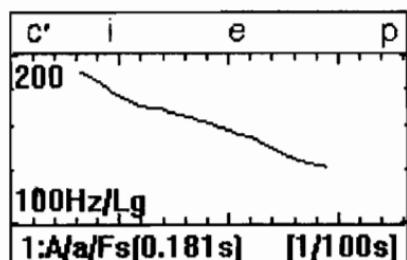
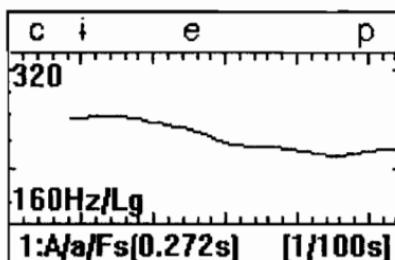

*хлебъ A

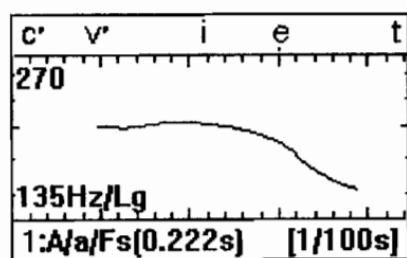
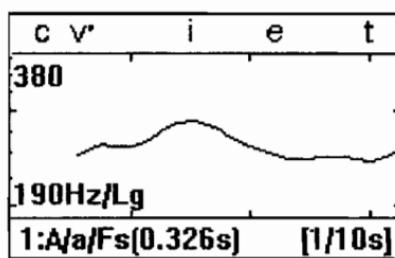

xřepъ A*79. *xr'iēn*80. *xriēn*dědъ A*81. *d'iēd*82. *ž'iēd***grěxъ B*83. *γr'iēx*84. *γriēx***xlěvъ B*85. *xl'iēw*86. *xl'iēw*

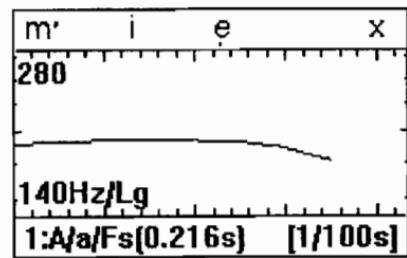
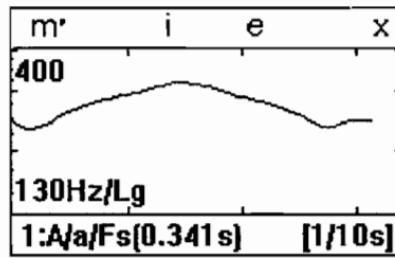
*сे́ръ D

87. *c'ièp*88. *syèp*

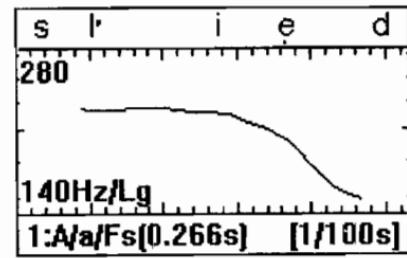
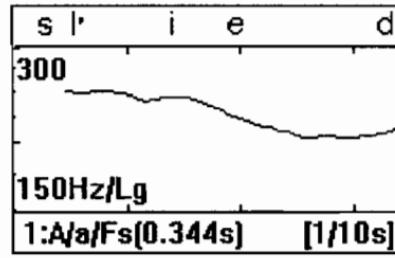
*kvě́тъ D

89. *c'v'ièt*90. *cv'ièt*

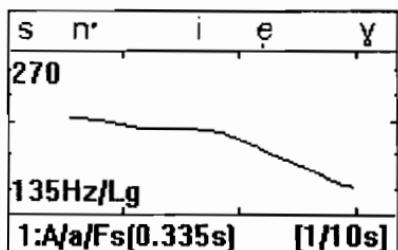
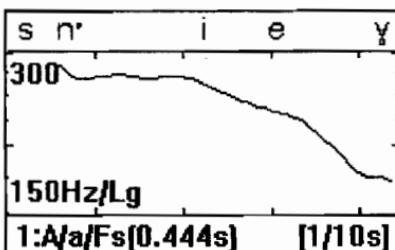
*měхъ D

91. *m'ièx*92. *m'ièx*

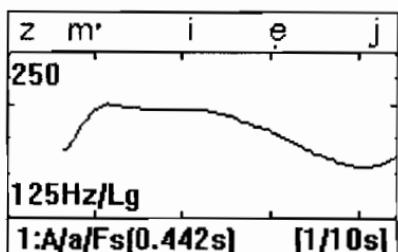
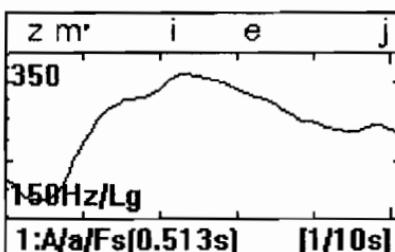
*slěдъ D

93. *sl'ièd*94. *sl'ièd*

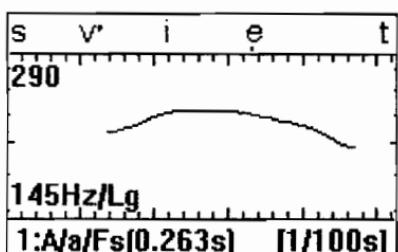
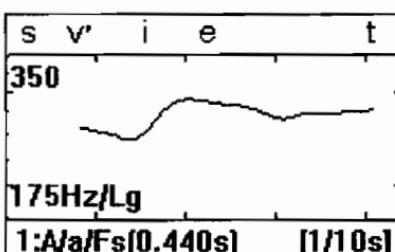
*sněgъ D

95. *sn'ièγ*96. *sn'ièγ*

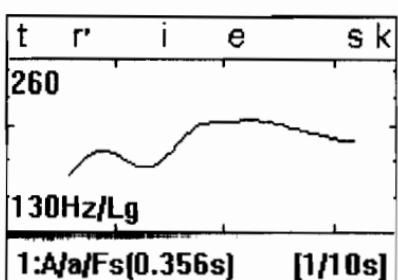
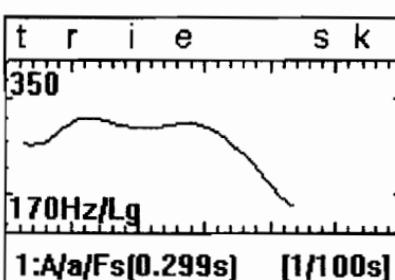
*změjъ D

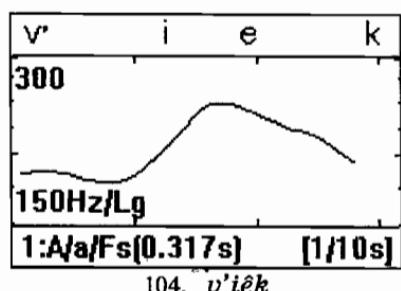
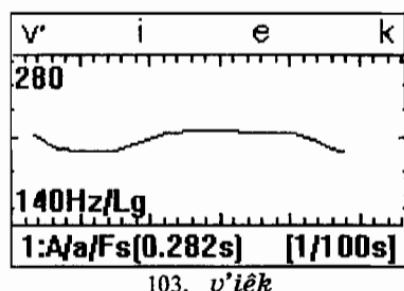
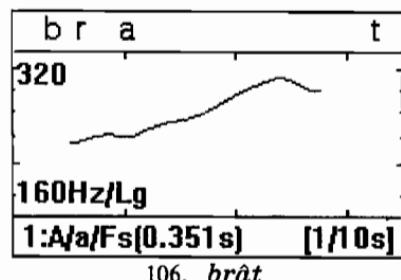
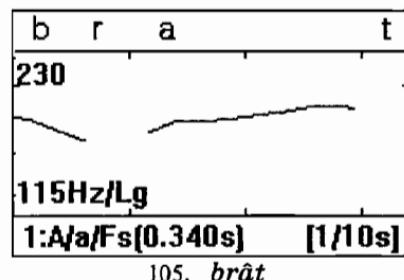
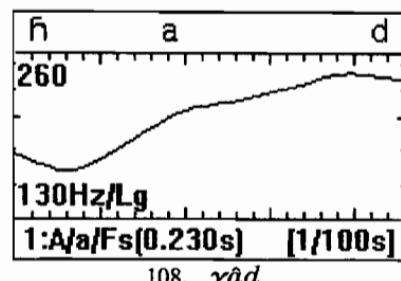
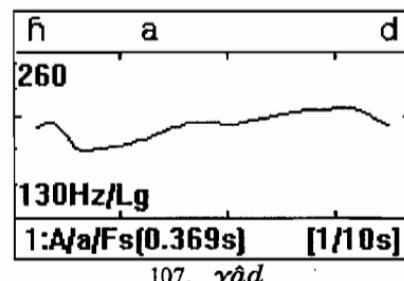
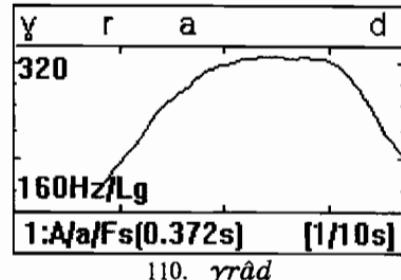
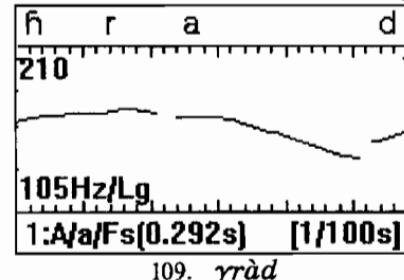
97. *zm'ièj*98. *zm'ièj*

*světъ C

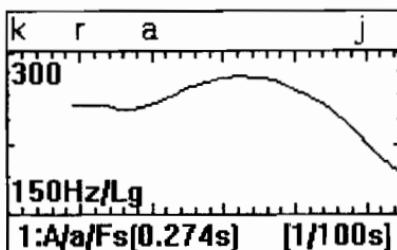
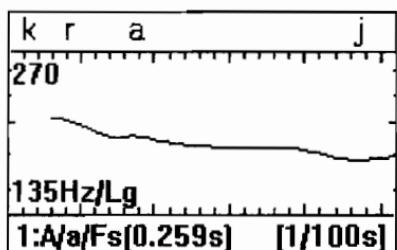
99. *sv'ièt*100. *sv'ièt*

*trěskъ C

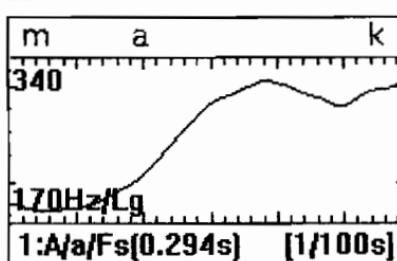
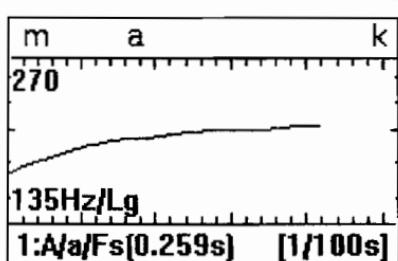
101. *tr'ièsk*102. *trièsk*

vēkъ C*brātъ A***gádъ A***grádъ A*

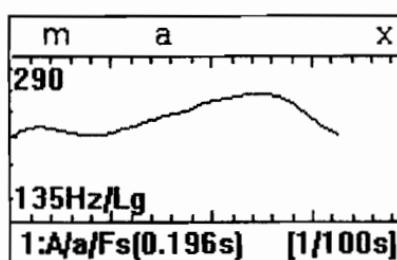
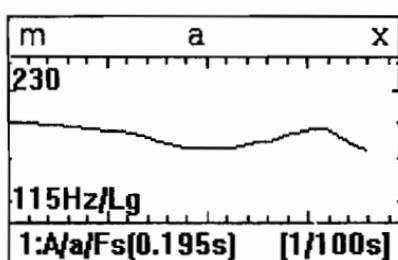
*krájъ A

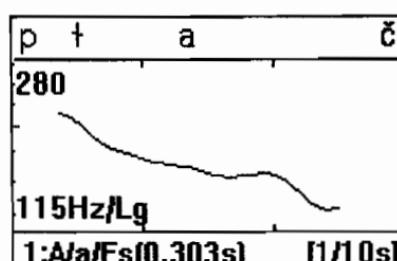
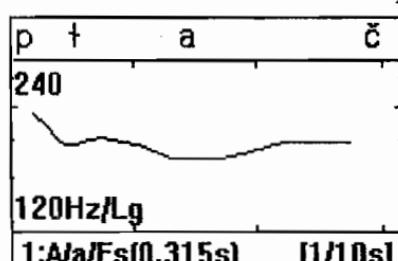
*mákъ A

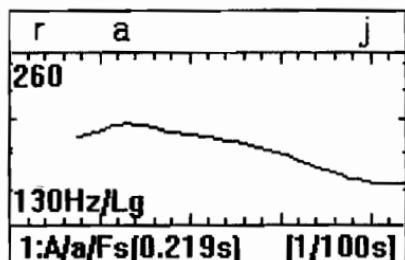
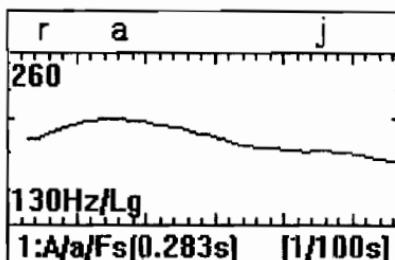
*mákъ A?

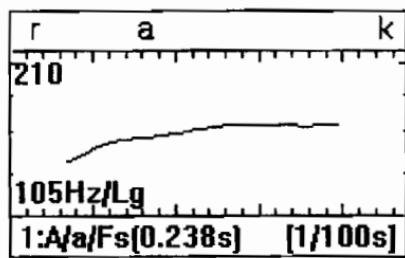
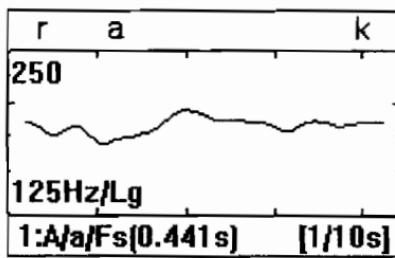
*pláčъ A

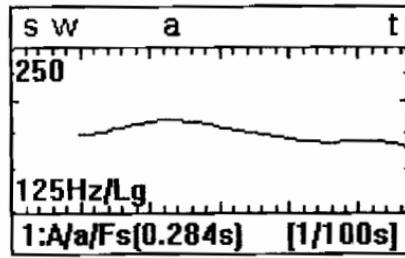
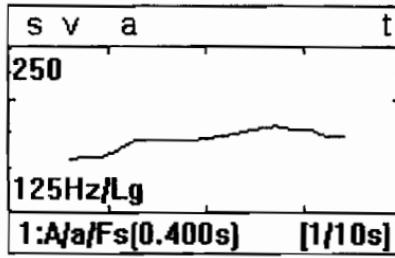
*rājъ A

119. *rāj*120. *rāj*

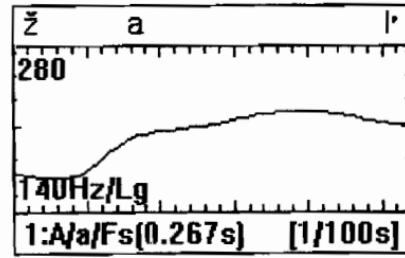
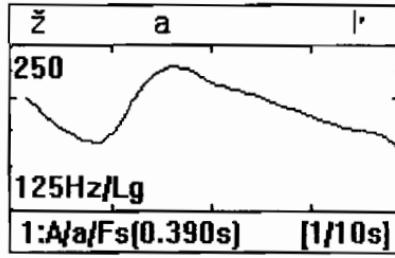
*rākъ A

121. *rāk*122. *rāk*

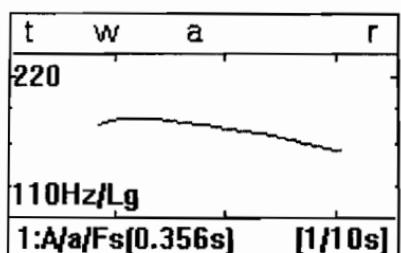
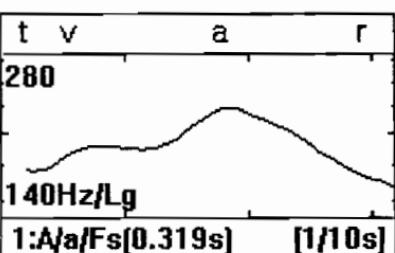
*svātъ A

123. *svāt*124. *svāt*

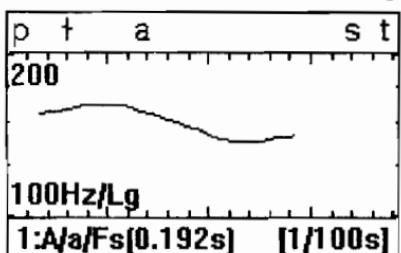
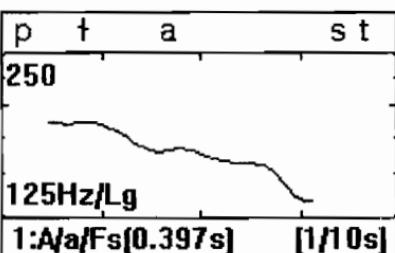
*žālъ A

125. *žāl'*126. *žāl'*

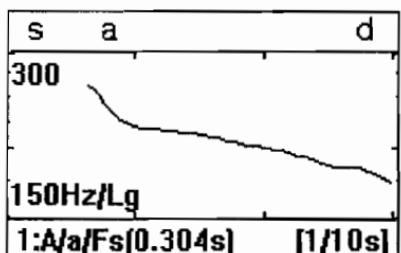
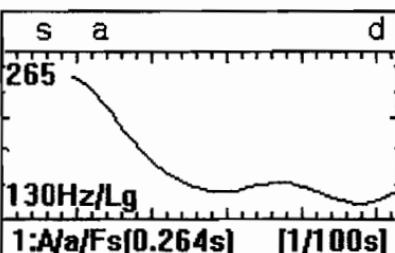
*tvärgъ D

127. *tvär*128. *tvär*

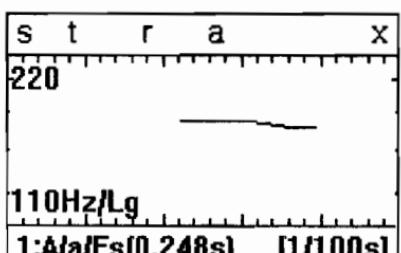
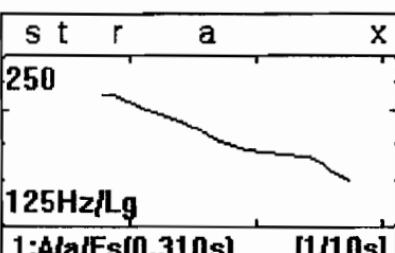
*plastъ D

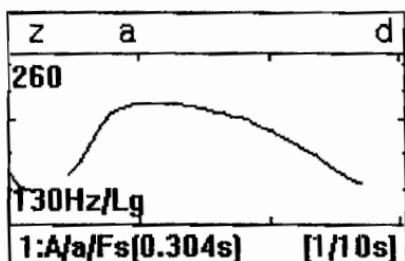
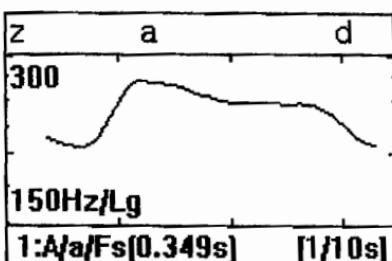
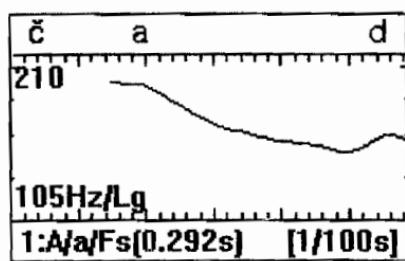
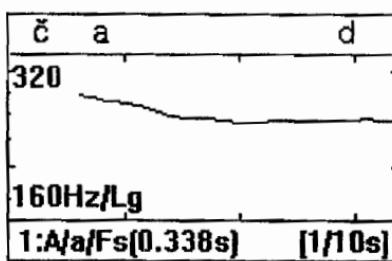
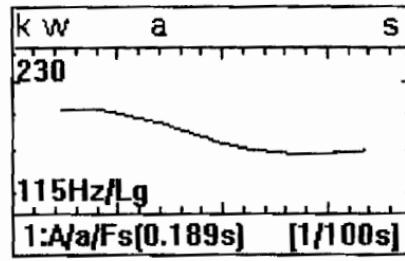
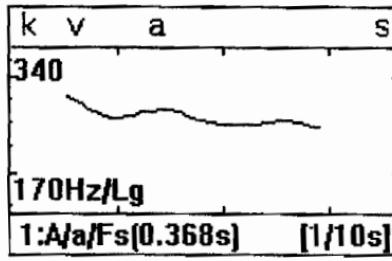
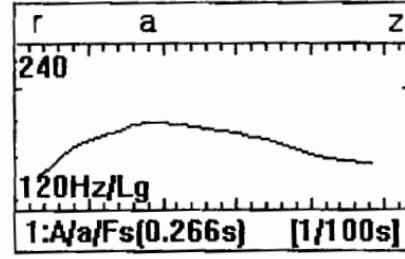
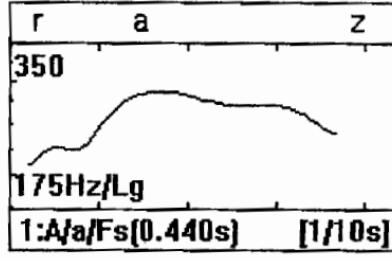
129. *plast*130. *plast*

*sadъ D

131. *sad*132. *sad*

*straxъ D

133. *strax*134. *strax*

zadъ D*135. *zadъ*136. *zadъ*čadъ C*137. *čadъ*138. *čadъ***kvâsъ C*139. *kwâsъ*140. *kwâsъ***râzъ C*141. *râzъ*142. *râzъ*

**Метатония акут ⇒ циркумфлекс
в рецессивных корнях
и новые данные
о различении заударных интонаций**

Введение понятия *морфонологической акцентуационной валентности* и рассмотрение явления, отраженного этим понятием, как характеристики праславянской и балто-славянской просодии привело к ряду нетривиальных результатов.

Славянские и балтийские прикорневые суффиксы, как и прочие морфемы, делятся на два класса: I класс — балто-славянские суффиксы, которые считаются доминантными, т.е. (+)-суффиксами, а II класс — класс балто-славянских рецессивных суффиксов, т.е. (−)-суффиксов [Николаев 1989; об аналогичном распределении корней см. Николаев, Старостин 1982; Николаев 1986].

Словоформы, содержащие доминантные («плюсовые») морфемы, являются ортотоническими (ортотонами); словоформы, содержащие только рецессивные («минусовые») морфемы, являются энклиномическими (энклиноменами). Согласно общему правилу балто-славянской акцентологии производные с рецессивными суффиксами сохраняют акцентную парадигму производящих, тогда как производные с доминантными суффиксами получают неподвижный акцентный тип независимо от а.п. производящего [Дыбо 1981].

Наряду с этим предсказываемым теорией результатом был получен также результат, который непосредственно теорией не предсказывался: оказалось, что в производных с доминантными первичными (простыми, несоставными) суффиксами от акутированных корней рецессивного, т.е. (−)-класса, происходит метатония «акут ⇒ циркумфлекс», тогда как в производных от акутированных корней доминантного, т.е. (+)-класса, метатония отсутствует²⁴.

²⁴ Ниже приводятся лишь отдельные иллюстрации, полный материал см. в [Николаев 1989: 77–97]; ср. также [Дыбо, Замятин, Николаев 1990: 88–108], [Дыбо 1997: 166–178].

I. Балто-славянская метатония в производных с суффиксами «доминантного» класса (-*to-*, -*sto-*, -*Tlo-* и др.)

Акутированные корни балто-славянских глаголов подвижного акцента с (—)-маркировкой (рецессивные) меняют интонацию на циркумфлекс.

Литовский (2-я а. п.)

а) суфф. *-ta-s*:

1. лит. *graūžtas* (2) ~ лит. *gráužti*, лтш. *graūzt*, слав. *grýzq, *gryzētъ (а. п. с.);
2. лит. *dōtas* (2) ~ лит. *dúoti*, лтш. *duōt*, слав. *dâjQ, *dajētъ (а. п. с.);
3. лит. *nařtas* (2) ~ лит. *nérti*, слав. *nýrQ, *nýrētъ (а. п. с) и т. п.;

б) суфф. *-sta-s*:

1. лит. *klōstas* (2), pl. *klōstai* ~ лит. *klōti*, лтш. *klāt*, слав. *klâdq, *kladētъ (а. п. с.);
2. лит. *mōstas* (2) ~ лит. *móti*, лтш. *mât*, слав. *mâjQ, *majētъ (а. п. с.);
3. лит. *aūkštas* (2) ~ лит. *áugti*, лтш. *aûgt* и т. п.;

в) суфф. *-kla-s*:

1. лит. *děklas* (2) ~ лит. *děti*, лтш. *dēt*, *dētiēs*, слав. *dějQ, *dějētъ (а. п. с.);
2. лит. *pa-būklas* (2) ~ лит. *būti*, лтш. *bût*, слав. (*l*-part.) *býlъ, *bylá, *býlo (а. п. с.);
3. лит. *spiřklas* (2) ~ лит. *spírti*, лтш. *sper̄t*, слав. *pêrQ, *perētъ (а. п. с) и т. д.

Славянский (а. п. b)

Суфф. *-dlo*:

1. слав. *dědlo (> *dědlò) ~ слав. *dějQ, *dějetъ (а. п. с), лтш. *dēt*, *dētiēs*;
2. слав. *žeřdlo, *žyřdlo (> *žerdlò, *žyrdlò) ~ слав. *žerQ, *žerētъ; *žyřQ, *žyřētъ (а. п. с), лтш. *dzeřt*;

3. слав. *zīdlo (> *zidlō) ~ слав. *zīvQ, *zivētъ (а. п. с), лтш. *dzīt* 'заживать' и т. п.

II. Отсутствие балто-славянской метатонии в производных с суффиксами «доминантного» класса (-to-, -sto-, -*Tlo*- и т. п.)

Акутированные корни балто-славянских глаголов неподвижного акцента с (+)-маркировкой (доминантные) не меняют интонации.

Литовский (1-я а. п.)

а) суфф. *-ta-s*:

1. лит. *káltas* (1) ~ лит. *kálti*, лтш. *kal̄t*, *kult*, слав. *kōljQ, *kōljetъ (а. п. *b/a*);
2. лит. *būrtas* (1) ~ лит. *būrti*, лтш. *buřt*;
3. лит. *gniáužtas* (1) ~ лит. *gniáužti*, лтш. *gnaūzt* и т. п.;
4. лит. *váistas* (1) ~ слав. *věděti (а. п. *a*);

б) суфф. *-sta-s*:

1. лит. *žióstas* ~ лит. *žióti*, слав. *zějQ, *zějetъ (а. п. *a*);

в) суфф. *-kla-s*, *-klā*:

1. лит. *dürklas* (1) ~ лит. *dùrti*, лтш. *duřt*;
2. лит. *irklas* (1 > 3) ~ лит. *irti*, лтш. *iřt*, *iřtiēs*;
3. лит. *sěkla* (1; f.) 'семя' ~ лит. *sěti*, лтш. *sět*, слав. *sějQ, *sějetъ (а. п. *a*) и т. п.

Славянский (а. п. *a*)

Суфф. *-dlo*:

1. слав. *rýdlo ~ слав. *rýjQ, *rýjetъ (а. п. *a*);
2. слав. *šídlo ~ слав. *šijQ, *šijetъ (а. п. *a*), лит. *siúti*, лтш. *sūt*;
3. слав. *médlo ~ слав. *měnQ, *měnetъ (а. п. *a/b*); лит. *mínti*, лтш. *mít* и т. п.

Исключения из данного соотношения единичны и легко объясняются либо наличием древних акцентуационных вариантов у некоторых глаголов, либо сменой акцентных характеристик у них в более поздний период.

Вторичная доминантность и метатония

Структура вторичных суффиксов.

В праславянском (и в балто-славянском) реконструируется большое число доминантных суффиксов, не изменяющих интонации корня. Собственно, само наличие таких суффиксов позволило создать непротиворечивую теорию акцентуационных валентностей (анализу образований с суффиксами этого типа посвящена основная часть работы [Дыбо 1981], см. также [Дыбо 1994]). Рассматривая структуру вторичных суффиксов, мы видим, что они состоят, минимум, из двух частей: *-āko-* (в **durakъ*; **inakъ*) = *-ā-+ko-*; *-iko-* (в **копъсь*) = *-i-+ko-*; *-uko-* (в **stzlbъkъ*) = *-u-+ko-*; *-īko-* = *-ī-+ko-*; *-īka-* (в **sestrica*) = *-ī-+kā-*; *-ovo-* = *-o-+vo-*; *-āvo-* (в **lqkavъ*) = *-ā-+vo-*; *-īvo-* (в **krasivъ*) = *-ī-+vo-*; *-īto-* (в **jъtmenitъ*) = *-ī-+to-*; *-āto-* (в **volsatъ*) = *-ā-+to-*; *-ājo-* (в **ortajъ*) = *-ā-+jo-* и т. п.

Морфонологические характеристики составляющих и просодическое поведение вторичных суффиксов.

Анализ материала показывает, что первая часть этих суффиксов, как правило, либо тематический гласный *-o-*, извлеченный из тематических основ, либо иной основообразующий формант, сросшийся с первичным суффиксом (*-i-*, *-u-*, *-ā-*, *-ī-*, *-ū-*), а вторая — первичный суффикс. Тематический гласный (как правило) и другие основообразующие форманты при самостоятельном функционировании являются рецессивными морфемами, что непредложно вытекает из наличия у всех этих видов основ подвижного акцентного типа.

Естественно предположить, что доминантность такого рода суффиксов обусловлена доминантностью их второй части. Иначе говоря, доминантная вторая часть суффикса изменяет морфонологический статус первой его части, делая ее (вторично) доминантной так же, как первичный доминантный суффикс изменяет морфонологический статус первично рецессивного корня, делая его (вторично) доминантным.

Если первая часть вторичного суффикса представляет собой изначальный долгий монофтонг или рефлекс сочетания

«сонант + э» и должна быть по правилам де Соссюра и Бецценбергера акутированной, в ней происходит метатония и акут заменяется на циркумфлекс.

Примеры метатонии в суффиксах:

1. Ярким примером метатонии во вторичных (составных) суффиксах служит поведение акцента в балто-славянском суффиксе *-āko-s*. В славянском этот суффикс в адъективном употреблении сохранился лишь у местоименных прилагательных и показывает в них отчетливо рецессивный характер,ср.: 1. *jākъ, *jakā, *jāko (от *jъ, *jā, *jē — а. п. с); 2. *tākъ, *takā, *tāko (от *tъ, *tā, *tē — а. п. с); 3. *kākъ, *kakā, *kāko (ср. *kēto, *cēto — а. п. с); но от местоимений неподвижного акцентного типа: 1. *īnakъ, *īnaka, *īnako (от *īnъ, *īna, *īno — а. п. а); 2. **vys'ākъ*, **vys'āka*, **vys'āko* (от **vēs'ъ*, **vēs'ā*, **vēs'e* — а. п. б). В литовском прилагательные с суффиксом *-ōka-s* (< *-āko-s*) относятся к неподвижному акцентному типу с постоянным акутовым ударением на суффиксе: *ilgōkas* (ср. лтш. *ilgs*), *plonōkas* (ср. лтш. *plāns*), *sunkōkas* (ср. ст.-лит. *suñkus*, 2-я а. п. у Даукши), *platōkas* (ср. *platūs*, 4-я а. п. у Даукши). Это явно перестроенная акцентовка с генерализацией акцентных типов, возникших в результате действия законов де Соссюра и Хирта. Для балто-славянского, таким образом, следует восстанавливать рецессивный статус этого адъективного суффикса.

Этот же суффикс в субстантивном употреблении показывает циркумфлектируемый характер гласного *-ā-* и акцентный тип с постоянным насуффиксальным ударением: лит. *paujōkas* (2-я а. п.), *bērōkas* (2-я а. п.), *kaulōkas* (2-я а. п.) и т. п., ср. генетически тождественную а. п. *b* в подобных образованиях в славянском: *durākъ, *prostākъ, *rybākъ, *mōdrakъ и т. п. Очевидно, что и в этом словообразовательном типе мы встречаемся с генерализацией акцентного типа с насуффиксальным ударением и устранением акцентного типа с первично накоренным ударением. Например, два последних славянских примера первоначально должны были иметь следующую акцентовку: *rybākъ и *mōdrākъ > *mōdrákъ*.

2. Более близкое к первоначальному состоянию мы имеем в литовском в словообразовательном типе с вторичным суффиксом *-ykla-s*: *gydyklas* 'лекарство' (от *gydyti* 'лечить'), *výstyklas*

(3 < *1) 'пеленка' (от *výstyti* 'пеленать, свивать'), но *kabýklas* (2) 'вешалка' (от *kabýti > *kabínti* 'вешать'), *kibýklas* (2) 'крюк, зацеп' (от *kibýti* 'вешать, зацеплять'), *kratýklas* (2) 'labai slidus šypelis pakuoloms kratyti' (от *kratýti* 'трясти'). Суффикс *-ykla-s*, очевидно, состоит из доминантного первичного суффикса *kla-s* и основообразующего форманта каузативных глаголов *-y-* (<-i-), морфонологическим статусом которого, как показывают славянские данные, была рецессивность (ср. наличие в каузативах а. п. с и тип ее акцентной кривой: inf. *gubíti* ~ sup. *gùbitъ*, l-prtc. *gùbilъ, *gubila, pl. *gùbili* и т. д.). По двум первым примерам видно, что суффикс *-ykla-s* не наводит метатонию на корень, однако сама первая его часть (*-y-*), как показывает рассмотрение следующих трех примеров, подвергается метатонии и получает морфонологический статус доминантности. Подвижность акцента у второго производного, очевидно, вторична (а. п. первого слова неизвестна), ср. подобное же вторичное развитие подвижности у производных с суффиксами *-tuva-s* и под. (см. [Николаев 1989]).

Морфонологическое представление поведения вторичных суффиксов.

Такое различие в морфонологическом поведении вторичных и первичных суффиксов, а равно и составляющих вторичных суффиксов, свидетельствует о сложном характере статуса доминантности.

Можно отразить установленные нами различия в типе доминантности соответствующей маркировкой. Для обозначения первичной доминантности корней, первичных суффиксов и соответствующих частей вторичных суффиксов оставим знак (+), для обозначения вторичной доминантности корней и соответствующих частей вторичных суффиксов введем знак (†). В этом случае различие между соответствующими адъективными и субстантивными суффиксами выразится так: 1. adj. *-ā-kō-s* ~ subst. *-ā-kō-s*; 2. adj. *-u-kō-s* ~ subst. *-u-kō-s*; 3. adj. *-ā-vō-s* ~ subst. *-ā-vō-s*; 4. adj. *-l-kō-s* ~ subst. *-l-kō-s* и т. д.

Приведем еще некоторые характерные морфонологические представления вторичных суффиксов: 1. adj. *-in-o-s* ~ adj. *-in-jō-s*; 2. adj. *-išk-o-s* ~ adj. *-išk-jō-s*; 3. subst. *-ib-ā-* ~ subst. *-ib-jā-*; 3. subst. *-in-l-kō-s*, *-ou-l-kō-s* и т. д.

Уже из этого перечня видны некоторые особенности внутренней структуры вторично доминантных суффиксов.

Во-первых, вторично доминантные составляющие не на-водят вторичную доминантность на корни, они ведут себя так же, как вторично доминантный суффикс в целом по отношению к корневой морфеме.

Во-вторых, бросается в глаза нарочитая произвольность членения, связанная с наличием «чредующихся» пар и их структурой.

Если представлены пары, состоящие из рецессивных адъективных суффиксов и как бы омонимичных им доминантных субстантивных суффиксов (adj. *-u-ko-s* ~ subst. *-u-kɔ-s*), мы предпочитаем вычленять первично рецессивный основообразующий формант, а различие статусов парных суффиксов сводить к различию статусов первичных суффиксов adj. *-ko-* и subst. *-kɔ-*, следуя за аналогичным рассмотрением первичных суффиксов adj. *-to-* и subst. *-tɔ-*. В тех же случаях, когда в наших парах наведение вторичной доминантности осуществляется заменой тематического гласного или другого основообразующего форманта каким-либо иным формантом (adj. *-in-o-s* ~ adj. *-in-jɔ-s*), мы выделяем в качестве носителя акцентуационной валентности этот тематический гласный. Форманты *-k-* и *-t-* соответственно субстантивов и адъективов генетически тождественны, и следует, по-видимому, предполагать для индоевропейского существование двух тематических гласных, различавшихся какими-то просодическими качествами, которые отобразились в балто-славянском в виде двух различных морфонологических статусов (акцентуационных валентностей). ...

Дистрибуционные признаки процесса $(-) \Rightarrow (+)$:

1. Он происходит на любом слоговом отрезке, маркированном знаком $(-)$, количество или качество этого слога, по-видимому, какой-либо существенной роли не играет;

2. Он происходит в непосредственной близости (смежности) к следующему за ним звуковому отрезку, в надежно установленных случаях слоговому, маркированному знаком $(+)$, каких-либо ограничений процесса количеством или качеством данного слогового отрезка не обнаружено.

3. На краткостных и циркумфлектируемых слогах фонетически данный процесс никак не проявляется, в первоначально акутированных слогах он переводит акутовую интонацию в циркумфлекс ($\acute{\cdot} \Rightarrow -$). Такие дистрибуционные особенности этого процесса указывают на его ассимиляционный характер, т. е. мы имеем скорее всего дело с результатом тоновой ассимиляции.

Интерпретация.

Можно попытаться более точно определить фонетический характер как самого этого процесса, так и элементов, участвующих в нем:

1. Очевидно, что мы имеем дело лишь с частичной ассимиляцией, т. е. ($\acute{\cdot}$) не равняется (+), так как в слоге с маркировкой ($\acute{\cdot}$) $\acute{\cdot} \Rightarrow -$, тогда как в слогах с маркировкой (+) акут не изменяется.

2. Можно думать, что характер самого процесса $\acute{\cdot} \Rightarrow -$ как-то связан с фонетическим характером элементов, принимавших в нем участие, т. е. (-) и (+); при частичных просодических ассимиляциях обычно просодическая характеристика первой части слога (первой моры) сохраняет близость к первоначальной просодической характеристике данного слога, тогда как просодическая характеристика второй части слога (второй моры) уподобляется просодической характеристике слога, который стимулирует ассимиляцию, т. е. слога, смежного с тем, в котором произошла (в данном случае) метатония.

3. Циркумфлекс в литовском представляет собой восходящую интонацию, и нет серьезных оснований считать, что он был качественно иным в балто-славянском.

Всё это дает основание полагать, что просодические характеристики, принимавшие участие в рассматриваемом процессе, были, скорее всего, регистровыми тонами: маркировке (-) соответствовал низкий тон, маркировке (+) — высокий тон. В этом случае при регressiveной частичной ассимиляции в порядке (-+) на первом слоге должен был возникнуть восходящий тон:

| _ _ | $\overline{-}$ | $\Rightarrow$ | _ $\overline{-}$ | $\overline{-}$ | $\Rightarrow$ | _ $\overline{/}$ | $\overline{-}$ |.

Этот ассимиляционный восходящий тон как бы взломал возникающий по правилам де Соссюра и Бецценбергера акут

и создал на этом (первом) слоге интонацию, достаточно близкую фонетически к балто-славянскому циркумфлексу, в дальнейшем совпадающую с ним. Интерпретация акцентуационных валентностей (–) и (+) как отображений пражазыковых низкого и высокого регистра тонов хорошо поддерживаются также и типологическими сопоставлениями: ср. контурные правила, тождественные балто-славянским, в восточносахарских языках (группа теда-канури, см. [Дыбо 1987; 1995]).

Севернолитовское отражение ассимиляции «валентностей»

В ряде публикаций А. Гирдениса и Г. Й. Качюшкене [Гирденис, Качюшкене 1987; Качюшкене 1984] были приведены факты, свидетельствующие о наличии в северножемайтском (можейкинский говор) и в севернопоневежском (аукштайтском) диалектах противопоставления двух видов акута и, соответственно, двух видов циркумфлекса неретракционного типа. Противопоставление это представлено в ряде минимальных пар и отмечено в трех категориях форм: 1. сущ. с суфф. *-ta-s* – прилаг. (причастия) с суфф. *-ta-s*; 2. презенсы 3 л. глаголов *j-praesentia* – буд. вр. 3 л. тех же глаголов; 3. претериты на *-é* от первичных глаголов *j-praesentia* – претериты на *-é* от парных к ним итеративов.

Исследователи провели большую экспериментальную работу, установив факт хорошего различения информантами указанного противопоставления и изучив его основные фонетические параметры, однако для серьезного сравнительно-исторического исследования этого феномена необходимо полное описание просодических систем данных говоров, т. е. установление типа интонации, по возможности, у каждой словоформы всего корпуса лексем этих диалектов. Поэтому сейчас относительно данной проблемы можно высказать лишь самые предварительные соображения. Авторы связывают указанное различие с противопоставлением прабалтийских (и праиндоевропейских) баритонированной и подвижной акцентных парадигм.

Однако самым примечательным в рассматриваемой ситуации является то, что ни одна из изученных ими лексем не относилась

в пралитовском (и в прабалтийском) к подвижному акцентному типу. Все они имели неподвижную акцентную парадигму, т.е. были баритонированными, так как их корневые морфемы относятся к классу (+)-морфем. Важным, однако, представляется тот факт, что во всех случаях, когда мы можем установить маркировку их суффиксов, оказывается, что акут и циркумфлекс, относимые авторами к первой разновидности, появляются перед (+)-суффиксами, а акут и циркумфлекс, относимые ими ко второй разновидности, — перед (−)-суффиксами.

I. Сущ. с суфф. *-ta_q-s* ~ прилаг. (прич.) с суфф. *-ta-s*

A. Акут 1 ~ акут 2

Северножемайтский

1. *kâ·lt̪s₍₁₎* 'долото' (*kâlt̪as*) ~ *kâ·lt̪s₍₂₎* 'битый' (*kâlt̪as*);
2. *svê·ist̪s₍₁₎* 'масло' (*svîest̪as*) ~ *svê·ist̪s₍₂₎* 'кинутый' (*svîest̪as*).

Севернопоневежский

1. *ká·lt̪s₁* 'долото' (*kâlt̪as*) ~ *ká·lt̪s₂* 'битый' (*kâlt̪as*);
2. *kæ·lt̪s₁* 'паром' (*kélt̪as*) ~ *kæ·lt̪s₂* 'поднятый' (*kélt̪as*).

В последней паре корень *kél-*, вопреки лтш. *cel̪t*, следует относить к доминантному классу, во всяком случае в пралитовском, что отражается как в отсутствии метатонии в образованиях с доминантными суффиксами, так и непосредственно в производных с вторичными суффиксами сохранением неподвижного акцентного типа с накоренным ударением: *kél-tuvas*, *kél-tuva* (1 ⇒ 3).

B. Циркумфлекс 1 ~ циркумфлекс 2

В опубликованных материалах по северножемайтскому эта категория отсутствует.

Севернопоневежский

1. *åū·t̪s₁* 'портянка' (*aūt̪as*) ~ *åū·t̪s₂* 'обутый' (*aūt̪as*);
2. *pöř·št̪s₁* 'палец' (*piřst̪as*) ~ *pöř·št̪s₂* 'сосватанный' (*piřst̪as*).

Очевидно, что здесь мы имеем дело в левой части пар с тем же словообразовательным типом, что и представленный выше тип, в котором первично акутированные корни дают метатонию «акут $\Rightarrow$ циркумфлекс», его суффикс *-ta-s*, как было показано выше, относится к первичным (+)-морфемам. Лишь в последней паре в слове *pirštas* 'палец' морфонологический, так же как и морфологический, статус элемента *-ta-s* неясен, однако субстантивный характер этого элемента свидетельствует скорее в пользу его доминантности. В правой части пар во всех примерах представлены формы страдательных причастий прошедшего времени, в которых и в балтийском и в славянском присутствует подвижная акцентная парадигма. Следовательно, суффикс *-ta-s* этих форм относится к первичным (-)-морфемам.

II. Презенсы 3 л.
глаголов *j-praesentia* ~
буд. вр. 3 л. тех же глаголов

А. Акут 1 - акут 2

Северножемайтский

1. наст. вр. *kâ·iš₍₁₎* 'чистит (-ят)' ~ буд. вр. *ka.iš₍₂₎* 'будет (-ут) чистить'; 2. наст. вр. *kûoš₍₁₎* 'цедит (-ят)' ~ буд. вр. *kuôš₍₂₎* 'будет (-ут) цедить'.

Б. Циркумфлекс 1 ~ циркумфлекс 2

Северножемайтский

1. наст. вр. *m̄ēiš₍₁₎* 'смешивает (-ют)' ~ буд. вр. *m̄ē.i.š₍₂₎* 'будет (-ут) смешивать'; 2. наст. вр. *râ·us₍₁₎* 'роет (-ют)' ~ буд. вр. *râ.u.s₍₂₎* 'будет (-ут) рыть'.

Суффикс *-je-* первичных *j-praesentia* относится к доминантным суффиксам, морфонологический статус суффикса сигматического буд. неизвестен, но ничто не препятствует предположению о его рецессивном характере.

**III. Претериты на -é от первичных глаголов
j-praesentia ~ претериты на -é
 от парных к ним итеративов**

A. Акут 1 ~ акут 2

Северножемайтский

trâ·uke₍₁₎ 'тянул(а)' (inf. *trâ·ukte*) ~ *trâ·uke₍₂₎* 'дергал(а)' (inf. *tra.ukî·tę*).

Севернопоневежский

1. *łá·uze₍₁₎* 'ломал(а)' (inf. *łá·ušť*) ~ *ła·uže₍₂₎* 'разламывал(а)' (inf. *ła.úžetb*). 2. *gńá·uze₍₁₎* 'щемил(а)' ~ *gńa·uze₍₂₎* 'мял(а)'.
 3. *trá·uke₍₁₎* 'тянул(а)' (inf. *trá·uktę*) ~ *tra.úke₍₂₎* 'дерга- л(а)' (inf. *tra.úkētę*).

B. Циркумфлекс 1 ~ циркумфлекс 2

Северножемайтский

brā·uke₍₁₎ 'перечеркнул(а)' (inf. *brā·uktę*) ~ *brā.u.ke₍₂₎* 'перечеркивал(а)' (inf. *brauki·tę*).

Севернопоневежский

1. *brā̄.ke₍₁₎* 'перечеркнул(а)' (inf. *brā̄.ktę*) ~ *brā̄.ke₍₂₎* 'пе-
 речеркивал(а)' (inf. *brauki·tę*); 2. *płā̄.ke₍₁₎* 'плыл(а)' (inf. *płā̄.ktę*) ~ *płā̄.ke₍₂₎* 'плавал(а)' (inf. *płauki·tę*); 3. *rā̄.ke₍₁₎* 'хму-
 рил(а)' ~ *rā̄.ke₍₂₎* 'нахмуривал(а)'.

В левой группе форм мы имеем, по-видимому, отражение первично доминантного суффикса йотированных глаголов, в правой, скорее всего, вторично доминантный суффикс, возникший в результате стяжения рецессивного и доминантного суффиксов.

Для интерпретации обсуждаемого феномена важнейшее значение имеет первая группа форм. Как мы видели, она состоит из имен неподвижного акцентного типа, различающихся лишь морфонологическим статусом их суффикса²⁵. Достаточно надеж-

²⁵ Подвижность акцента у соответствующих причастий в современном литовском является результатом генерализации подвижной акцентной парадигмы, прошедшой в позднее время (неподвижная а. п. в причастиях на -ta-s от акутизованных глаголов неподвижного акцентного типа сохранилась еще у Н. Даукши).

но устанавливается и доминантный характер корней у данной группы имен. Таким образом, есть все основания объяснять представленное в этой группе различие между двумя акутами resp. циркумфлексами в корне ассимиляторным влиянием некоей просодической характеристики суффиксального слога (отразившейся в его морфонологическом статусе) на корневой слог. Эта ассимиляция подобна той, которая привела к балто-славянской метатонии у соответствующих основ от рецессивных акутированных корней.

Этому объяснению не противоречит и вторая группа форм.

Что касается третьей группы, то она в определенной степени даже поддерживает предложенную гипотезу. Так как в последней группе форм, независимо от морфонологического статуса корней, вообще отсутствует подвижный тип акцента, то здесь мы имеем, скорее всего, дело с противопоставлением первично и вторично доминантных формантов. Первые, как было показано выше, индуцировали метатонию в образованиях от рецессивных акутированных корней, вторые такой способностью не обладали.

Сама метатония являлась результатом ассимиляции «низкого акута» высокому регистру первично доминантного суффикса; при вторично доминантных суффиксах этой ассимиляции не происходило, так как начальный слог их имел не высокий, а восходящий контур, который сам являлся результатом ассимиляции первично низкого регистра высокому регистру следующего слога или результатом стяжения низкотонального слога с высокотональным. В обсуждаемой группе форм мы обнаруживаем тот же вид «просодического поведения». Первично доминантный формант преобразует балтийский акут и, соответственно, циркумфлекс доминантного корня в разновидности «акут 1» и «циркумфлекс 1», тогда как вторично доминантный формант такой способностью не обладает, и при нем сохраняется старое состояние, которое обозначается авторами как «акут 2» и «циркумфлекс 2».

Таким образом, во всех группах форм обнаруживаются, по-видимому, следы процесса, приведшего к метатонии в образованиях с первично доминантными суффиксами от акутированных рецессивных корней.

Диалектные данные, обнаруженные А. Гирденисом и Г. Ка-чюшкене, по-видимому, свидетельствуют о том, что этот ассимиляторный процесс проходил во всех просодических типах корней, специфика акутированных рецессивных морфем лишь та, что в них произошло совпадение разновидности «акут 1 в рецессивном (низкотональном) корне (морфеме)» с одной из разновидностей циркумфлекса, тогда как в других случаях такого совпадения интонационных различий, возникших в силу действия правил де Соссюра и Бецценбергера, не произошло, а варианты, возникшие из-за указанной ассимиляции, после падения интонаций неударных слогов подверглись тенденции к унификации и сохранились лишь в отдельных литовских диалектах. Впрочем, обнаружение их в говорах разных диалектных групп ставит под сомнение их уникальность и настоятельно требует тщательного обследования литовских диалектов для установления их ареала.

Столь явное отражение такого чисто умозрительного конструкта, как акцентуационная валентность, в современной фонологической системе литовских говоров, по-видимому, свидетельствует о ее сравнительно недавней фонологической реальности. Это подтверждается еще и тем, что ее введение позволяет объяснить и некоторые аномалии в действии одного из важнейших просодических законов литовского языка.

Закон Ф. де Соссюра в прабалтийском и праславянском

Закон Ф. де Соссюра для литовского формулируется следующим образом: *ударение переносится с краткостных и циркумфлектированных слогов на последующие акутивированные*. Например, от слова *vadōvas* образуются gen. pl. *vadōvūč* (с циркумфлектированным -*ū*, ср. *veidūč*) и instr. *vadovūč* (с акутивированным -*u* < -*ó*). На конечные слоги ударение по закону де Соссюра переносится регулярно, независимо от морфонологического класса корня и суффикса.

Ниже речь пойдет об *отсутствии переноса акцента по закону де Соссюра в литовской 2-й а. п. на внутренние долгие*

монофтонги, восходящие к индоевропейским долгим монофтонгам, которые должны были иметь акутовую интонацию²⁶. Эта особенность всегда была камнем преткновения для принятия действия закона де Соссюра во внутренних слогах, хотя сам де Соссюр, опираясь на закономерности выбора акцентных типов в словообразовании, категорически настаивал на этой его особенности (см. [Соссюр 1977: 623, 625 и, особенно, 631–632]). В последнее время на нерешенность этой проблемы обратил внимание В. Хок [Hock].

Уточняя реконструкцию акцентуации *ā*-основ в прабалтийском, введем некоторые изменения в интерпретацию внутренних долгот (ср. [Дыбо 1981: 13]): распространим правило де Соссюра на все неконечные долгие монофтонги, т. е. будем считать их акутированными. Предконечное ударение формы *dat. pl.* и *du.* будем считать результатом вторичной оттяжки акцента по «закону Хирта» (в применении его к балто-славянскому)²⁷, отметим эту позицию знаком ±, считая гласный первично минусовым, и проведем обычную маркировку. Ударные акутовые долготы маркируются знаком ', ударные циркумфлексовые — знаком ~. Безударные акутовые долготы маркируются знаком ^, циркумфлексовые — знаком ¯, безударные краткости в корне не маркируются.

По-видимому, такое рассмотрение позволяет в пределах представленного материала модифицировать закон де Соссюра следующим образом: *ударение с краткостного или циркумфлексированного слога переносилось на следующий внутренний акутированный слог, если оба слога имели одинаковую акцентуационную валентность, и на следующий конечный акутированный слог независимо от его валентности.*

²⁶ Эта закономерность также была установлена Ф. де Соссюром и носит название *правила де Соссюра*.

²⁷ «Закон Хирта», действовавший в балто-славянском закон метатонии рецессивный акут ⇒ доминантный акут, вступает в противоречие с законом метатонии рецессивный акут ⇒ циркумфлекс, т. к. действует вроде бы в тех же условиях — при нахождении рецессивной морфемы (рецессивного слога) перед доминантной морфемой (доминантным слогом морфемы). Однако, судя по некоторым данным, действие закона Хирта ограничивается позицией перед долгосложными морфемами, возникшими в результате морфемной фузии еще на и.-е. уровне.

Таблица 2

	а. п. 1	а. п. 2	а. п. 3	а. п. 4
Sg. nom.	várnā	ránká	galvá	mergá
gen.	várnás	ránkás	galvás	mergás
dat.	várnai	ránkai	gálvái	mergái
acc.	várnā	ránkā	gálvā	mergā
instr.	várnā	ránká	gálvá	mergá
loc.	várnájé	ránkájé	galvájé	mergájé
Pl. nom.	várnás	ránkás	galvás	mergás
gen.	várnū	ránkū	galvū	mergū
dat.	várnámus	ránkámus	galvámus	mergámus
acc.	várnás	ránkás	galvás	mergás
instr.	várnámis	ránkámis	galvámis	mergámis
loc.	várnás(у)	ránkás(у)	galvás(у)	mergás(у)
Du. nom.-acc.	várníe	ránkíe	gálvíe	merglé
gen.	várnū	ránkū	galvū	mergū
dat.	várnámъ	ránkámъ	galvámъ	mergámъ
instr.	várnámъ	ránkámъ	galvámъ	mergámъ

Сравнительно-исторический комментарий

Наблюдается поразительное согласование акцентных кривых *i*-глаголов а. п. *b* в ст.-центрально болгарских системах, отраженных в ст.-болгарских памятниках, акцентуационно близких к описанной в [Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 229–252] ст.-тырновской, но сохраняющих ударение на «теме» -*i*- в инфинитиве, и «кривой» западнославянских количественных отношений. Такими ст.-болгарскими памятниками являются рукописи Зогр. 151, О письм., памятник юсового письма НБКМ № 93. Близкую и во многом более архаичную систему отражает акцентуация ст.-сербской рукописи «Книги Царств» XV в., отражающей близкую к центр.-болгарской акцентуацию торлакского диалекта тимокско-лужницкого (пиротского) типа²⁸. Чередование

²⁸ Ниже эта система будет условно называться «архаической староболгарской», хотя, разумеется, имеются другие старо- и новоболгарские системы, отличные от рассматриваемой здесь.

количество, которое можно назвать «кривой количеств», восстанавливается для зап.-славянских долгосложных *i*-глаголов а. п. *b* на основе показаний др.-чешских и др.-польских памятников, а также современных поморских диалектов (см., например, [Lorentz Gr. Pom. III: 1032]).

Праславянская парадигма *i*-глаголов включала два варианта основ: (1) презентную, в которой «полутематическое» *-i*- имело балто-славянский циркумфлекс (эта основа в праславянском, видимо, была представлена только в личных формах презенса), и (2) аористно-инфинитивную, в которой «полутематическое» *-i*- имело балто-славянский акут. «Полутематическое» *-i*- было доминантным у итеративных и рецессивных у каузативных и деноминативных глаголов (см. подробно в [Дыбо, Замятин, Николаев 1990: 111–120]).

Акцентная кривая а. п. с *i*-глаголов (с рецессивным суффиксом) характеризовалась чередованием: а) форм-энклиноменов, в которых «тема» *-i*- имела балто-славянский рецессивный акут; б) окситонированных форм с рефлексом «нового акута»; в) форм с доминантным («старым») акутом на *-i*-, возникшим в основном вследствие действия закона Хирта (см. табл. 3)²⁹.

Стандартная реконструкция парадигмы соответствующих глаголов а. п. *b₂* включает в себя: а) формы с «новым акутом» на циркумфлектируемом суффиксе *-i*-; б) формы со «старым акутом» на суффиксе *-i*- . Однако архаическая ст.-болгарская система, имея баритонезу на корне, регулярно соответствующую формам с «новоакутированным» ударением на «теме» в стандартной реконструкции, показывает не объясняемое этой реконструкцией разделение форм с акутированным суффиксом:

²⁹ О балто-славянском рецессивном и доминантном акуте см. Николаев 1989, с. 96–97. Отношение это аналогично чередованию интонаций в корневых глаголах типа *dālə (f. *dalā) ~ inf. *dāti, см. [Дыбо, Замятин, Николаев 1990: 58–84].

Позиции действия закона Хирта — Иллич-Свитыча (иными словами, метатонии рецессивный акут > доминантный акут) находятся в дополнительном распределении с позициями метатонии акут > циркумфлекс (см. [Дыбо, Замятин, Николаев 1990: 85–108]). По всей видимости, метатония «по Хирту» происходила: а) перед формантами, ставшими односложными в результате стяжения гласных; б) в 1-х слогах трехсложных основ, если конечный слог доминантен (отсюда возникают чередования типа *bērmę ~ *bērmene,ср. *tēlesē).

одни из них «регулярно» окситонированы (т. е. имеют ударение на *-i-*, напр., инфинитив), другие же — «нерегулярно» баритонированы (*i*-причастия, формы аориста и т. д.):

Таблица 3

	Акцентная кривая <i>i</i> -глаголов а. п. <i>b</i> в архаичных староболг. системах		Западнославян- ская «кривая» количеств. <i>i</i> -глаголов а. п. <i>b</i>	Праславян- ская рекон- струкция акц. кривой <i>i</i> -глаголов а. п. <i>c</i>
	краткосл.	долгосл.		
inf.	твóрнти	съднти	s̄d̄iti	*sad̄iti
sup.	твóрнть	съднть	s̄d̄it (?)	*sâd̄itə
praes. sg.	2 твóрни	съдни	s̄d̄iš	*sadiši
	3 твóрнть	съднть	s̄d̄i	*sad̄itə
pl.	1 твóримъ	съднимъ	s̄d̄ime	*sad̄imə
	2 твóрнте	съднте	s̄d̄ite	*sad̄itè
	3 твóрнть	съднть	s̄d̄e	*sad̄etə
imper. sg.	2 твóрн	съди	s̄d̄i	*sad̄i
pl.	2 твóрнте	съднте	s̄d̄ite	*sad̄ite
ptc. praes.				
act. masc.				
sg. nom.	[твóрм]	[съдм]	s̄d̄e (?)	*sad̄e
acc.	твóрмъ	съдмъ	s̄d̄ec	*sâd̄etjy
pl. nom.	твóрмще	съдмще	s̄d̄ece	*sâd̄etjē
aor. sg.	1 твóрнхъ	съднхъ		*sadixə
	2–3 твóрн	съди		*sâdi
pl.	1 твóрнхомъ	съднхомъ		*sadixòmə
	2 [твóрнсте]	[съднсте]		*sadiste
	3 твóрнша	съднша		*sadisq
<i>i</i> -ptc. sg.	m твóрнль	съднль	s̄dil	*sâdilə
	f твóрнла	съднла	s̄dilā	*sâdilā
	n твóрнло	съднло	s̄dilo	*sâdilo
pl.	m твóрнли	съднли	s̄dili	*sâdili
	f твóрнлы	съднлы	s̄dily	*sâdily
	n твóрнла	съднла	s̄dilā	*sâdilā

Комментарии к таблице

1. В квадратные скобки заключены формы, акцентовка которых, видимо, является вторичной, возникшей по аналогии с другими формами парадигмы.

2. Супин слабо засвидетельствован в ст.-болгарских текстах. О противопоставлении ударения супина *i*-глаголов а. п. *b* инфинитивному, видимо, свидетельствует баритонированная форма *погълътътъ* в НБКМ № 93, л. 39 б (инфinitивы *i*-глаголов а. п. *b* в этой рукописи имеют насуффиксальное ударение).

3. В а. п. *c* формант *-i-* в инфинитиве доминантен, но тот же формант в супине или *l*-причастии рецессивен. Проблематичен характер этого форманта в аористе. В нашей реконструкции принято, что в формах 2–3 sg. *-i-* рецессивно, а во всех остальных формах доминантно. Это соответствует характеру акц. кривой в штокавском, где, однако, эта акц. кривая принадлежит глаголам как праслав. а. п. *c*, так и а. п. *b*, которые совпали в едином классе. Показания центр.-болгарских текстов, напротив, указывают на сплошную рецессивность форм аориста *i*-глаголов а. п. *b*.

Это противоречие может быть разрешено допущением чередующегося характера данного *-i-* в ортотонических формах аориста, что, видимо, поддерживается реликтами чередования в так наз. «имперфекте в форме аориста» от глагола *быти*: *бъхъмъ* Ев.-апр. 7364, л. 216б и (с двумя знаками ударения) *и бъхъмъ* НБКМ № 93, л. 95б при последовательно накоренном ударении во всех остальных ортотонических формах этой категории (формы 2–3 sg., как и у обычного аориста от данного глагола, — энклиномены,ср. *нѣ бъ* Ев.-апр. 7364, л. 2а, *нѣ бъ* НБКМ № 889, л. 33а). Подобная же акцентовка спорадически отмечается в форме 1 pl. аог. и у глаголов на *-i-*: *насладихъм съ* Служ. Евф. 70а. К такому решению, по-видимому, подталкивает и акцентовка «Книг Царств», где, при строго накоренном ударении в *l*-причастии *i*-глаголов а. п. *b*, в формах инфинитива, 1 sg. и 3 pl. аориста наблюдаются варианты с ударением на «теме» *-i-*.

Объяснить архаическую ст.-болгарскую акц. кривую, исходя из зап.-славянского чередования количества, т. е. как вторичную по отношению к последнему, очевидно, невозможно, так как *староболгарская акцентная кривая присуща не только долготным, но и краткостным i-глаголам а. п. b.*

Наиболее естественным было бы объяснить зап.-славянское чередование количества, приняв, что оно возникло, когда зап.-славянские языки имели в данных формах акцентовку, тождественную архаической ст.-болгарской. В этом случае сокращение долгот в инфинитиве, повелительном наклонении, 1 sg. *praes.* и *pom. sg. ptc. praes. act. m./p.* объяснялось бы положением долготного слога перед ударным акутированным слогом, а сохранение долгот в остальных словоформах — тем, что ударение находилось на них и имело вид «нового акута».

Однако это решение не предполагает констатации исторической «зап.-славянско-болгарской» общности. Дело в том, что как и сокращение долгот перед внутренним ударным акутированным слогом, так и противоречащее этой закономерности сохранение долготы в формах *l*-причастия и аориста долгосложных *i*-глаголов а. п. *b* характерны фактически для всей территории южнославянской языковой области, на которой сохранились количественные противопоставления и соответствующие позиции.

Правда, во всех известных южнославянских системах такого рода долгота проведена по всей парадигме долгосложных *i*-глаголов а. п. *b*, но процесс устранения сокращенных рефлексов в парадигме этих глаголов характерен и для зап.-славянской области (так в современных чешском, словацком и польском). Принятие предложенного решения должно означать, что в таких формах, как ст.-хорв. (Крижанич) *stъпни* (= *стъпїа*), *стъпнили*, *съдили* (= *съдил*), *потрѣбїл*, *слѣжїла*, славон. *povrtil*, *rogavrlcil*, *svsil* и т. п., *сохранение долготы обязано ее первичной ударности*, и эта система акцентных кривых, таким образом, максимально близка архаической ст.-болгарской.

А это означает, что акц. система *i*-глаголов а. п. *b₂* архаического ст.-болгарского типа не является результатом ретракции ударения с «темы» *-i-*, а непосредственно отражает состояние, предшествующее принятому в нашей реконструкции в качестве (поздне)праславянского. Для данных систем мы должны предполагать *дрейф раннепраславянского ударения с корневого слога на внутренний доминантный акут³⁰* и от-

³⁰ Дрейфа ударения не происходит лишь со слогов с доминантным акутом, напр., в а. п. *a* *слѣвити*, *сѣлами* и т. д.).

существие такого дрейфа как на рецессивный акут, так и на долготные слоги, имевшие циркумфлексовую интонацию (т.е. в формах презенса).

По-видимому, правосторонний дрейф ударения осуществлялся в праславянском только с начальных слогов, тогда как дрейф ударения с внутренних слогов, скорее всего, отсутствовал, на что указывают факты болгарской «полуотметности» типа ново-болг. аор. *писá* ~ *напýса*, ранне-ново-болг. (в Дамаскинах) инф. *писáти* ~ *напýсати* (т.е. *písá < *pīsā ~ *napísa, *písáti < *pīsāti ~ *napísatí*). Таким же образом объясняются праславянское ударение таких приставочных форм, как *zaslūga при бесприставочном *slugá, чередования типа русск. *кудá* ~ *откудá* и т.д. В дальнейшем в большинстве славянских диалектов действовала тенденция к устраниению подобных чередований, а если они и сохранялись, то лишь в отдельных морфо(но)логических категориях.

На большей части славянского ареала (видимо, за исключением крайнего юга, см. [АССЯ: 12]) правосторонний дрейф ударения происходил с анлаутных слогов (за исключением слогов с доминантным акутом) на первоначально только срединные краткие гласные, благодаря чему возникла «полуотметность» в презентных формах глаголов а. п. *b₂* (типа карпатоукр. *nesé* ~ *prmése*, сербохорв. диал. *nèse* ~ *dđnese*). На эту систему чередований в дальнейшем «накладывались» новые системы акцентного дрейфа (см. подробно [АССЯ: 31–53]).

Можно было бы думать, что последним добавлением литовский закон де Соссюра отличался от славянского³¹, если бы не определенные следы его действия при конечных акцентированных слогах и в славянских языках, обнаруживаемые, в основном, в материале акцентуированных славянских памятников. Речь идет о так называемых «новых ортотонах» (см. [АССЯ: 28–29], где не дается их исторической интерпретации). «Новые ортотоны» обнаружаются в некоторых системах в

³¹ О новых данных, требующих восстановления закона де Соссюра для праславянского, и о позициях его действия в праславянском см. [Дыбо 1996], спр. [АССЯ: 7–18]; более подробно проблема закона де Соссюра обсуждается в статье [Дыбо 1998].

двусложных формах имен а. п. с с окончаниями, имеющими интонацию «рецессивного акута». Эти формы остаются энклиноменами в сочетании с проклитиками, а в абсолютном употреблении имеют конечное ударение:

1. Acc. pl. **l'ūdī* в центр.-болг. Сборнике XV в., видимо, принадлежащем руке Константина Костенечского (Сб. 151): ортотоны без проклитик: *лōи* 226, 23а bis, 236, 25а, 296, 32а, 336, 356, 36а, 49а, 696, 82а, 836 bis, 846, 926, 93а, 936, 946, 956, 122а, 135а bis, 1656, 201а bis, 229 bis, 2736 bis, *лōи* 26а, 82а, 146а; энклиномены с проклитиками: *нà лōи* 236, *нà людн* 44а, *зà лōи* 71а, 278а, *въ лōи* 1146, *й лōи* 106, 466, 75а, 1266, *й лōи* 466, *й лōи* 466; ортотоны с проклитиками (видимо, по аналогии с формами без проклитик): *на лōи* 85а, *й лōи* 71а, *й лōи* 125а, 199б, а также с двумя удар.: *въ лōи* 105б.

2. Loc. sg. fem. **z̄eml'ī* в зап.-болг. рукописях НБКМ № 38 и Рильск. 1/26 (1-й почерк): энклиномены в сочетании с проклитиками: *нà земли* 26б, 39б, 50а bis, 55а bis, 69а, 71а, 102б, 103б, 112б, 116б, 120а, 216б, 299б, 300а, Р. 1а, Р. 3а, Р. 3б, Р. 12а, Р. 14а, Р. 15а, Р. 15б, Р. 27а, Р. 199б, Р. 200а, Р. 202а, Р. 205б, Р. 210а, Р. 210б, Р. 220б bis, *нà земли* 31б, 121б, 228а, 269б, Р. 67а, Р. 67а, *нà зе́мли* 40б, 98а, *нà земли* 180а, *въ земли* 77а, *й нà земли* 19б, 90б, 159а, 193б, *й нà земли* 228а, но ортотоны без проклитик: *въ ... земли* 145а, *на ... земли* 180б, Р. 63а, *по ... земли* 28б bis, 87б, 237а, 166б, Р. 14а, Р. 214б. Есть 2 исключения: *на земли* 48б, *въ зе́мли* 104б.

3. Видимо, «новым ортотоном» является ст.-тырн. acc. du. *бшкà* Е129а при *въ бшкà* ibid., см. [Дыбо, Замятина, Николаев 1990: 176].

«Новые ортотоны», кроме болг. диалектов, известны из сербохорватского (срв. *врёме* - *нà врёме*) и восточнославянских языков — в частности, из систем «восточно(велико)русской группы». Видимо, именно так должно интерпретироваться соотношение энклиномических и конечноударных форм acc. pl. и-основ а. п. с *synz в ст.-русск. памятнике Новг.³²: *сыны* 64а, 127а, 186а, 246а, 269а, *сыны* 69а, 160а, 175б, *сыны* 10а, 39б, 40а,

³² Ст.-русская рукопись «Псалтырь лицевая» / ГИМ, Увар. 592. Расписал А. А. Зализняк.

сны 145b, 218b, но с проклитиками: *на́сны* 99b, 198a, *на́сыны* 41a, 146b³³.

«Новые ортотоны» могут рассматриваться как остаток системы, вызванной к жизни действием закона де Соссюра, которая была затем перекрыта процессом унификации форм-энклиноменов. В литовском процесс пошел в противоположном направлении: сохранение «новых ортотонов» и ликвидация системы переносов ударения на проклитики в системе имени. Такая трактовка восстанавливает для балто-славянского закон де Соссюра, правда, лишь в следующем виде: *ударение с краткостного или циркумфлектируемого слога переносилось на непосредственно следующий акцентированный слог, если оба слога имели одинаковую акцентуационную валентность.*

Наличие акцентной кривой а. п. *b* nom. sg. *ženā ~ pl. dat. *žēnātъ, in. *žēnāti, loc. *žēnāxъ, с известной степенью надежности реконструируемой как на рукописном южнославянском, так и на современном зап.-славянском материале, также поддерживает эту формулировку. По-видимому, чешские и словацкие формы восходят к следующей промежуточной системе чередования долгот и ударений (акут в dat. и loc. pl. в а. п. с возник по «закону Хирта», см. выше):

Таблица 4

	а. п. с	а. п. <i>b</i>	а. п. <i>a</i>
Sg. nom.	<i>nogā</i>	<i>ženā</i>	<i>bābā</i>
Pl. dat.	<i>nogātъ</i>	<i>žēnātъ</i>	<i>bābātъ</i>
instr.	<i>nogāmī</i>	<i>žēnāmī</i>	<i>bābāmī</i>
loc.	<i>nogāxъ</i>	<i>žēnāxъ</i>	<i>bābāaxъ</i>
Du. dat.-			
instr.	<i>nogātā</i>	<i>žēnātā</i>	<i>bābātā</i>
и	<i>nogātmā</i>	<i>žēnātmā</i>	<i>i bābātmā</i>

³³ Такое же поведение gen. sg. некоторых *o*- и *u*-основ а. п. *d* в Новг., по-видимому, следует связывать с процессом перевода имен этой а. п. в а. п. с — см. [Дыбо, Замятин, Николаев 1990: 132] и [АССЯ 30–31].

В дальнейшем произошло обобщение старой «кривой количеств» флексии а. п. *a* и *b* в большинстве словацких и чешских диалектов, но в некоторых чешских говорах в морфонологически преобразованном виде различие между кривыми а. п. *a/b* и *c* сохранилось.

1. Системы с обобщением кривой а. п. *b* и *a*

Словацк.: оравск. *žena, dušä - ženám, dušäm; ženáč, dušáč - ženamí, dušämí* [Habovštiak 1965: 219].

С сокращением конечной долготы в instr. pl.: словацк. литер. *žena, duša - ženám, dušiam; ženáč, dušiach - ženami, dušami*; чешск. литер. *žena, duše - ženám, duším; ženáč, duších - ženami, dušemi*.

С обобщением долготы на *-a-*: словацк. комарн., веспремск. nom. sg. *žena, duša - pl. dat. ženám, dušám, loc. ženáč, dušáč, instr. ženámi, dušámi* [Štolc 1949: 110]; кепер. *žena, duša - ženám, dušám; ženáč, dušáč; ženáma, dušáma* [Štolc 1949: 253]; пивн. *žena, duša - ženám, dušám; ženáč, dušáč; ženámi, dušámi* [Dudok 1972: 87].

2. Системы с рефлексами различий кривых а. п. *a/b* и *c*

В среднечешском кудовском говоре старая «кривая количеств» флексии неподвижных а. п. (*a* и *b*) обобщена для твердых основ, а старая «кривая количеств» подвижной а. п. (*c*) — для мягких основ: *kráva - kravám, kravama, kraváč* и, с другой стороны, *duše - duším, dušema, dušíč* [Siatkowski 1962, I: 21] (конечные долготы сократились во всех чешских говорах).

Таким образом, остается неясным, переносилось ли в праславянском ударение с доминантного циркумфлектируемого или краткостного слога на рецессивный конечный акут, эти позиции во всех изученных славянских системах перекрыты более поздним сдвигом ударения на конечный слог в а. п. *b*. Однако уже на данном этапе изучения славянский и литовский законы оказываются столь близки, что можно ставить вопрос о восстановлении закона де Соссюра (и его фортунатовского славянского варианта) для балто-славянского периода.

Новое изучение материалов Н. Даукши позволило ввести уточнение в реконструкцию выбора акцентных типов производных с рецессивным акутированным суффиксом *-ing-* (см. [Дыбо 1980]). Материалы Н. Даукши позволяют утверждать, что в именах с этим суффиксом, образованных от имен 2-й а. п., передвижка акцента на этот суффикс не происходила, тогда как в именах с этим суффиксом, образованных от имен 4-й а. п., передвижка акцента на суффикс в формах с исконно начальным ударением произошла³⁴.

I. Производные от односложных основ (2-я а. п.) и многосложных основ с ударением на последнем слоге основы

1. *lōbingas*, f. -a (1) / *lobīngas*, f. -à (3) 'очень богатый': *lōbinga* nom. sg. f. DP 625₁₅; отмечен также вариант 3-й а. п. (?): *tobīngq* acc. sg. m. DP 190₂₁, *tobīgū* instr. sg. m. DP 291₂₈³⁵ ~ *lōbis* (2) 'богатство, сокровище';

2. *valsingas*, f. -a (1) / *vaislīngas*, f. -à (3) 'плодоносный, плодовитый; продуктивный': о существовании варианта 1-й а. п., по-видимому, говорит акцентовка производного: *wái[in]gumas* nom. sg. PD 624₁₀₋₁₁, *wái[íng]umas* nom. sg. PD 627₁₈; 3-я а. п.: *ne wai[ing]á* nom. sg. f. 599₄₉ (так по [Skardžius 1935] и по тексту, у Кудзиновского [Kudz.] эта форма пропущена) ~ *valsius* (2) 'плод; результат';

3. *gālingas*, f. -a (1) / *galīngas*, f. -à (3) 'могущественный, могучий; мощный': вариант 1-й а. п.: *gáligūsiūs* acc. pl. m. чл. ф. DP 475₂₈; *gáligésnis* DP 267₄₉; 3-я а. п.: *galīngb̄s* gen. sg. f. DP 582₁₉, *galīngu* instr. sg. m. DP 333₆, *galīgciū* gen. pl. m. чл. ф. DP 57₇, *galīgais* instr. pl. m. DP 202₅ (колебание между 3-й и 1-й а. п. с насуффиксальным акутовым ударением) ~ *galia* (2) 'сила, мощь';

³⁴ Приводится лишь материал по производным от имен 2. а. п. и 4. а. п. с односложной основой; полный материал см. в [Дыбо 1998].

³⁵ Так, по Скарджусу, если второй знак ударения ошибочный, а это вытекает из акутности суффикса, следует принять 3-ю, а не 1-ю а. п. из-за показаний других аналогичных основ.

4. *godīngas*, f. -à (3) 'алчный, жадный': *godīgiéii* nom. pl. m. чл. ф. DP 165₃₁ ~ *gōdas*, pl. -ai (2/4) 'жадность; жадный человек';

5. *čiūdingas* (1) 'чудесный': *cziūdingq* acc. sg. f. DP 599₄₄ ~ *čiūdas* (2) 'чудо';

6. *stebúklingas*, f. -a (1) 'чудесный, чудотворный': *stebúkligas* nom. sg. m. DP 46₃₇, 396₃₉, *stebúklingas* nom. sg. m. DP 424₁₅, 617₃₈, *stebúklingos* gen. sg. f. DP 144₂₄, *stebúkligq* acc. sg. m. DP 59₄₀, *stebúklingu* instr. sg. m. DP 39₅₂, *stebúkligu* instr. sg. m. DP 101₉, *stebúklingos* nom. pl. f. DP 7₂₀, *stebúkligq* gen. pl. m. DP 125₈, *stebúklingus* acc. pl. m. DP 200₂₅, *stebúklinga* nom. sg. п. DP 34₅₀ (ср. также наречия: *stebúklingai* DP 12₁₀, 27₃₉, DK 60₈, *stebúkligai* DP 84₁₄) ~ **stebúklas** (2) 'чудо'.

Характерной особенностью этой группы является наличие двух акцентных типов: 3-я а. п. с ударением, перетянутым с начального слога на акцентированный суффикс, в одних формах и с конечным ударением в других (этот тип, по-видимому, объясняется влиянием большинства образований с этим суффиксом от циркумфлектируемых основ 4-й а. п.) и 1-я а. п. с краткостным и циркумфлектируенным ударением на корне, не оттянутым на акцентированный слог суффикса. Наличие этого типа не может быть объяснено какими-то вторичными причинами и является дополнительным аргументом в пользу той поправки к закону де Соссиюра, которую мы предложили выше.

II. Производные от циркумфлектируемых и краткостных основ подвижной (4-й) акцентной парадигмы. Односложные основы

1. *žalīngas*, f. -à (3 / ?1) 'вредный, вредоносный': *žalīngq* gen. pl. m. DK 45₂₄ (ср. также: *žalingēuses* superl. nom. sg. m. DP 518₃₂, *žalīgēsnio* compar. gen. sg. m. DP 104₁₆) ~ *žalà*, gen. sg. -ōs (4) 'вред, ущерб';

2. *uolīngas*, f. -a (1?, или 3) 'скалистый, утёсистый': *uolīnga* nom. sg. f. DP 100₃, *uolīnq* instr. sg. m. (по Скарджюсу, gen. pl.) DP 468₇, *u[!]olīnq* instr. sg. m. DP 468₈ ~ *uolà*, gen. sg. -ōs (4) 'скала, утёс'.

Восстановление в этой группе основ 3-й а. п. с ударением на суффиксе *-ing-* в одних формах и на окончании в других поддерживается указанным уже де Соссюром типом *septynì* ~ *septynius*; в славянском аналогичным подтверждением переноса ударения с начального рецессивного краткостного слога на внутренний рецессивный акут служит, по-видимому, подобное акцентное чередование: *четыре* ~ *четырьмя*, *четырех*.

В целом зафиксированное у Н. Даукши распределение акцентных типов производных с этим суффиксом может быть интерпретировано как результат аналогических выравниваний в системе выбора, отличающейся от первоначальной деформациями акцентных кривых по закону де Соссюра:

Таблица 5

А. п. производящих			Неподвижная		Подвижная	
			Акут	Циркумфлекс, краткость	Акут	Циркумфлекс, краткость
Вид производящей основы	односложные	m	<i>kūningas</i>	<i>gàlìngas</i>	<i>náudìngas</i>	<i>žàlìngas</i>
		f	<i>kūningâ</i>	<i>gàlìngâ</i>	<i>náudìngâ</i>	<i>žàlìngâ</i>
	двусложные	m	—	<i>àkmenìngas</i>	—	<i>lëmìntìngas</i>
		f	—	<i>àkmenìngâ</i>	—	<i>lëmìntìngâ</i>
До закона де Соссюра	односложные	m	<i>kūningas</i>	<i>gàlìngas</i>	<i>náudìngas</i>	<i>žàlìngas</i>
		f	<i>kūningâ</i>	<i>gàlìngâ</i>	<i>náudìngâ</i>	<i>žàlìngâ</i>
	двусложные	m	—	<i>àkmenìngas</i>	—	<i>lëmìntìngas</i>
		f	—	<i>àkmenìngâ</i>	—	<i>lëmìntìngâ</i>
После закона де Соссюра	односложные	m	<i>kūningas</i>	<i>gàlìngas</i>	<i>náudìngas</i>	<i>žàlìngas</i>
		f	<i>kūningâ</i>	<i>gàlìngâ</i>	<i>náudìngâ</i>	<i>žàlìngâ</i>
	двусложные	m	—	<i>àkmenìngas</i>	—	<i>lëmìntìngas</i>
		f	—	<i>àkmenìngâ</i>	—	<i>lëmìntìngâ</i>

Дальнейший процесс выравнивания с генерализацией типа *žalīngas*, *žalingà* (у южных аукштайтов) и с дальнейшей заменой этого редкого акцентного типа типом с постоянным насуффиксальным ударением (у жемайтов, северных аукштайтов и в литературной норме) и с почти полным устранием типов с ударением на корне создал современный категориальный акцент в этом словообразовательном типе³⁶.

Сокращения

Амбросиани 1996 — *П. Амбросиани*. К вопросу о полабских отражениях праславянских просодических отношений // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сб. к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996.

АССЯ — *В. А. Дыбо, Г. И. Замятин, С. Л. Николаев*. Основы славянской акцентологии. Словарь. Непроизводные основы мужского рода. Вып. 1. М., 1993.

Булатова, Дыбо, Николаев 1988 — *Р. В. Булатова, В. А. Дыбо, С. Л. Николаев*. Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов (София, сентябрь 1988 г.). Доклады советской делегации. М., 1988.

Гирденис, Качюшкене 1987 — *А. Гирденис, Г. Качюшкене*. Вторичные типы слоговых интонаций в литовских диалектах // Proceedings XIth ICPHS. The Eleventh International Congress of Phonetic Sciences. V. 5. Tallinn, 1987.

³⁶ В качестве примера современной диалектной системы выбора акцентных типов этих прилагательных, близкой к системе, зафиксированной у Н. Даукши, и являющейся результатом дальнейшего развития процессов, отмечаемых в последней, можно указать систему говора Тверечюс [Otrebski 1934: 167–168]: I. От имен акутированной неподвижной (1) а. п.: *ŕéničga* f. 'молочная': *ŕénas* (1) 'молоко'. II. От имен циркумфлектированной неподвижной (2) а. п.: 1. *persičà* f. 'супоросая': *rař̄as* (2); 2. *t'el'ičgas*, f. -à 'стельная': *t'ëa'l'ü* (gen. pl.; 2); 3. *ńesveikacíngas* 'нездоровый': *sveikatà* (2) 'здоровье'. III. От имен акутированной подвижной (3) а. п.: а) односложные основы — *geríngas*, f. -à 'сукотная, сягнага': *ěras* (3) 'ягненок'; б) двусложные основы — *kásulíngas* 'кашляющий, страдающий кашлем': *kosulýs*, acc. sg. *kósul-* (3) 'кашель'. IV. От имен циркумфлектированной подвижной а. п.: а) односложные основы (а. п. 4) — *pakélíngas* 'дорожный, путевой; путник': *kēlias* (4) 'дорога, путь'; б) двусложные основы (а. п. 3) *ŕíničíngas* 'имеющий много денег, богач': *ŕíngas* (3) 'монета, деньги', pl. 'деньги'.

- Дыбо 1980 — В.А.Дыбо. К вопросу о системе порождения акцентных типов прогизводных имен в прабалтийском // Балто-славянские исследования. М., 1980.
- Дыбо 1981 — В.А.Дыбо. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм. М., 1981.
- Дыбо 1994 — В.А.Дыбо. Морфонологический анализ, внешнее сравнение и споставление в лингвистической реконструкции // Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. М., 1994.
- Дыбо 1995 — В.А.Дыбо. Акцентуационные процессы в языках группы теда-канури и проблема происхождения парадигматических акцентных систем // Московский лингвистический журнал, т. I. М., 1995.
- Дыбо 1996 — В.А.Дыбо. Новые данные по диалектологии среднеболгарских акцентных систем // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сб. к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996.
- Дыбо 1987 — В.А.Дыбо. Просодическая система тубу (группа теда-канури) — начало трансформации тональной системы в систему парадигматического акцента? Ч. I // Африканское историческое языкознание. Проблемы реконструкции. М., 1987.
- Дыбо 1997 — В.А.Дыбо. Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология // Studia linguarum. De omnibus linguae rebus scibiliibus et quibusdam aliis. М., 1997.
- Дыбо 1998 — В.А.Дыбо. Из балто-славянской акцентологии. Проблема закона Фортунатова и поправка к закону Ф. де Соссюра // Балто-славянские исследования. 1997 (в печати).
- Дыбо, Замятин, Николаев 1990 — В.А.Дыбо, Г.И.Замятин, С.Л.Николаев. Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Дыбо, Замятин, Николаев 1993 — В.А.Дыбо, Г.И.Замятин, С.Л.Николаев. Правславянская акцентология и лингвогеография // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов (Братислава, сентябрь 1993 г.). Доклады российской делегации. М., 1993.
- Ев.-апр. 73364 — ст.-сербская рукопись нач. XV в. «Евангелие-апракос» / ГБЛ, ф. 178, № 7364. Расписал В. А. Дыбо
- Зализняк 1995 — А.А.Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Иллич-Свитыч 1963 — В.М.Иллич-Свитыч. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963.
- Качюшкене 1984 — Г.Й.Качюшкене. Фонологическая система северопаневежского диалекта литовского языка (просодия и вокализм). Кандидатская диссертация. Вильнюс, 1984.

Книги Царств — ст.-сербская рукопись XV в. (1418 г.) «Книги Царств» / Одесская гос. народная б-ка. Расписал по фотокопии С. Л. Николаев.

НБКМ № 93 — ст.-болгарская рукопись XIV в. «Апостол» / НБКМ, София, № 93 (по Цоневу). Расписал С. Л. Николаев.

НБКМ № 889 — старосербск. рукопись нач. XV в. «Апостол и въскресни евангелия» / НБКМ, София, № 889 (по Цоневу). Расписал В. А. Дыбо.

Николаев 1986 — С. Л. Николаев. К исторической морфонологии древнегреческого глагола. Ч. II // Балто-славянские исследования. 1984. М., 1986.

Николаев 1988 — С. Л. Николаев. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988.

Николаев 1989 — С. Л. Николаев. Балто-славянская акцентуационная система и ее индоевропейские истоки // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989.

Николаев 1989а — С. Л. Николаев. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования. 1987. М., 1989.

Николаев 1991 — С. Л. Николаев. К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. М., 1991, № 4.

Николаев 1991а — С. Л. Николаев. Новые данные о краткостной оттяжке в галицком диалекте // Славистика. Индоевропеистика. Ноstrатика. К 60-летию В. А. Дыбо. М., 1991.

Николаев 1994 — С. Л. Николаев. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкоznания. М., 1994, № 3.

Николаев 1995 — С. Л. Николаев. Новые данные о восточнославянском вокализме и просодии // Russian Linguistics, vol. 19, № 3, November 1995, p. 349–370.

Николаев 1996 — С. Л. Николаев. Histoire d’O // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сб. к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996.

Николаев 1996а — С. Л. Николаев. Рефлексы праславянских интонаций в восточнополесских говорах // Полісся: мова, культура, історія. Київ, 1996.

Николаев 1997 — С. Л. Николаев. Новые данные о фонетике русских говоров. 1. Рефлексы *и и *о // Русские диалекты. История и современность. М., 1997.

Николаев, Старостин 1982 — С. Л. Николаев, С. А. Старостин. Парадигматические классы индоевропейского глагола // Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982.

- Новг. — ст.-русская рукопись «Псалтырь лицевая» // ГИМ, Увар. 592. Расписал А. А. Зализняк.
- P. = Рильск. 1/26.
- Рильск. 1/26 —ср.-болг. рукопись XV в. «Сборник слов и житий» // Б-ка Рильского монастыря № 1/26. Расписал по фотокопии С. Л. Николаев.
- C6. 151 —ср.-болг. рукопись XV в., возможно, написанная Константином Костенечским // Б-ка Зографского монастыря, № 151 (по Ильинскому). Расписал по фотокопии С. Л. Николаев.
- Седов 1982 — В. В. Седов. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.
- Служ. Евф. — ст.-болгарская рукопись XIV в. «Служебник» / Б-ка Афонского Зографского монастыря, № 1. Цит. по изд.: П. Сырку. К истории исправления книг в Болгарии. СПб., 1890, т. I, вып. II.
- Соссюр 1977 — Ф. де Соссюр. Труды по языкоznанию. М., 1977.
- DK — Katechismas. Vilnius, 1595 (перевод Н. Даукши, примеры приводятся по [Skardžius 1935]).
- DP — Daukšos Postilė. Fotografsuotinis leidimas. Kaunas, 1926. Материал приводится с указанием страницы строки.
- Dudok 1972 — D. Dudok. Nárečie Pivnice v Báčke. Bratislava, 1972.
- Habovštiak 1965 — A. Habovštiak. Oravské nárečia. Bratislava. 1965.
- Hock — W. Hock. Рецензия на: W. Lehfeldt. Einführung in die morphologische Konzeption der slavischen Akzentologie. München, 1993 // см. Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. LIV, H. 1, S. 173.
- Kudz. — Cz. Kudzinowski. Indeks-słownik do «Daukšos Postilė», t. I-II. Poznań, 1977.
- Lorentz Gr. Pom. — F. Lorentz. Gramatyka pomorska, t. I–III. 1958–1962.
- Otrębski 1934 — T. Otrębski. Wschodniolitewskie narzecze Twereckie. Cz. I. Gramatyka. Kraków, 1934.
- Siatkowski 1962 — J. Siatkowski. Dialekt czeski okolic Kudowy, cz. I–II. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962.
- Skardžius 1935 — P. Skardžius. Daukšos akcentologija. Kaunas, 1935.
- SkŽD — P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1943.
- Štolc 1949 — J. Štolc. Nárečie troch slovenských ostrovov v Maďarsku. Bratislava, 1949.
- TLD — R. Olesch. Thesaurus linguae dravaenopolabicae. Köln; Wien, 1983–1987, Bd. I–IV.

А. Ф. Журавлев

К реконструкции
древнеславянского мировидения
(о категориях «доли» и «меры»
в их языковом и культурном выражении)

1. Предлагаемые соображения обращены к теме, которую, несомненно, можно отнести к самым популярным в исследованиях, касающихся реконструкции древнего славянского миропонимания с опорой на поздние языковые, фольклорные и этнографические факты. Славянский концепт доли (praslaw. **dol'a*; слово известно лишь восточнославянским и части западнославянских языков), судьбы (*sqdъba), рока (*rokъ) находится в фокусе внимания мифологов, фольклористов, языковедов, культурологов, начиная — применительно к русской науке — с широко известных работ А. Н. Афанасьева и А. А. Потебни и кончая новейшими публикациями Проблемной группы «Логический анализ языка»¹. Исключительное внимание, уделяемое исследователями славянской культуры этой проблеме, находит свое объяснение в исключительной же ее значимости для воссоздания славянской архаичной картины мироздания, для реконструкции стихийной метафизики древних славян. Впрочем, говорить в подобных случаях нужно,

---

¹ См.: Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.

конечно же, не только о славянах, поскольку, по характеристике Н.Д. Арутюновой, концепт судьбы составляет ядро любого национального и индивидуального сознания².

Несмотря на пристальный интерес к этой теме, некоторые важные ее аспекты остаются описанными и исследованными не исчерпывающим образом, так же как некоторые культурные и языковые факты, существенные для полноты представления данной проблемы, остаются за пределами ее рассмотрения, хотя в рамках иных проблем или сами по себе эти факты, разумеется, могли уже быть и в большинстве своем были предметом если не углубленного анализа, то по крайней мере определенного исследовательского внимания. В предлагаемом докладе мы попытаемся несколько расширить круг лингвистического и этнографического материала, привлекаемого к обрисовке затронутой темы, и подчеркнуть те ее аспекты, которые до сих пор звучали, на наш взгляд, недостаточно отчетливо.

2. С представлением о доле теснейшим образом связано понятие меры, отмеренности, наделенности тем или иным свойством в необходимом объеме.

Чаще всего это понятие анализируется в связи со славянским концептом века (praslaw. *vēkъ). Век в славянской картине мира предстает как отмеренный Богом каждому срок его жизни, в протяжение которой должны быть реализованы все его потенции. В современном русском языке семантический момент отмеренности, темпоральной предельности ощущим у слова век, берущегося в наиболее употребительном сейчас (но позднем!) значении 'срок в сто лет; календарный период, ограниченный ста годами', однако производное прилагательное вечный характеризуется в этом отношении прямо противоположной семантикой: 'не имеющий темпорального предела, разворачивающийся во времени до бесконечности'. Возникновение семантического момента 'беспределности' вполне очевидно, если принять в расчет, что изначально слово век применимо именно к ограниченной во времени жизни

---

² Н.Д. Арутюнова. От редактора // Понятие судьбы..., с. 3.

индивидуума; по объяснению Е. Гавловой, 'навек', т. е. «'в течение моей жизни' — это для меня 'навсегда, вечно'»³.

Нагляднейшим образом семантика предела, срока, меры у слова *vēkъ проявляется в других производных от него прилагательных — с привативным префиксом *без-*: рус. диал. *безвѣкий* 'вечный, бесконечный во времени', укр. *бѣзвік*, *безвічний* 'вековечный, бесконечный'⁴. Ее прозрачно сохраняет и включающая в свой состав слово *век* обширная русская фразеология: *свой век, на мой (твой) век (хватит), вовек не видать, довеку далеко — заживет, век недолог, до скончания века, изжить век, избыть свой век* (ср. *вековать* 'изживать свой век': *вековать девкой, отвековать* и под.), *Господь веку не дал и мн. др.*; паремиология: *Два века не живать, Прежде веку не помрешь, На час ума не хватит, а навек дураком прослышеши*⁵, вплоть до знаменитого пушкинского *Я знаю: век уж мой и з м е р е н...*

В связи с затронутыми привативными производными от *vēkъ (которое, имея соответствиями литов. *viēkas* 'сила; жизнь', др.-исл. *veig* 'сила', восходит к индоевроп. *ueik-/ *çoik- 'быть сильным') уже неоднократно обращал на себя внимание словообразовательный параллелизм между привативными же прилагательными *у-вечный* и *у-богий*. Эти два слова в сущности синонимичны, и то и другое означают 'лишенный потенции, обделенный силой, не наделенный (своей) долей'; в первом случае это понятие конкретизировалось как обозначение отключения от биологической, корпоральной нормы ('калека'), во втором — в сфере скорее имущественной ('бедный'⁶) и, позже,

³ Е. Гавлова. Славянские термины 'возраст' и 'век' на фоне семантического развития этих названий в индоевропейских языках // Этимология. 1967. М., 1969, с. 38.

⁴ См.: А. Ф. Журавлев. К уточнению представлений о славянских изогlossenах. Дополнения к лексическим материалам «Этимологического словаря славянских языков». Ч. I. М., 1990, с. 20–21.

⁵ Даль₂, т. I, с. 330.

⁶ Ср.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974, с. 132, где указывается на существование хетт. *Ašiçantaš*, имя мифологического героя со значением 'бедный', определяемым аналогичной внутренней формой, — буквально 'не наделенный божественной долей'.

дианоэтической ('лишенный рассудочной потенции'). Сюда же следует отнести и слово *у-род*, понимаемое как 'обделенный родовым благом (в частности, физической красотой)'.

Значение тавтолексемных сочетаний корневой морфемы **bog-* с негативирующими **ne-* (рус. *диал. не-бога*, укр. *не-біжчик*, белор. *ня-божчык* и др.), 'покойник', можно трактовать, опираясь на словообразовательную конструкцию, как 'лишенный (лишившийся) жизненной силы в абсолютной мере'. Контрастирующее значение 'наделенности...' в образованиях с корнем **bog-* подчеркивается суффиксом *-at-*: **bogatъ(jь)*, ср. *волосатый, крылатый, женатый*, *диал. мужатая* 'замужняя': **bog-* в приведенных случаях обнаруживает значение не 'наделяющей причины', что является преобладающим для современного употребления слова *Бог* (*Bog*), но 'того, чем наделяет(ся)', т.е. собственно 'доли'⁷.

Если затронуто слово *богатый*, то невозможно обойти⁸ структурно идентичное севернорусское прилагательное *поратый* 'сильный, дюжий, ражий', наречие *порато* 'сильно, очень, весьма; много', 'сверх меры'⁹. Оно является непосредственным производным от *пора*, спектр значений которого значительно совпадает со смысловым пространством слова *век*, и обладает достаточно выраженной семантикой 'меры', ср. *впору* 'по мерке, как раз', *вятск. в пору* 'достаточно'¹⁰ (далее можно указать на наречный фразеологизм *permск. порат су порат* 'очень хорошо, в самый раз'¹¹; ср. еще синтагматическую сопряженность слов *пора* и *мера* в не вполне прозрачном по своему синтаксическому устройству выражении яросл. *что пора не мера* 'в случае чего': «Что пора не мера, неустойку можно и уплатить, —

⁷ Помимо прочего, сходство в устройстве прилагательных *у-вечный* и *у-богий*, вызванное действием тождественных семантических и деривационных механизмов, может служить дополнительным косвенным аргументом в пользу исконного, незаемного характера слав. *bogъ, в противовес достаточно распространенному мнению о нем как о результате иранского влияния на славянский.

⁸ Ср.: *В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования..., с. 250.*

⁹ СРНГ, вып. 30, с. 51.

¹⁰ Там же, с. 29.

¹¹ Там же, с. 50.

говорит подрядчик»¹²). Существительное *пора* и дальнейшее прилагательное *поратый* (буквально 'наделенный порою, спориной', ср. вологод. *порынье* 'спорынья, в знач. крепости тела', *порёнье* 'крепкое здоровье, полнота тела'¹³) обнаруживают предположительное этимологическое родство с греческими словами, значения которых удивительно органично вплетаются в семантический узел рассматриваемого славянского материала: *πορεῖν* 'дать, предоставить, отмерить; предопределить', *πέπρωται* 'предопределено (роком)'¹⁴.

Понятия 'доля, часть' и 'сила, потенция', пересекаясь в слав. **bog-*, показывают до некоторой степени общность своего формирования, близость истоков: жизненная потенция понимается как назначенная часть, определенная доля, которую наделитель мог отмерить в большем или меньшем количестве, сила не абсолютна, но имеет положенные свыше пределы, может, как и век, быть исчерпана, что и выражается языковыми средствами: *обессилеть, (не) по силам* (кому-либо), *(не)посильный, свыше* (чьих-либо) сил, *через силу, от силы* и т. п.; *много/мало сил* (у кого-либо), *силы немеряно, безмерная сила, силы на исходе* и т. д. Понятно при этом, что физическая сила, т. е. способность к длительному или многократному мышечному напряжению¹⁵, является лишь конкретизацией понятия силы (потенции) вообще.

Подобные же представления существуют относительно иных свойств, носителями которых являются не только одушевленные создания (человек, домашнее животное), но и, например, часть тела как орудие (рука, глаз, гениталии), земля, нива, ее плоды или даже предмет хозяйственного обихода, — с той, однако, необходимой оговоркой, что в нем по самой его природе или назначению усматривается некое продуцирующее начало (скажем, мельница, квашня, ср. благопожелание гостя хозяйке, готовящей тесто: *спорина в квашню!*) или могущая быть уте-

¹² Там же, с. 32.

¹³ Даль₂, т. III, с. 310; СРНГ, вып. 30, с. 56–57.

¹⁴ См.: Фасмер, т. III, с. 328–329.

¹⁵ Ср.: М.Ф.Мурьянов. Сила (понятие и слово) // Этимология. 1980. М., 1982, с. 50–56.

рянной способность к повторным реализациям в соответствии с его назначением (например, охотничьи ружье). Сам круг таких свойств все же категориально довольно ограничен: все они могут быть обобщены в отвлеченном понятии потенции или, более узко, применительно к органическому миру, жизненной силы, *vis vitalis*. Достаточно много писалось о *спорине* хлебной нивы как аналоге жизненной силы человека. Меньше в затрагиваемом отношении уделялось внимания плодовитости домашнего животного. В диалектах русского языка это понятие выражается лексемами *спор*, *спорина* (praslaw. *səporgъ, *səporina), *вод* (praslaw. *vodъ¹⁶), *плод* (praslaw. *plodъ), *племя* (praslaw. *ple(d)me < *pled-men) и др. Впрочем, плодовитость — это лишь одна сторона; понятие *вбода* включает в себя не только собственно репродуктивную способность, но и устойчивость, выживаемость приплода, приживчивость скота в новом дворе (при перемене хозяина), неподверженность напастям в виде болезней и дикого зверя. К тому же кругу свойств относится удойность коровы, носкость курицы, производительность и «ярость» пчел и т. д.

В языковом плане важно отметить сочетаемость наименований всех этих свойств с антонимичными глаголами 'дать, предоставить; оставить, сохранить' (в частности, в заговорных формулах, адресуемых Богу) и 'отнять, лишить; взять' (в частности, как обозначение целей и результатов вредоносной магии): *дать жизнь; Бог дал долгий век; не дать веку; дай силы; дай молока; дай, Боже, спор; не дал Бог ума — отнять жизнь; лишить живота; отнять силы; лишиться сил* (ср. *потерять, утратить силу, истрачены силы*); *отнять спорину* (у поля, нивы); *спорину* (*спорынью, споры*) *вынуть* (*вынимать*); *отнять урожай; отнять (отымать) молоко* 'лишить

¹⁶ Праславянская реконструкция *vodъ < *voditi sę осуществляется на основе архангл. *вод* 'разведение, размножение, развод', яросл., костром., орлов. *вод* 'плодовитость, приживчивость в хозяйстве, свойство быть «ко двору» (о домашнем скоте, птице)' (см.: Архангельский областной словарь. М., 1985, вып. 4, с. 144; И. В. Костоловский. Из народных суеверий, примет и обычая Еремеевской волости, Рыбинского уезда // ЭО, 1901, вып. 3, с. 136; Архив Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), фонд 7 (Этнографическое бюро кн. В. Н. Тенишева), опись 1, ед. хр. 600, 1092). См. также: А. Ф. Журавлев. Рус. *двужильный* // Этимология. 1985. М., 1988, с. 80–81.

корову удойности'¹⁷ (ср. корова молоко потеряла); лишиться ума; отнять разум (ср. потерять рассудок, утратить разум)... Наличие такой сочетаемости прямо отсылает к представлениям о доле, наделаемости (ср. Бог дал — Бог взял). В семантически (да пожалуй и диахронически, ретроспективно) предельном варианте многочисленных сочетаний корней *da- и *bog-, как гетеролексемных (апеллятивных), так и тавтолексемных (чаще, видимо, ономастических), последний, *bog-, выступает именно в объектном значении — 'доли', 'части'¹⁸.

Любопытно отметить антитетичность компонентов русской рифмующейся пары *доля* : *воля*, нередко сопрягаемых синтагматически. Паремиология с этим противопоставлением, довольно обширная, хотя содержательно и весьма одноплановая, что само по себе показательно (в сущности, ограничивающаяся актуализацией признаков 'предел, мера') : 'отсутствие предела, безграничность потенции'), оголяет метафизические понятия если и не о полной невозможности, то о чрезвычайной затруднительности человеческого воздействия на собственную участь, — понятия, в конце концов существующие завершившиеся выработкой этических нормативов фаталистического толка, преследующих исключение конфликтов между *волей* и *долей*: *Наша доля — Божья воля; Во всем доля, да воли ни в чем; И была бы*

¹⁷ Ср. карпатоукр. *відобрati маїну*, где *маїна*, помимо прочего, имеет значения и 'молоко' (в частности, 'жирное молоко'), и 'удойность (коров, овец)' (см.: Г. П. Клепикова. Карпатская лексика в ее отношении к лексике иных зон славянского мира. 1. *+man(n)a* // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977, с. 6–7). О конкретном направлении метонимического переноса ('молоко' → 'удойность' или обратное) в рассматриваемом случае говорить несколько затруднительно ввиду сложности диалектной ситуации в многоязычных Карпатах и нелегко поддающихся исследованию путей движения лексики (и семантики) в этом клокочущем лингвистическом котле: возможны оба варианта.

¹⁸ Мысль, как можно понять, не вполне очевидная; см., например, статью **dadъjv bogъ* в ЭССЯ (вып. 4. М., 1977, с. 182–183), где тонкости семантических отношений между компонентами сложения оставлены без надлежащего комментария. Ср. из новейшей литературы: В. Н. Топоров. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I. Первый век христианства на Руси. М., 1995, с. 528–529. Там же приводятся ведийские параллели, подтверждающие изложенную догадку.

*доля, да нет воли; Своя волюшка доводит до горькой долюшки,
Боле воли — хуже доля и т. п.*¹⁹.

(Более полному и адекватному очерчиванию концепта *доля* может способствовать сравнение антитетической пары *доля* : *воля* с другим противопоставлением, в которое вовлечен второй ее член: *мир* : *воля*. Понятие *мир* в этой последней паре очевидным образом реализует семантику 'порядка, регламентированности, договора'²⁰; приведенная параллелизация высвечивает несомненное присутствие тех же семантических моментов и в концепте *доли*.)

3. И тем не менее воздействие на *долю* мыслится возможным, о чем свидетельствует не только наличие в славянском словаре прозрачно мотивированных образований типа **ob-dolēti*, *прео-долеть*, **s̥-dolēti*, **s̥-doliti*²¹, русск. диал. (зап.) *вздоблеть*,

¹⁹ Даль₂, т. I, с. 238–239, 464.

²⁰ Ср.: В. Н. Топоров. Об иранском элементе в русской духовной культуре // Славянский и balkанский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. М., 1989, с. 49–52; Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997, с. 485–486.

²¹ В редакторских дополнениях к переводу этимологического словаря М. Фасмера О. Н. Трубачев глагол *долить* 'одолевать', в противовес довольно осторожному предположению Фасмера, трактует как продолжение *дол* 'низ' : *долить* — буквально 'валить с ног, сваливать' (Фасмер, т. I, с. 525). Касательно глагола *одолеть* (Фасмер, т. III, с. 123) таких оговорок, разумеется, не делается. В ЭССЯ (вып. 5, с. 62) относительно праслав. **doliti* говорится, что здесь наблюдается «явная тенденция контаминации с **dol'a*» (с противопоставлением значений континуантов **doliti* словац. 'копать, рыть', русск. 'клонить вниз' : чешск. 'бороться, драться', русск. 'одолевать'). Речь, на наш взгляд, должна идти о глагольной омонимии и, тем самым, о гетерогенности материала, формирующего эту статью ЭССЯ. Ср. позицию «*Słownika prasłowiańskiego*», где континуанты **doliti* со значением 'клонить вниз' относятся к продолжениям **dol'a*, без упоминания точки зрения О. Н. Трубачева (SP, т. 4, с. 63). Предположение В. Махека о связи основы **ob-dol(')*- с др.-инд. **abhi-dhara-*, которое могло означать что-нибудь вроде 'твердое противодействие чему-либо' (Machek, с. 123), не выглядит необходимым.

В связи со сказанным выше о близости концептов 'доли' (**dol'a*), 'силы' (**sila*) и 'потенции' (**mogt'*) существенно упомянуть формальный параллелизм слов *одолеть* : *осилить* при тождестве их значений (SP, т. 4, с. 54, со ссылкой на Бодуэн де Куртенэ; А. Е. Анкин. Этимология и балто-славянское лексическое сравнение в праславянской лексикографии. Материалы для балто-славянского

вздбрить 'одолеть, смочь'²², но и богатейшая народная магическая практика.

Существеннейшей чертой народных понятий о доле является представление о принципиальной отчуждаемости потенции от ее носителя. Потенция не является присущей своему носителю в обязательной мере, но, различаясь своим объемом от одного индивидуального носителя к другому изначально, может быть увеличена или уменьшена, вплоть до «нулевого уровня», вмешательством извне (чаще, разумеется, вредоносным).

Весьма распространены подобные представления применительно к домашней скотине, ее плодовитости и удойности. Так, в ритуалах купли-продажи скота *племя* 'плодовитость, спор(ина), репродуктивная способность в высокой или достаточной степени' может передаваться продавцом покупателю за отдельную плату. По сообщению Г. К. Завойко, относящемуся к обычаям крестьян Владимирской губ., при продаже коровы передача *племени* производится после специального угощения водкой, с заключением продавца: «Ну, Господь с тобой — будь тебе и племя!»²³. Записи, сделанные в Нижегородской губ., свидетельствуют о возможности продажи вместе со скотом его спорины не целиком, но и, по недоброй воле умеющего волхвовать продавца, лишь частично, что выражается особыми магическими терминами-словосочетаниями *совсем прод(ав)ать и в половину продать*²⁴.

Сходным образом корова может быть продана со всем молоком 'с отпущенностью Богом способностью давать молоко, реализующейся в полной мере' (Владимирская, Костромская губ.). Почти повсеместно это символизируется передачей покупателю вместе со

словаря. Вып. 1 (Пробный). А–Е. Новосибирск, 1994, с. 243, где упоминаются также «балто-славянские названия 'победы'», т. е. (пре)одоления, производные от глаголов со значением 'мочь, быть в состоянии': литов. *pérgale*, латыш. *izvara*, прусск. *erwagīspal*, белор. *перамога*, укр. *перемога*),ср. далее синонимичность польск. *owiązać*, связанного с упомянутым прусским словом, и *owłosić* (В.Н. Топоров. Прусский язык. Словарь. Е-Н. М., 1979, с. 66–67).

²² СРНГ, вып. 4, с. 260.

²³ Г.К. Завойко. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии // ЭО, 1914, вып. 3–4, с. 122.

²⁴ И. Мамакин. Купля-продажа скота... Как окуривают новотелых коров... (Нижегородская губерния) // ЖС, 1892, вып. 3, с. 147–148.

скотиной молочной кринки. Ср. еще: «Продае жинка корову на ярмарку, а чоловик купуе. Вин гроши выйма з-за пазухы, а другой у сторони стоить и дывытся на их; потим каже: „Не давай, чоловиче, грошай, покы вона тоби не оддасть того, що в ней в пазуси йе“. А вона одмагается: „Що в мене в пазуси? У мене ничего нема в пазуси“. А той чоловик каже: „Та выймай, выймай. Любыш гроши братъ, так любы и молоко отдавать“. Вона выняла з пазухы и отдала каламарчык [небольшую бутылку]. А потим той каже покупщику: „О, тепер давай, чоловиче, гроши за ту корову, то ты йистымеш молоко“, то есть 'удойность' (Лубенский уезд Полтавской губ.)²⁵.

Фразеологизм со *всем молоком* отмечается в ритуальной песне, исполняемой в весенний егорьев день и сопровождающей первый выгон коровы на пастьбу: *Выгоню коровушку / Со двора голиком* (венником), / *Приходи ко мне, коровушка, / Со всем молоком!* (Бежецкий уезд Тверской губ.). Существует примета, согласно которой удойность коровы, в первый раз отелившаяся бычком, реализуется не в полной мере, тогда как первый приплод телушкой обещает ее осуществление сполна: «Ну-у-у-косе! у них корова то отелилась да на первоёт да и принесла телушку — *полное молоко*» (Рыбинский уезд Ярославской губ.)²⁶; о праславянской древности словосочетания *полное молоко* (*rylpo(j)e) *melko*) говорит польское выражение *pełne mleko* 'неснятное, цельное молоко'²⁷.

²⁵ В.П.Милорадович. Житє-бытьє лубенського крестьянина // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991, с. 285.

²⁶ См.: Г.К.Завойко. Верования..., с. 122; Поэзия крестьянских праздников / Сост. И. И. Земцовский. Л., 1970, с. 317; И.В.Костоловский. Народные поверья жителей Ярославского края // ЖС, 1916, вып. 2-3 (приложение 5), с. 42. Подробнее см.: А.Ф.Журавлев. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. М., 1994, с. 43, 69.

²⁷ S. Skorupka. Słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa, 1977, t. I, s. 450. К анализу семантики прилагательного *rylpo(jy) существенно привлечение обширной диалектной фразеологии; см., например, russk. диал. *в полном уму* 'в здравом уме, здравомыслящий' (ср.-обск.), *не с полна ума* 'не в своем уме' (томск.) (ср. полуумный), *полный дух иметь* 'быть смелым' (мешков. калуж.), *пойти в полный гуж* 'стать полноценным работником' (амурск.), *на полный рот есть* 'есть с аппетитом, уплетать' (тарск. омск.) и под. (СРНГ, вып. 29, с. 85).

Представления об отчуждаемости удойности от ее обладателя (обладательницы — коровы) весьма ярко обнаруживаются в хорошо известных вредоносных магических способах *отнимания молока ведьмами*. Собственно, речь здесь идет о «перекачке» удойности из чужого хлева в свой, сообщении большей удойности своим коровам за счет ее утраты чужими. Тем самым наглядно проявляется допустимость манипуляции долей на принципах системы сообщающихся сосудов (что ослабляет жесткость упомянутых выше представлений о неподверженности доли сознательному, волевому воздействию).

В земледельческой вредоносной магии аналогом отниманию молока являются приемы лишения чужого хлебного поля урожайности (с помощью т. н. *пережинов*) и перенесения ее на свою ниву. Ограничимся одним великорусским примером: «Иногда случается так, что хлеб, посеянный с хлебами соседей, по мнению крестьянина, при совершенно одинаковых условиях, ростом бывает лучше и чаще окружающих хлебов и соломой „буйней“, но зато умолотом оказывается несравненно хуже; так, например, у соседей из того же самого количества выйдет пять мер, а у него только полторы. Это значит, что колдун *спорину вынул* из хлеба. Такой хлеб обиженный крестьянин мелет на семена (? — А. Ж.) и везет к мельнику, с просьбой переменить ему семена, потому что у него *вынута спорина*. К мельнику всегда обращаются вследствие того, что у него хлеб сборный, и уж верно есть рожь от праведной души и скотская доля, т. е. та рожь, которую крестьяне мелют для пересыпки корма лошадям, — обладающие свойством восстановлять спорину» (Орлов. губ.)²⁸.

В связи с рассматриваемым кругом народных представлений и их отражением в паремиологии заслуживают внимания некоторые магические верbalные формулы, сопровождающие вредоносные манипуляции с хлебом на чужом поле. В одной из таких формул, записанной в Рыбинском уезде Ярославской губ., довольно неожиданным образом коррелирующими понятиями оказываются *спорынья* 'удача, спорина' и *лень*: «„Будь у меня

²⁸ А.И.Трунов. Понятия крестьян Орловской губернии о природе физической и духовной // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1869, т. II.

спорынья, а по деревне ленъ!“ говорят, делая пережин...»²⁹. Примечательно, что здесь лень трактована не как категория, относящаяся к области воли (ср.: *мне лень*), но явно как одна из возможных реализаций доли, участия, лежащих за пределами волевой компетенции индивида и социума.

4. Огромный круг данных (лексика и лексико-семантическая мотивированность, прямые высказывания в «отлитых» паремиологических формах, ритуалы и их отдельные составляющие и т. д.) свидетельствует о том, что в архаической метафизике мир предстает в виде равновесной гомеостатической системы, устойчивость которой обеспечена постоянно реализующимся принципом компенсаторности: если в одном месте убыло, то в другом столько же прибудет (ср. универсальные законы сохранения вещества и энергии в поздней, «настоящей» физике): «По народным понятиям: „скількі родится людей по цілому світі, то стильно же и вмре“» (Волынь)³⁰, «Сколько мыша съест зерна, столько и прибавляется его; если мало ест, мало прибавляется — и наоборот» (Воронежская губ.)³¹; «Если в какую-либо осень появилось много той или другой дичи или зверя, то говорят, что „наш леший выиграл это у другого“, если мало — значит, проиграл» (Вологодская губ.)³² (ср.: зайцы у лешего «на полном крепостном праве, по крайней мере, он даже имеет власть проигрывать их в карты соседнему лешему. Не освобождены от такой же зависимости и беличьи стада, и если они, переселяясь несметными полчищами и забывая всякий страх перед человеком, забегают в большие сибирские города... — то дело ясное: значит, лешие целой артелью вели азартную

²⁹ Вяч. Водарский. Областные слова Рыбинского уезда Ярославской губернии (Деревня Юрцино, Орехинская волость. Записаны в 1901 году) // ЖС, 1902, вып. III–IV, с. 409.

³⁰ Ив. Абрамов. Поверья, приметы и заговоры жителей Новоград-Волынского и Заславского уездов // ЖС, 1913, вып. III–IV, с. 380.

³¹ Г. Яковлев. Пословицы, поговорки, крылатые слова, приметы и поверья, собранные в слободе Сагунах Острогожского уезда // ЖС, 1906, вып. IV (отд. 2), с. 172.

³² А. Пустиков. Троицина Кадниковского уезда. Бытовой очерк // ЖС, 1892, вып. III, с. 122.

игру и побежденная сторона гнала проигрыш во владения счастливого соперника»³³; «...водяной ухитряется перезывать к себе рыбу из чужих рек и озер. Так объясняют простолюдины умаление и совершенное исчезание рыбы в тех или других водах»³⁴) и мн. под.

Принцип компенсаторности наиочевиднейшим образом выявляется в широко известных представлениях о не изживших своего века «заложных» покойниках³⁵, об экспроприации чужого века, — представлениях, к которым, как и к связанной с ними лексике и фразеологии (*зажиться, заедать чужой век, заде(ва)ть чужой век, жить не свой век, живучка напала, на том свете с фонарями ищут* и т. п.), обращались достаточно часто³⁶.

Выяснена связь с рассматриваемыми представлениями поверий о т. н. *двужильных людях* и *двужильных лошадях* — упрыгах, удлиняющих свой век за счет сокращения века других божьих тварей: по их смерти умирает еще несколько людей или, соответственно, лошадей, своего века не изживших³⁷ (прилагательное *двужильный* производно от *жило/жила* 'срок жизни' < *жить*;ср. *жилу порвать* 'помереть', а также, далее, *жилить* 'называть чужое своим'³⁸). Интересно, что в народных представлениях век может распределяться не только между особями одного вида, как в упомянутом случае, но и между представителями непересекающихся царств живого, ср. белорусские поверья, близкие представлениям о «двужильности»: «Народ вообще относится с суеверным уважением к большим старым деревьям, особенно если в них находят еще признаки,

³³ С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1989, с. 46–47; ср.: Афанасьев, т. II, с. 336.

³⁴ Афанасьев, т. II, с. 244.

³⁵ См.: Д. К. Зеленин. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественно смертью и русалки. М., 1995.

³⁶ Из последних по времени работ см., например: О. А. Седакова. Тема «доли» в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990, с. 55–56.

³⁷ Подробнее см.: А. Ф. Журавлев. Рус. *двужильный...*, с. 78–81.

³⁸ Даль₂, т. I, с. 542.

отличающие их чем-нибудь от обыкновенного типа <...> предание, что лет 60 тому назад на том же месте было 4 дуба. Но арендатор дворца графа Завиши срубил два из них, от чего пал весь его скот. Вообще заветные дубы заколдованы: срубить такой дуб или даже взять его сучья, оторванные ветром, — неизменно случится несчастье: падет лошадь, корова, овца» (Слонимский уезд Гродненской губ.)³⁹.

Замечательны в затронутой связи поверья о близнецах: жизненная потенция, рассчитанная на одного, в случае рождения близнецов распределяется между двумя, они не доживают века, один из них оказывается бесплодным и т.д.⁴⁰, спр.: «Они, двойнёвые, всегда хуже бывают», «Было девять детей, двойники были, многие умирали»⁴¹, полесские поверья: «двойнята никогда не будут жить, — один обязательно умрет», боснийское представление: *Да је среће не би се двоје родило!* (двойня не рождается к счастью)⁴². Усматривающиеся в близнецах изначальной ослабленностью производительной потенции позволяет, а в некоторых местах (в Сербии, Болгарии, Македонии, западной Белоруссии и др.) даже предписывается, их участие в ритуале опахивания селения при повальных болезнях и стихийных бедствиях, в котором обычно фигурируют лишь персонажи, для которых исключены (девочки, старухи, честные вдовы) сексуальные отношения⁴³.

Сюда же относятся поверья о негативной отмеченности лиц с нарушениями соматической нормы, в частности, с корпоральными излишествами, — шестипалых, горбунов (горб воспринимается как добавочный телесный вырост), двоезубов и т. п. Ср.: *двоезуб* 'человек, у которого молочные зубы при появлении коренных не выпадают': «Человек — *двоезуб*, или с волчьим

³⁹ М.Довнар-Запольский. Заметки по этнографии белорусов // ЖС, 1893, вып. III, с. 422.

⁴⁰ См.: А.Макаренко. Материалы по народной медицине. Ужурской волости, Ачинского округа, Енисейской губернии // ЖС, 1897, вып. I, с. 98; И.В.Костоловский. Народное поверье о бесплодии близнецов // ЖС, 1911, вып. III-IV, с. 499.

⁴¹ СРНГ, вып. 7, с. 291, 292.

⁴² СД, т. 1, с. 191, 193.

⁴³ См.: А.Ф.Журавлев. Домашний скот..., с. 110; СД, т. 1, с. 192-193.

зубом, почитается злым, опасным и нередко злакарем»⁴⁴; в заговоре: «Я, рыба, ко всякой всячине пригождаюся... от *двоезуба*, от блядуна, от блядуньи, от всякого зла, от лихого человека, от злой крови»⁴⁵ при показательной синтагматической близости и уравненности слов *двоезуб* и *лихой*, ср. *лихо(й)* — лишний с возможной проекцией в антитезу *доля/«норма»*: *лихо/«сверхнормативное»*, ср. далее выражение *лихая доля*.

Впрочем, если иметь в виду персонаж русских сказок, носящий имя *Лихо Одноглазое*, и целый ряд реализаций слав. **lixo(-)* (к индоевроп. **leik⁴-so-* — осложненному **leik⁴-* 'оставлять'⁴⁶) с семантикой, прямо противоположной значению 'избыточный, лишний; сверхнормативный' (ср. *līšati 'privare', болг. *диал. лих* 'имеющий определенный существенный недостаток — хромой, слепой, косой и т. п.', русск. яросл., костром. *лихо одноглазое* — прозвище косого человека, болг. *диал. лио мне* 'мне недостает (чего-либо), чувствую отсутствие (этого), либо ми е бес *нёго* (*нёа*)' 'мне чего-то не хватает без него (без нее)', ст.-слав., русск.-ц.-слав. *лихъ быти* 'быть лишенным, не иметь', *лиховати* 'отнимать, лишать', ст.-польск. *lichosć* 'ничтожность, малость, слабость', *lichota* 'нужда; кое-что, небольшое количество', *lichotny* 'незначительный, малозначительный, ничтожный', серб.-хорв. *лихорук* 'однорукий', *лихомуд* 'имеющий одно яичко' и мн. др.⁴⁷; русск. фолькл. *лихокровый*, вероятно, 'малокровный, бескровный' или 'с порченной кровью', ср. в выразительном заговорном контексте: «...от рябых, от лысоватых, от слепых..., от лихокровых, от лихощербных»⁴⁸ со знаменательным соположением в пределах одной лексемы корней *лих-* и *щерб-*, ср. *ущерб*), то напрашивается мысль о том, что *lixo изначально понималось как количественное отклонение от нормы в любую сторону: и избыток — и недостаток, «некомплектность» (в частности, сюжет упомянутой сказки

⁴⁴ Даль₂, т. I, с. 420. Близкие представления отмечены у поляков: родившийся с двумя рядами зубов становится вампиром (СД, т. 1, с. 284).

⁴⁵ Великорусские заклинания. Сборник Л. Н. Майкова. СПб., 1994, с. 91 (в тексте заговора на с. 89 — даже *троезубый*).

⁴⁶ Pokorný, Bd. I, S. 669–670.

⁴⁷ См.: ЭССЯ, вып. 15, с. 89–91, 94–96, 99–102, 154–156; СРНГ, вып. 17, с. 76.

⁴⁸ СРНГ, вып. 17, с. 84 (статья *Лихощербный*).

состоит в том, что герой пошел искать себе лихо, но, найдя его, вернулся назад без спутника и без руки), ср. выше — о сочетаемости наименований «шкалируемых» потенций с антонимичными глаголами 'дать; оставить' — 'взять; отнять, лишить'.

Как нежелательное корпоральное излишество в народном животноводстве может трактоваться пегость, «многомастность» лошадей (в отличие от крупного рогатого скота, у которого пестрота не считается пороком): «Пегая (рябая) масть... нелюбима... Между прочим, рябой заболевшей лошади затруднительно шептать, так как заговаривать можно лишь известную определенную масть, а у пегой лошади две масти. Затем пегие кони реже идут в руку» (Лубенский уезд Полтавской губ.)⁴⁹.

Говоря в связи с концептом доли и категориями «свой/чужой» о семантике излишка (/ недостачи), следовало бы, как кажется, привлечь заметный пласт традиционных представлений, относящихся к дарению, потере / находке и краже (а также к займу, одолживанию). Эти проявления социальной жизни, имея своим следствием перераспределение доли, вносят флюктуации в равновесное состояние мира и получают с этой точки зрения определенную оценку. Если в «обычной» этике дареное, украденное и найденное оцениваются соответственно положительно, отрицательно и нейтрально, то в магической практике, преследующей обретение большей доли, находка и покража, не переставая быть предметом этического интереса вообще, получают несколько иные трактовки. Характерно, что нередко, сообщив с помощью магической кражи (например, сена с чужого луга или хмеля с чужого хмельника, что обычно остается незамеченным) большую плодоносную силу своей земле, совершивший покражу обязан, также незаметно или, напротив, сознавшись хозяину, на следующий год вернуть похищенное в том же количестве, восстановив тем самым долевое равновесие; кража, таким образом, трактуется в качестве «одностороннего», юридически не сформулированного займа. Резкого осуждения подобная практика, разумеется, не встречает⁵⁰.

⁴⁹ В. П. Милорадович. Житье-бытье лубенского крестьянина..., с. 268.

⁵⁰ См., например: А. Шустиков. Право семейной и личной собственности среди крестьян Кадниковского уезда. (Материалы по обычному праву) // ЖС, 1909, вып. I, с. 62; С. М. Толстая. Кража // СМ, с. 232–233.

5. Адекватный анализ славянских народных представлений о доле и, шире, об основах мирового равновесия нуждается в привлечении гораздо большего круга понятий и этнографических и языковых фактов, чем тот, которым обычно ограничиваются в исследованиях подобного рода (имея в виду главным образом темпоральные и событийные моменты, включая предопределение и отгадывание судьбы/доли, а также олицетворения несчастливой доли — мифологические образы горя (*Горя-Злочестия*), злыней и т. д.). Мы коснулись весьма незначительного материала, относящегося к заявленной теме. Необходимость проблемы заставляет нас пока удовлетвориться этим поневоле очень беглым упоминанием некоторых, показавшихся достойными его, аспектов.

Литература

- Афанасьев — *А.Н.Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу*. В трех томах. М., 1994 (репринт издания 1865–1869 гг.).
- Даль₂ — *В.И.Даль. Толковый словарь живого великорусского языка*. М., 1955, т. I–IV.
- ЖС — Живая старина.
- СД — Славянские древности. Этнолингвистический словарь. М., 1995, т. 1.
- СМ — Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л. (СПб.); (М.), 1965–, вып. 1–.
- Фасмер — *М.Фасмер. Этимологический словарь русского языка*. М., 1964–1973, т. I–IV.
- ЭО — Этнографическое обозрение.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974–, вып. 1–.
- Machek — *V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého*. Praha, 1971.
- Pokorný — *J. Pokorný. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1949–1959, Bd. I–II.
- SP — *Słownik prasłowiański*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; (Łódź), 1974–, т. 1–.

Н.И.Толстой, С.М.Толстая

Имя в контексте народной культуры

Будучи частью верbalного (языкового) кода традиционной народной культуры, имена собственные занимают в нем особое место, образуя по существу самостоятельный ономастический код. Ономастикон культуры отличается от общеязыкового уже составом именуемых объектов; личные имена могут присваиваться в народной традиции не только людям и домашнему скоту, но и персонифицированным диким животным (аист *Иван*¹, заяц *Janek*², медведь *Михайло Иванович*, *Михаил Топтыгин* и т. п., уж *Вася*³, гад *Яков*, гадина *Яковица*⁴ и т. п.), растениям⁵ (цветок *Иван-да-Марья*, дуб *Александр*, *Лаврентий*⁶ и т. п.), мифологическим персонажам⁷, болезням (лихорадки *Трясеха*, *Ломея* и т. д.), стихиям и природным объектам (вода *Ульяна*, *Елена*, земля *Татьяна*⁸, огонь *Андрей*⁹), предметам (хлеб *Маланья* и *Василий*, камень *Иван* или *Василий*¹⁰, кочерга *пан Коцюбинский*¹¹), явлениям и концептам (смерть *Васка*, *Zoska*, *Казка*, *Jagusia*¹², *Лопатовский*¹³ и т. п.). Существуют отличия и в арсенале ономастических средств: по сравнению с общеязыковым узусом, в ономастиконе традиционной культуры в большей степени используются неономастические по происхождению элементы, т. е. апеллятивная лексика. В то

время как для языка в целом семантика имени собственного или вовсе отрицается или признается лишь условно (Толстой 1970), для языка культуры характерно явление семантизации и символизации имени, достигаемых двумя противоположными способами: вовлечением апеллятивов в ономастикон, т. е. онимизацией апеллятивов, и народной этимологизацией собственно ономастической лексики, т. е. «апеллятивизацией» ономастики¹⁴.

Однако главное отличие культурной ономастики от общеязыковой лежит в сфере прагматики, т. е. касается функционирования имен собственных (прежде всего личных) в качестве знаков и символов культуры. Особенности ономастического узуса в традиционной культуре обусловлены мифологическими представлениями о природе имени — отождествлением имени и его носителя или убеждением в существовании сокровенной связи между именем и человеком, верой в способность имени «замещать» человека, в сакральность имени, в небесное заступничество одноименных патронов (святых, «героев») и т. п. Имя наделяется магическими свойствами и используется в обрядности как инструмент магии — охранительной, отгонной, продуцирующей, лечебной; имя табуируется, утаивается, дублируется, подвергается замене; выбор имени и именование подчиняются строгой регламентации и магическим целям. Славянская народная антропонимия испытала сильнейшее влияние христианской культуры; это касается как состава имен, так и их узуса, однако она во многом сохранила почти до наших дней отношение к имени, имянаречению и именованию, свойственное дохристианской мифопоэтической традиции.

Магическое имянаречение и именование

Согласно славянским народным представлениям, реконструируемым из языкового, обрядового и фольклорного материала, имя окончательно формирует (творит, рождает) человека (ср. укр. поговорку «Прибери пня, дай ему имя — и з него буде чоловік» — Номис 1864: 218; болг. проклятие «Да му ся не найде имято!» — Геров 2: 327; кашуб. *тópo uëtagas* «умереть»; букв. «стереть имя» — Sychta 3: 174), а наречение именем — важнейший «антропогонический» (в социальном плане — инициационный) акт, придающий новорожденному статус

человека. Естественно, что в контексте христианской культуры этот акт отождествлялся с церковным обрядом крещения, во время которого новорожденный получал имя. В народном восприятии крещение и было прежде всего имянаречением, а крест приравнивался в своем значении к имени (по полесскому выражению, «То хрэст человека — от, Микола чи як там шо» — ПА, с. Щедрогор Ратновск. р-на Волынской обл.;ср. еще болг. приговор при передаче ребенка матери после обряда крещения: «Без име го взех, с име ти го връщам» — Габровско, Ловешко, Кръстева 1996:122). Сакральность имянаречения, восходящая к древнейшей мифопоэтической традиции, находит, таким образом, свое продолжение в народных верованиях и обрядах, связанных с крещением (ср. Чайкановић 1994/1: 375; Кръстева 1996: 119, 121), и особенно — в мифологической трактовке некрещеных, мертворожденных и умерших до крещения, т. е. «безымянных» детей (Кабакова 1994), ср. рус. владим. *безымянный* 'мертворожденный' (СРНГ); тамбовск. *безымянка* 'умерший до крещения или мертворожденный ребенок' (Махрачева 1997); болг. *безимка* 'еще не окрещенный ребенок' (РБЕ). Отсутствие имени придает им «иномирные», демонические черты (ср. рус. «без имени ребенок чертенок», арханг. *безымень* «привидение, двойник; во всем будто бы походит на человека, но лица не имеет, и потому носит на голове личину» (Подвысоцкий 1885). Жители Силезии полагали, что у человека имеется две души (два духа), каждая из которых должна получить имя; если же ребенка нарекают только одним именем, то безымянная душа становится стригой, зморой и т. п. (Lehr 1984: 231–232; 1985: 99). Болгары называют детей до крещения именами животных (*щенок*, *улитка*, *птенец* и т. п.) и мифологических персонажей (*върколак* — Видинско, Оряховско); их не целуют, ибо «в них вселился дьявол» (Самоковско, Чирпанско); в случае смерти до крещения их не отпевают, не оплакивают, погребают голыми, не хоронят на кладбище (или хоронят на «чужом» — мусульманском, цыганском и т. п. кладбище), не отмечают их могилы, не поминают (Кръстева 1996: 114–115).

По общеславянским представлениям, умершие до крещения дети превращаются в демонов (у восточных славян — в русалок), их души блуждают по свету, плачут (иногда птичьими голосами), просят «дать им имя» (или «дать им крест»; словацк. *diet'a pitalo*

krst — Chorváthová 1984: 149) и не успокаиваются до тех пор, пока их не нарекут. По полесскому обычью, услышав их плач, надо назвать мужское и женское имя: Адам и Ева, Иван и Мария, Иван и Анна и т. п. Ср. «Шла по ѿз могилки, чуе дзиця плачэ на моглицах, а я кажу: Як панна, то Ганна, а як пан — то Иван. Просим мя (имя), ему мя треба даць, не дали ему родители имя. И не стало плакаць» (ПА, с. Оздамичи Столинск. р-на Брест. обл.); «Если хлопчык, то нехай будэ Стэпан, если девочка — то Марья» (ПА, с. Олтуш Малоритск. р-на Брест. обл.). Русские верили, что «накануне Троицына дня русалки и мавки бегают по засеянным полям и хлопают в ладони, приговаривая: „Бух, бух — соломенный дух, меня мати породила, некрещену положила (или: склонила)“. Кто услышит их голос, тот должен произнести: „Крещаю тебя, Иван да Марья, во имя Отца и Сына и Святаго Духа“» (Афанасьев 1996: 303). Аналогичные поверья известны западным белорусам, украинцам Закарпатья, мораванам, словакам, болгарам (Federowski 1897: 264–265; Богатырев 1971: 249; Chorváthová 1984: 152; Кръстева 1996: 116–117)¹⁵.

Подобным же образом нарекали детей до крещения, т. е. до получения настоящего имени (Кабакова 1994: 314), а также мертворожденных детей, чтобы не хоронить их безымянными: «Як нежывэ родзинца, его не закапываюць без им'я. Як дзеўка нехришчэна — Ева, як хлопэц — то Адам дадуць ему им'я» (ПА, с. Оздамичи Столинск. р-на Брест. обл.); «От у мене была брациха да родзила дзиця нежывэ. Да позвали бабу да покропила сятою водою да казала: „Свяшчнаца раба божая Паракла“ Имя — какое баба придумае» (там же). В болгарском селе Граматиково (Странджа) мертворожденным детям клали в гроб бумажку с написанным именем, что означало, что ребенок окрещен (Странджа: 267).

Страх перед умершим некрещеным (безымянным) ребенком заставлял торопиться с крещением, особенно если ребенок родился хилым или если в семье, где он родился, «не держались» (умирали в младенчестве) дети, хотя, по некоторым сербским верованиям, некрещеный («без имени») младенец лучше растет и менее подвержен опасности со стороны демонических сил (черногорская область Зета — ГЕМБ 1936/11: 60). Чтобы ребенок не умер безымянным, принято было сразу по рождении

называть его «временным», «материнским» именем. У сербов такое имя (*привремено име, име по водици, мајчино име*) давалось обычно священником сразу после рождения вместе с освященной водой, которую использовали при купании ребенка (Требежанин 1991: 118, 135; Тешић 1988: 49; Петровић 1948: 258–259), или матерью, родителями. Это могло быть какое-нибудь «ласковое» (*од милоште*) или, наоборот, «презрительное» имя или «нарицательное» имя-прозвище, указывающее на характерные черты внешности или обстоятельства рождения ребенка (*Кельо* ‘слабенький’, *Бельо* ‘беленъкий’ и т. п. — Vukanović 1986/2: 227), но нередко до крещения ребенка называли просто *момак* и *ђевојка* или даже, не желая указывать пол, — *беба* (Тешић 1988: 53). Широко распространено у южных славян именование детей до крещения «инородцами»: сербск. *Турче, Бугарче, Влашче, Циганчица* и т. п. (Требежанин 1991: 135), болг. *циганче, турко, еврейче* и т. п. (Вакарелски 1935: 310–311; Добруджа: 271; Пловдивски край: 216; Пирински край: 386; Кръстева 1996: 115).

На значительной территории Украины (Правобережье Днепра, включая Волынское и частично Киевское Полесье, юг Черниговщины, Харьковщина) существовал обычай имянаречения до крещения, аналогичный сербскому: сразу после родов повитуха отправлялась к попу, чтобы «получить молитву», узнать имя и договориться о дне крещения, причем это называлось «идти за именем», однако, в отличие от сербов, украинцы при крещении, как правило, имени не меняли (Гаврилюк 1981: 71–73) и, следовательно, не связывали имянаречение с церковным обрядом крещения; сходные обычаи известны у белорусов (ср. «ахрысціць даіця з вады», «хадаіць па імя» и т. п. — Кухарнак 1993: 41). О сакральности собственно имянаречения (независимо от обряда крещения) свидетельствует также записанное у крестьян Купянского уезда Харьковской губ. верование, по которому все умершие некрещеные дети становятся русалками и живут в воде, однако те, что «с именем» («именные») затем идут на небо, а «без менять» («безыменные») остаются в воде до страшного суда. Пока они вместе живут в воде, «то именни бьют безименных и прыговорюють: „У вас батько проклятый, у вас мате проклята! Вони вас родылы, а менять не дали“. С менем русалки похожи на маленьких дивчаток, а без

менья — также дивчата, тилько страшни: безволосы» (Иванов 1893: 69).

Оставляя в стороне собственно этнографию имени, т. е. принятые в той или иной этнической или конфессиональной среде способы и правила выбора имени и именования, обратим внимание лишь на те случаи, которые связаны с мифологической трактовкой имени и его магическими функциями. Самым распространенным и самым обычным было присваивание новорожденному календарного имени, т. е. имени христианского святого, которому посвящен ближайший ко дню рождения ребенка праздник. При этом избегали (или даже запрещали) давать ребенку имя по календарю «назад», т. е. называть его в соответствии с праздником, предшествовавшим дню рождения. По польскому поверью, названный «назад» ребенок не будет расти: «Jeżeli na chrzcie nada się dziecku imię tego świętego, którego dzień w kalendarzu już minął, to dziecko rósć nie będzie» (Świętek 1893: 604). Ту же магическую мотивировку предпочтения направления «вперед», символизирующую развитие и возрастание, перед движением вспять, ассоциирующимся с деградацией и увяданием, находим в украинских (Гринченко 1895/1: 28; Гаврилюк 1981: 73) и сербских («да не би детету ишао назадак» — Вукановић 1940: 69) верованиях.

Другие принципы выбора имени применялись обычно в особых случаях — если ребенок рождался слабым и была опасность, что он не выживет, если в семье «не держались» дети, если рождались только девочки или только мальчики и родители хотели бы переменить пол будущих детей, если родители вообще хотели бы прекратить рождение детей, если ребенок рождался после смерти отца и т. п. Когда же таких особых обстоятельств не было, однако календарное имя по какой-либо причине было невозможно или нежелательно, то могло выбираться любое приятное родителям (или чаце — кумовьям) имя. Сербы, у которых вообще принцип календарного имена не был обязательным, старались дать ребенку *ублажно* («мягкое») имя — «на радость» (*Радован*, *Радомир*, *Радуле*) или «на милост» (*Милена*, *Милијана*, *Милисава*, *Милица*) (Vukanović 1986/2: 228).

Наречение новорожденных именами родителей, вообще широко распространенное (в частности, у русских, ср., например,

БВКЗ: 132), по-видимому, изначально практиковалось в специальных магических целях: чтобы остановить смерть детей в семье («Често отац и син — код православних — носе исто име. То је код оних којима су умирала деца» — зап. Босния, Филиповић 1967: 324; «Жена, којој деца умиру, треба новорођенчу да надене очево или материно име — да не би умрло» — Бачка, ГЕМБ 1932/7: 82; «Ако на некоя жена не трајат децата, то, когато роди, ако е момче, кръщават го на името на майката, ако е момиче, кръщават го на бацата» — болгари-переселенцы из южной Фракии и Малой Азии, Вакарелски 1935: 320; «Aby deti nemreli, malo sa im dat' meno po matke» — словаки, Chorváthová 1984: 153), чтобы прекратить рождение девочек и родить в следующий раз мальчика или наоборот («Ако мајка рађа све женску децу, па жели родити мушко, последњем женском нека даде своје име и родиће мушко. Ако ли рађа све мушки децу, па ће рада имати женско, нека последњем мушком детету да мужевљево име и имаће онда женско» — Тимок, ГЕМБ 1933/8: 62; «Gde se radaju samo ženska deca, daje se majčino ime zadnje rođenoj, da stane rođanje devojaka» — Косово, Vučanović 1986/2: 229).

Имена родителей использовались и в качестве «временных», дававшихся младенцу сразу после рождения и употреблявшихся до крещения: «Ну, родицца, дак природуха [повивальная бабка] ужэ його махае на руках, махае и гаворыць — як родицца хлопчиц, дак па бацьку па имью называе, а як родицца дзевачка, дак па матке, як матка завецца. Як дзев'ка, дак маци гукаиць на имя, як хлопец — дак бацька» (ПА, с. Жаховичи Мозырск. р-на Гомельск. обл.). У сербов Восточной Герцеговины ребенку мужского пола, рожденному после смерти отца, такжедается имя отца, как это делается и в случае, когда в семье умирали мальчики (Филиповић 1967: 258). Так же поступали и сербы Косова, причем если после смерти отца рождалась девочка, ее не нарекали материнским именем (Vučanović 1986/2: 228).

Называние детей именами деда и бабки, известное всем славянским традициям, регламентируется специальными правилами. У сербов и хорватов этими именами принято называть первого ребенка (особенно мальчика). В Косовском kraе первому сыну дают имя деда по материнской линии, а первому ребенку-девочке — имя бабки по материнской линии, тогда

как в районе Призрена имена даются только по родственникам отцовской линии (Vukanović 1986/2: 228). У болгар принято «подновлять» в семье имена предков старшего поколения, для чего первых детей называют по имени родителей отца, далее — по имени родителей матери или по имени кумовьев (Пловдивски край: 216–217; Добруджа: 271; Пирински край: 386; Странджа: 267; Кръстева 1996: 113). О магическом значении, приписываемом именам предков второго колена, свидетельствует и болгарский обычай, по которому ребенок, родившийся в семье, где «не живут» дети, должен обращаться к своим родителям, называя их соответственно дедом и бабой: «Когато на някога не живеят децата, то накарват това дете, което остане живо, като проговори, да казва на баща си вместо *mame* — *дядо* а на майка си вместо *нане* — *бабо*» (СбНУ 1891/6: 90). Вместе с тем в Западной Болгарии, по свидетельству Д. Маринова, «очень редко при крещении детей нарекали именами деда и бабки и еще реже — именами отца и матери» (Маринов 1984: 503).

У русских был обычай первому сыну давать имя деда с отцовской стороны, второму — имя деда с материнской стороны, третьему — имя отца; аналогично девочек нарекали именами бабушек и матери (Носова 1993: 32). Крестьяне Владимирской губ. обыкновенно называли именами дедушек и бабушек первых детей; если же дети в семье умирали, то просили священника дать новорожденному ребенку имя «похитрее», например, *Цихердон* (БВКЗ: 141). Необычные, редкие или забытые, старинные имена могли, по верованиям полешуков, предотвратить смерть новорожденного в семье, где умирали дети; для этого родители должны были еще до зачатия ребенка вспомнить и назвать «дауние, дауние имена: Ёухим, Ёухимъя, Гордзей, Захар» (ПА, с. Оздамичи Столинск. р-на Брест. обл.). С той же целью полешуки просили священника дать новорожденному младенцу имя *Адам* или *Ева* (причем в этом случае приглашали в восприемники брата и сестру) — Петриков Мозырск. у. (Шейн 1902/3: 391; см. также Кабакова 1994: 316), а сербы Косова (район Призрена) ребенка, родившегося в семье, где умирали дети, называли именем самого человека во всей округе, «da bi dete imalo dug vek», или же именем, «которого нет в селе», «da bi ostalo živo i dugovečno» (Vukanović 1986/2: 229). В некоторых болгарских селах Пловдивского края при крещении ре-

бенка из семьи, где умирали дети, новый кум давал ему *ляво име* (букв. «левое имя») — имя, которое не встречается в селе (Пловдивски край: 218;ср. еще Странджа: 267).

По свидетельству Й.Миодраговича, сербы вообще избегали давать детям имена, которые были в обиходе в данном селе, считая, что повторение имени наносит ущерб его прежнему носителю; он приводит характерный рассказ на эту тему: «Когда меня называли Станко, один наш сосед, которого звали так же, рассердился, и когда позже у него родился сын, то он назвал его Ново — именем моего отца, чтобы ему отомстить» (Миодраговић 1914: 79). Редкое (уникальное, старинное, библейское и т.п.) имя должно было, по народным представлениям, обеспечить новорожденному заступничество предков перед лицом грозящей ему смерти. Вместе с тем такие имена могли восприниматься как «чужие», тогда их магический смысл заключался в «обмане» нечистой силы, болезней, смерти и тем самым в отстранении опасности от ребенка. С той же «обманной» целью православные сербы, чтобы остановить детскую смертность, нарекали детей мусульманскими именами (ГЕМБ 1936/11: 60; Филиповић 1967: 258, 312; Барјактаровић 1962: 235–236), так же как и мусульмане — сербскими именами (Филиповић 1951: 124).

Тот же магический смысл придавался случайному имени. Во всех славянских традициях для защиты младенца, родившегося слабым или появившегося на свет после смерти предыдущих детей, прибегали к имянаречению по первому встречному, которого и приглашали в кумовья (наряду с другими магическими действиями, см. Толстая 1992): «Говораць, шоб кого стренеш, таке и имя давай: ци Ивана, Сыцепана, кого стренеш. Як выйдзеш с хаты, кого первого стренеш. Старинные людзи говораць, шо так добре» (ПА, с. Оздамичи Столин. р-на Брест. обл.). Этот способ выбора имени мог применяться и профилактически: «В старину бегали за ворота и спрашивали первого встречного или встречную, смотря по полу ребенка, и как встречному лицу было имя, такое и давали новорожденному, веря, что дитя будет от того иметь счастливую будущность» (Забылин 1880: 267; см. также БВКЗ: 132).

При выборе имени для новорожденного соблюдались определенные правила и запреты (не совпадающие в разных тради-

циях) относительно повторения имени в семье или роде. Широко распространено представление о том, что «давать имя на имя», т. е. называть ребенка так же, как уже зовут кого-то из домашних, опасно, т. к. «один из тезок сживет со свету другого: дали имя на имя, вот Мария Марию и выжила» (д. Шухободь Череповецк. р-на Вологодск. обл., Брагина 1980: 93). Болгары Баната также считали, что «не е хубаво в къщата да има няколко души с едно име, защото единият ще умре» (СБНУ 1963/51: 215); того же мнения придерживались македонцы из окрестностей Охрида: «Нефела двама в една къща да носят едно име. Ако се случи да кръстят някое дете с името на някога от членовете на фамилията, без друго един от двамата щял да умре. Много се стараят да не се случи това» (СБНУ 1898/15: 69, см. также Цепенков 1980/9: 59; Вукановић 1940: 57), так же как и поляки, жившие в долине Рабы: «Nie należy na chrzcie dawać jednego i tego samego imienia dwojgu dzieciom w rodzinie, boby w skutek tego jedno z nich się nie chowało» (Świętek 1893: 604). Подобные запреты очевидным образом противоречили обычью называть младенцев именами родителей, и, возможно, это еще одно подтверждение тому, что имена родителей изначально использовались для называния детей в специальных случаях (в отличие от имен старших предков, которым приписывалось общее положительное значение). В тех же особых случаях допускалось и повторение имен вообще, т. е. не только родительских. Ср. закарпатские наблюдения П. П. Чучки: «у селі Новоселиці Міжгірського р-ну в 9-членній сім'ї Юрія Черничка, окрім матері Анни, є ще дві дочки Анни (власне, Анна та Анця). Старожили цього села переконували нас у тому, що молодшу дочку Анцею назвали з тим, щоб у сім'ї більше дівчат уже не народжувалося, а щоб народжувалися хлопці. Цікаво відзначити, що повторне надання того ж самого імені двом братам на Закарпатті спостерегається надто рідко. У багатьох селах пояснюють, що повторне надавання того ж самого імені в одній сім'ї здійснюється для того, щоб ця дитина вмерла. Ще в інших селах, навпаки, вважають, що повторне ім'я серед дітей одної родини — це засіб забезпечення міцного здоров'я цій дитині» (Чучка 1970: 47). Последнее представление, согласно которому носитель «повторного» имени надеялся вместе с именем крепким здоровьем, по-видимому, было характерно и для рус-

ских, широко практиковавших повторное имянаречение. Повторение имени, естественно, могло происходить и при строгом следовании святцам, т. е. при календарном имянаречении. Так, в Чеповецком у. Новгородской губ., «если в семье было несколько сестер с одинаковыми именами, младшую прозвывали *мальга* — *Анка-мальга*, а если несколько братьев, младший был *марыш*. Младенца ласково называли *мусинка*» (Герасимов 1910: 67).

Другой вопрос — можно ли новорожденному давать имя умершего прежде ребенка или другого члена семьи. По обычаям сербов из Восточной Герцеговины, личное имя должно как можно дольше сохраняться в семье, поэтому детей охотно нарекали именами умерших родственников (Филиповић 1967: 258), в том числе умерших детей тех же родителей (там же: 324). В Славонии при наречении младенцев не следовали строго календарю, а давали имена кума или кумы, деда или же имя последнего умершего члена семьи или последней вышедшей замуж, т. е. ушедшей из семьи («умершей» для семьи) девушки (Пић 1846: 26 или Ђорђевић 1941: 197). Напротив, в Полесье избегали называть детей именами умерших из опасения, что ребенок тоже умрет (ПА, с. Спорово Малоритск. р-на Брест. обл.); в особенности боялись имени утопленника (как родственника, так и чужого — ПА, с. Оздамичи Столинск. р-на Брест. обл.). Болгары в Страндже именем умершего не называли только первого ребенка в семье (Странджа: 267).

Вера в то, что носители одного имени имеют одинаковую судьбу или сходство характеров, лежит в основе известных запретов называть новорожденных именами, которые носят или носили слабоумные, воры, пьяницы и т. п.: «Кали ѿ селе есьць яки дурны або пьяница, або злодзей, то ни можна его именя даваць дзицяци, бо ено такое самое былоб» (Federowski 1897: № 1644). О дурном человеке говорили: «А, Боже мой, на ѿ ему такое име дали? Жеб ему инне дали, може былбы лепшы» (там же: № 1655). В одном из сербских народных рассказов, записанных Вуком Врчевичем, сообщается о жителях сербского села Побора, которые на своем общественном суде запретили давать новорожденным имя Лазар, т. к. носитель этого имени, их односельчанин Лазар Иванов опорочил это имя своим недостойным поведением в сражении. И с тех пор в этом селе имя Лазар исчезло из употребления (Ђорђевић 1941: 202).

Повсеместно распространенное верование в общность судьбы близнецов (см. СД I: 191–193) отражено в южнославянском обычье нарекать их близкими по звучанию и/или по смыслу (часто — этимологически родственными) именами, например, *Драго* и *Драгица*; *Драгица* и *Милорад*; *Мирко* и *Маринко*; *Ратка* и *Ранка* и т. п. (Филиповић 1967: 305, 312; Пловдивски край: 218; Родопи: 142) или хотя бы именами, начинающимися с одной буквы (Вукановић 1940: 58). В Верхнем Полимле считали, что «парные» имена (*Илија*— *Илинка*, *Станоје*—*Станојка*, *Јован*—*Јованка* и т. п.) жениха и невесты обеспечивают удачный брак и согласие между супругами, и руководствовались этим при выборе брачного партнера (ГЕМБ 1973/36: 68).

Рассмотренные выше способы имянаречения основаны на магии референциальных свойств имени, т. е. на апелляции к известным носителям выбираемого имени с целью передачи вновь нарекаемому их качеств, их жизненной силы, их судьбы или получения их заступничества, а в случае «отрицательной» коннотации — с целью обмана злых сил, укрытия ребенка от опасности. В этом отношении имена животных, используемые у славян в качестве антропонимов (особенно широко и вплоть до нашего времени у сербов: *Вук*¹⁶, *Вучко*, *Вукадин*, *Вукосав*, *Голуб*, *Видра*, *Јеж*, *Кошута* ‘лань, самка оленя’, *Гугутка*, *Паун*, *Пауна*, *Орао*, *Соко*, *Соколина* и т. п. — Вукановић 1940: 61–64), носят двойственный характер, т. к. сочетают в себе «положительную» магию (через «призывание» свойств соответствующих животных — силы и неуязвимости волка, кротости и благородства голубя и т. д.) и «отрицательную» (обман опасности, причисление ребенка к «дикой» природе и т. п.). То же можно сказать и о других «природных» именах, обозначающих растения (*Перун*, *Перуника*, *Ружа*, *Трендафил*, *Дренка*, *Љиљана*, *Цвета* и т. д.), небесные тела и явления (*Звезда*, *Зора*, *Роса*, *Сунчица*), металлы (*Злата*, *Гвозден*, *Сребра*) (Вукановић 1940). Само имя в подобных случаях не обладает магической силой, оно лишь отсылает к референту как магическому «прецеденту», защитнику или «образцу».

Другой тип — собственно «ономастическая магия» — представлен такими способами имянаречения, когда выбор имени определяется не свойствами референта, а «семантикой» или мифopoэтическими коннотациями самого антропонима.

Наиболее яркий пример этого типа — так называемые останавливающие имена в антропонимии южных славян. К ним относятся имена, этимологически связанные с корнем *sta- 'стоять, стать, остановиться': *Стана, Станка, Станица, Станимирка, Стојко, Стојан, Станислав, Станија, Стамена, Доста* (букв. 'хватит') и т. п., которые употреблялись главным образом в двух случаях — когда в семье умирали дети и необходимо было «остановить» смерть, и когда в семье рождались подряд девочки (реже — когда рождались мальчики), и родители хотели «остановить» рождение девочек или рождение детей вообще. Приведем лишь несколько из многочисленных в южнославянской этнографической литературе свидетельств о таком имянаречении. У болгар Панагюриште, «в случаи, когато на някоя майка умирали децата, обикновено кръщавали детето *Стоян, Стояна, Запрян*, за да *стои* здраво и живо, да *запре* умирането» (Вакарелски 1961: 60). Так же в сербском крае Косово «ako umiru muška deca, da ostane živo, detetu se daje neko od ovih imena: *Stojko, Stanko, Stanojko*; «koja žena rađa žensku decu, da prestane sa njihovim rađanjem i da rodi muško dete, zadnje rođenoj devojčici daje jedno od ovih imena: *Stana, Stanislava, Stanica, Stojna*. Slično tome se običava širom kosovskih zemalja» (Vukanović 1986/2: 229). В Македонии (Долновардарско) «на тиа, що не им траїтъ, т. е. им умират децата, кога им се роди некое дете, му клават три имийна: *Стоян да стое, Траян да трае, Стойко да стое*, от които последното му установе обикновено. А кога е мома, и велят: *Стоянка, Траянка, Стойка*» (МП 1931/6/4: 96).

Тот же принцип «этимологической магии» (см. Толстые 1988) действует при наречении детей благопожелательными именами — *Живко, Здравко, Срећко* и т. п.: «Ко жели да му мушко дијете живи, и да му се не боји, вальа му наћести име Живко, т. ј. да живи» (Грбље, СЕЗБ 1934/50: 19); «Деци се дају следећа имена: Живко да дуго живи, Срећко да буде срећан у животу, Гвозден, Каменко, Трњина — да буде отпорно и jako» (ГЕМБ 1984/48: 229). Подобных свидетельств в сербской этнографической литературе немало.

К «семантическому» (или «апеллятивному») имянаречению относятся также случаи называния ребенка именами, отражающими обстоятельства его появления на свет. Так, детей, родившихся в воскресенье, сербы нередко называли *Недељко, Неда*,

родившихся в среду — *Средоје*, родившихся в пятницу — *Петко, Петкане*, родившихся с шестью пальцами — *Шесто, Шеста* (Филиповић 1967: 259). Детей, подвергшихся магическому обряду «подбрасывания» на перекресток, на дорогу (с тем, чтобы их нашел случайный прохожий, который и становился кумом ребенка) или символической «продажи» в другую, благополучную семью, называли именами *Најден, Најда, Најденко, Продан* и т. п. (подробнее см. Толстая 1997). Наконец, отвращающие, «некрасивые» имена, например серб. *Гадић, Гнуса, Грдоња*, давались детям с целью защитить их от нечистой силы, болезней, глаза (Чајкановић 1923: 160).

Табуирование и скрытие имени

В традиционной народной культуре личное имя имеет две основные функции — социальную, служащую для идентификации его носителя среди окружающих, и мифологическую, регулирующую отношения человека с природой, космосом и сверхъестественным миром. Имя становится полноправным представителем (заместителем) человека перед лицом высших, божественных, небесных защитников, но оно же открывает его опасным, демоническим, потусторонним враждебным силам. В нормальном случае обе эти функции исполняются одним, «настоящим» именем (чаще всего — данным при крещении), но при особых обстоятельствах, требующих защиты человека от грозящей ему опасности, эти функции разделяются, и каждая закрепляется за отдельным антропонимом. «Настоящее» имя табуируется и скрывается, а в повседневной жизни используется другое, «ложное», временное, магическое имя, защищающее человека и отвечающее от него опасность. Русские в старину «до некоторого времени скрывали имя младенца, заменяя его ложным чьим-либо именем, чтобы колдун не испортил или не превратил в оборотня» (Забылин 1880: 267). По свидетельству А. Н. Афанасьева, «народ верит, что колдун, зная имя человека, может сделать его оборотнем, а потому имя, данное при крещении, надо скрывать, называясь другим» (Афанасьев 1996: 83). В Заонежье «на семейном совете принималось иногда решение о том, что новорожденный будет иметь два имени. Нареченное попом всю жизнь хранили в тайне, а ребенок носил имя, избранное на совете.

Делалось это с расчетом на возможную порчу, которую колдуны и недоброжелатели будут насыпать на ложное имя, что, согласно заонежским поверьям, не сможет человеку причинить никакого вреда» (Логинов 1993: 61).

Обычай сокрытия истинного имени был широко распространен у сербов, особенно среди семей, где «не держались» дети. Данное при крещении имя скрывалось в течение определенного срока — от нескольких дней до многих лет (до поступления в школу, ухода в армию, вступления в брак), иногда имя не раскрывалось до самой смерти. В Западной Сербии, в Ужицком крае «случалось, что когда в селе умирал старый человек, никто не знал его настоящего имени, потому что те, кто его знал (кум и родители), давно умерли» (ГЕМБ 1984/48: 229–230). В Пиротской округе имя ребенка не раскрывали в течение недели: «Его надо было звать иначе, не так, как его окрестили, чтобы защитить от глаза. Это особенно полезно тем, у кого „не держатся“ дети» (Ђорђевић 1938: 116–117). Год или несколько лет скрывали крестильное имя сербы Косова, употребляя вместо него какое-нибудь *милосно* (ласковое, нежное) имя и веря, что от этого ребенок будет долго жить (Vukanović 1986/2: 229). Напротив, в области Гружа настоящее имя заменяли «отвратительными» и тем самым отвращающими именами типа *гад*, *гадура*, *поганац*, *скот* и т. п., рассчитывая этим преградить путь вештицам, стремящимся в первые 40 дней навредить ребенку (Петровић 1948: 324). В районе среднего Потисья засвидетельствовано поверье, по которому в семье, где умирают дети, в случае рождения мальчика следует скрывать от матери его настоящее имя, причем сама мать старается всю жизнь не узнать его (Ђорђевић 1938: 117).

О прочности этой сербской традиции свидетельствует существование специального ритуала *казивање имени* (объявление имени), исполняемого после того, как истечет определенный обычаем срок сокрытия имени. По свидетельству С. Милосавлевича, относящемуся к началу нашего века (область Хомолье, Восточная Сербия), «от крещения может пройти несколько месяцев, а то и целый год, а в доме не знают истинного имени ребенка, данного ему при крещении, до тех пор, пока его родители не соберутся совершить ритуал *казивање имени*; до этого времени ребенка в доме называют именем, полученным от священника

(на молитви), или же сами дают ему имя *Миче, Диче, Бугарче, Влашче, Маче* и т. п.» (Милосављевић 1913: 102–103).

Во многих областях Болгарии тоже было принято скрывать имя новорожденного, но только до дня крещения, когда кум или повивальная бабка впервые называли ребенка его настоящим именем. В Пиринском крае дети-подростки, услышав в церкви на крещении имя ребенка, бежали поскорей сообщить его матери, за что первый прибежавший с этой новостью получал вознаграждение (Пирински край: 386). В Западной Болгарии имя ребенка не должен был знать никто, кроме кума, до определенного дня (обычно второго дня после крещения, когда совершился аналогичный сербскому ритуал объявления имени: *казванье името*). Если же имя становилось известно до этого, то ребенку, как и узнавшему имя, якобы грозила беда (Маринов 1984: 503). В Северной Болгарии известно поверие, по которому чем дольше скрывается имя ребенка, тем дольше он проживет (Свиштов, Никопол — Кръстева 1996: 118). В некоторых локальных традициях, где по обычаям ребенок получал имя кума или кумы (Оряхово, Разлог) и, следовательно, оно было известно, действовал запрет на называние этим именем ребенка до совершения обряда крещения (там же).

Имя ребенка подвергалось табу и в некоторых бытовых ситуациях. Его избегали сообщать чужим людям; сам по себе вопрос о том, как зовут ребенка, считался опасным для него, чреватым сглазом или порчей. На такой вопрос обычно не отвечали прямо, а пользовались специальными формулами, позволявшими избежать прямого ответа и называния имени (ср. общеизвестное табу на вопрос о том, куда человек идет, и соответствующие формулы-ответы типа «на Кудыкину гору», «закудыкал — пути не будет» и т. п.). Сербы Воеводины в таких случаях отвечали: «Сит певати, гладан плакати!» (букв. «Сыт петь, голоден плакать») (Ђорђевић 1941: 198). Даже знакомые и соседи, говоря или спрашивая о ребенке, осторегались называть его по имени, а употребляли магическое имя *Живко*, чтобы не навредить ребенку (СЕЗБ 1934/50: 32). Настоящее имя ребенка сербские матери никогда не произносили в бранных формулах и проклятиях, а заменяли его каким-нибудь «апеллятивным» именем, например, *Црњаче, Мрчане, Јадане*, чтобы проклятие не осуществилось (ГЕМБ 1936/11: 166).

Целый ряд ономастических табу и ограничений связан с институтом брака и семьи. После свадьбы женщина должна была соблюдать строгие правила именования мужа, его родителей, братьев и сестер, исключающие употребление их настоящих имен. Муж также не должен был называть жену ее личным именем. Этот обычай, имеющий, безусловно, древние корни и связанный прежде всего с представлением об опасности, исходящей от «чужого» лица (молодой жены, представляющей другой род), в той или иной степени известен всем славянам и сохраняется в некоторых особенностях взаимного именования супругов вплоть до наших дней. В Сербии «старые женщины считали позором, если молодая жена назовет своего мужа по имени; сами они состарились, ни разу не назвав своих мужей по имени» (Милићевић 1894: 136–137). В Косовом Поле «не было принято в старину, чтобы женщина называла своего мужа по имени; вместо имени она говорила: *onaj, ouaj, starče, more, čoveku*. Если бы женщина назвала своего мужа по имени или если бы он назвал ее по имени, то, по народным верованиям, „лес бы на горах высох“ (*Gora će se osušiti*). Считалось позором и безобразием, если жена назовет мужа его настоящим именем, как и он ее. Она говорила о муже *он*, а муж о своей жене говорил *она*. Ее же спрашивали о муже: „Как твой хозяин?“, а его — „Как твоя хозяйка?“» (Vukanović 1986/2: 130).

В Гласинце один человек называл свою жену *Нора* ‘кривая, одноглазая’ и считал, что это лучше, чем звать ее настоящим именем (Филиповић 1955: 135). По свидетельству И. С. Ястребова, «жены в Старой Сербии и Албании ни за что не произносят имена своих мужей перед мужчинами, потому что это считалось бы не-приличным и безобразным. Если женщины здороваются, то о муже спрашивают так: како ти је домаћин?, т. е. как здоровье твоего хозяина, главы дома. Также и муж не произносит имени своей жены, а обозначает ее названием *домаћица*, т. е. хозяйка. Вместо этого титула слышится от мужа: *она*, т. е. его жена: и жена также вместо *домаћина* говорит *он, онај*, т. е. ее муж» (Ястребов 1886: 330).

Подобное именование супругов в семье с использованием местоименных или близких к ним табуистических замен широко распространено у русских и других восточных славян вплоть до настоящего времени (*он, мой, мужик, хозяин, старый*,ср. укр. *чоловік* ‘муж’ и т. п.). Вместе с тем у русских крестьян,

по-видимому, не было столь строгого, как у сербов, табу на произнесение имени мужа и жены и даже, напротив, существовал обычай «величания», т. е. именования мужа полным именем и отчеством, а жены — полным именем; гипокористические же формы исключались из употребления: «Уменьшительное имя бывшей девушки, а затем и ласкательное девушки-невесты, если она кратковременно таким положением пользовалась, в новой семейной обстановке скоро исключается из семейного обихода и заменяется более строгим обыкновенным полным именем; так, если девушка в родительском доме именовалась Аннушкой, а будучи невестой, называлась женихом Аньютой или даже Нюрой, то став женой, она именуется мужем просто Анной. По имени и отчеству величать жену в крестьянской среде также не принято; женщин не величают, да и вообще жена считается „пониже мужика“. Что же касается мужа, то здесь наоборот — жену он заставляет себя „величать“, т. е. называть по полному имени и отчеству. <...> Не любит муж, когда жена называет его ласкательным именем, т. е. (по понятию крестьянина) „неполным“, как бы „детским“ именем или *полумягм*; ему „досадно от этого“ и если иной раз смелая жена продолжает называть его по-прежнему (как до замужества) ласкательным именем, то он ее „учит“, т. е. подвергает побоям, заставляя непременно „величать“. В селениях, ближе расположенных к культурным центрам, обычай этот начинает выводиться, но в глухих деревнях он соблюдается строго» (Завойко 1914: 160).

В сербской народной среде запрет на произнесение имени, соблюдаемый женщины в семье мужа, распространяется также и на родственников мужа. В черногорском племени Кучи «ни одна женщина не станет называть кого-либо из родственников по имени, она говорит *ђевере* ('деверь'), а еще чаще — *брале* 'брать'» (Дучић 1931: 130). В области Гружа «принято, что молодая жена не называет домашних и их ближайших родственников их личными именами, а употребляет специальные «приятные» имена, называя деверей *Писар*, *Везир*, *Катан*, *Делибаша*, *Делија*, *Јаблан*, *Деспот*, *Господин*, *Голуб*, *Браца*, *Деша*; братьев отца — *Чиле*, *Чика*, свекра — *Дека*, *Бабо*; свекровь — *Мајка*, *Нака*; тетку — *Кека*, золовок — *Голубица*, *Сека*, *Сеја*, *Лепојка*, *Плавојка*, *Милостива*, *Сладунка*, *Славујка*, *Писарка*, *Бисерка*, *Шећерка*, *Руменка* и т. д.» (Петровић 1948: 285).

Табу подвергается и м я покойника или умирающего: «имя покойника запрещено упоминать или во всяком случае его избегают; вместо имени говорят *покојник, јадник, веселник* и т. п.» (Чајкановић 1994/1: 174); «если же произнести настояще имя умершего, то можно его этим вызвать» (там же: 183). В Западной Сербии (Ужице, Пожега) умирающего не смеют позвать по имени, чтобы душа его не «раздвоилась», т.е. чтобы не преградить путь выходящей из тела душе (ГЕМБ 1984/48: 280). Не произносили имя покойника и в поминальных ритуалах, а также вообще в период соблюдения траура. В Верхнем Полимле во время траура имя покойника вслух не произносилось. Его заменяли на *он (она), несчастный, бедњага, мртвец, «небило му тешко»* (чтоб ему было легко) или же просто *покойник (покойница)*. Если в каком-нибудь доме был ребенок, носивший то же имя, что и умерший сосед, то некоторое время этого ребенка называли каким-либо прозвищем, чтобы произнесением имени покойника не навредить его ближайшим родственникам (ГЕМБ 49: 190).

У черногорцев племени Кучи имя погибшего считалось опасным; чтобы его не произносить, родственника погибшего, носившего то же имя, переименовывали и в течение семи лет называли другим именем, которое обычно сохранялось за ним на всю оставшуюся жизнь (СЕЗб 1907/8: 269; Ђорђевић 1941: 201). В Западной Белоруссии избегали на поминках называть имена умерших из опасения, что умершие могут ночью прийти (Federowski 1897: № 1242).

Сербы избегали также упоминания имен тех, кого считали обладателями «дурного глаза», веря, что одно лишь произнесение опасного имени способно нанести вред, особенно ребенку (Ђорђевић 1938: 42).

Имя в ритуале

Отношением к личному имени как заместителю человека объясняется широкое использование имени в магической практике, во-первых, в качестве объекта магических операций, посредника, с помощью которого можно воздействовать на носителя имени; во-вторых, в качестве инструмента магии, сакрализующего совершаемые действия и применяемые при этом

орудия и повышающие их эффективность. В первом случае магия направлена на носителя имени и осуществляется через его имя (операцию над именем); во втором — магия осуществляется с участием носителя имени и посредством самого имени; объектом же воздействия является другое лицо.

Болезнь, особенно болезнь ребенка, нередко объяснялась неправильно выбранным или «испорченным» именем, поэтому *перемена имени* (или «перекрещивание») во многих славянских традициях использовалась в народной медицине как средство «перерождения» человека, расторжения его связи с болезнью и обмана демонических сил, насылающих болезнь. В Боснии и Герцеговине часто болеющего ребенка родители нарекали новым именем ради его избавления от болезни (Ђорђевић 1941: 201). В Подриње (Западная Сербия) ребенка, страдающего падучей, переименовывали в *Вука* или *Вукосаву*, а македонцы, жившие на Охридском озере, давали больным «старозаветные» имена (Барјактаровић 1962: 236). Украинцы Закарпатья больного (кволового) ребенка «продавали» в семью, где дети росли здоровыми, и при этом нарекали его новым, защитным, «заклинательным» именем или просто переименовывали (например, с *Петрика* на *Василька*), «і з того часу як домашні, так і сусіди дитину називали вже тільки цим новим для неї іменем» (Чучка 1970: 43–44). Аналогичный обряд «продажи» больного ребенка совершался в сев.-вост. Боснии, при этом «имя по крещению» заменялось новым, «именем по болезни» (Filipović 1969: 104).

Превентивно к переименованию прибегали в семьях, где умирали дети. В Восточной Герцеговине «если у кого-нибудь не держатся дети, а один ребенок все-таки останется в живых, то его не называют именем, полученным при крещении, а меняют ему имя. <...> У православных часто имя ребенка в семье, где не держатся дети, табуируется, а ребенка называют мусульманским именем, обычно *Муjo*» (Филиповић 1967: 258). В сербском крае Гружа, «согласно народному преданию, существовал обычай повторного крещения больного, чтобы новым именем преградить путь длительной или наследственной болезни, которую народ представлял себе неким живым существом, внедряющимся в тело человека и грызущим его. Перекрешивали также детей, если у родителей „не держались“ дети. Поэтому, говорят, в старое время люди носили по два имени.

Перекрещивали и тех, кто женился в глубокой старости, или тех, кого женили в четвертый раз» (Петровић 1948: 263). В последних двух случаях переменой имени преодолевался запрет на соответствующие акты. Старый человек становился «новым», т.е. молодым, а трижды женатый — «новым», т.е. холостым.

У южных славян переименование как защитное средство применялось и во многих других случаях, в частности при переезде из одной области (края) в другую¹⁷ (в том числе и для освобождения себя от греха, который якобы оставался на старом имени), поэтому наличие двух имен у человека, «настоящего» (ср. др.-рус. *прямое имя*), т.е. крестильного, и домашнего, полученного до крещения, или — крестильного и вторичного, «по болезни» или другому случаю, было обычным делом. Столь же обычным было двойное именование (христианским и «народным» именем) в православной церковной и монастырской среде (Вукановић 1940), известное также другим народам, в частности русскому (ср. в Поучении Владимира Мономаха: «в крещенії Василии, Руськымъ именемъ Володимиръ»), где оно, однако, имеет свои культурно-исторические причины и объяснения (см. Успенский 1996). Ср. еще древнерусское «княже имя», присваивавшееся наряду с христианским: «родися оу Игоря синъ и нарекоша имя ему въ крѣц(е)ныи Андрѣянъ а княжее Стѣславъ» (Ипатьевская летопись, 1177. См. СДРЯ IV: 361).

Переименование могло быть составной частью инициационного ритуала. Среди украинских ремесленников-гончаров был распространен обряд переименования (наделения новой фамилией или именем) при посвящении в подмастерья молодых работников (Балушок 1993: 69). Тот же смысл «перерождения» имело переименование при пострижении в монахи, при рукоположении, при крещении у русских раскольников-бегунов перед смертью или уходом из мира (На путях из Земли Пермской в Сибирь: 294) и других подобных случаях.

Переименование как магический прием, неразрывно связанный с явлением языкового табу, широко применяется и вне сферы антропонимии, в частности при именовании животных в скотоводческой магии. Так, для защиты коров от нечистой силы в купальскую ночь витебские крестьяне их переименовывали: «Выкликая поименно чужих коров, молочные ведьмы водят по росе цедилкою... Для предупреждения такого чаровства

нужно переиначить коровы клички при утреннем выгоне скота в поле накануне Купалы...» (Никифоровский 1897: № 1968). Переименование применялось и при лечении скота: «Станешь корову лечить, назови *Анной*, а лошадь *Гайрилой*, а другим именем назовешь, проку никакого не будзець» (Бельский у. Смолен. губ. — Шейн 1893: 553). Подобные магические функции имеет и «окказиональная» номинация, т. е. ритуальное переименование на срок исполнения какого-нибудь обряда или в целях оберега. Ср. у сербов называние полазника (первого посетителя на Рождество) именем *Радован* все то время, пока он находится в доме (ГЕИ 1971/16–18: 141), так же могут называть в течение трех рождественских дней коня и вола (Попово Поле — Marković 1940: 53). На Витебщине «вредных в хозяйственном быту животных в Рождество Христово нужно называть не их собственными именами, а другими. Так, например, воробьев следует называть *слепцами*, чтобы летом они не видели посевов; крыс и мышей — *панночками*; ворон и ястребов — *голубями*, волков — *колядниками* и проч. В таком случае эти животные не будут вредить в свое время» (Никифоровский 1897: 228).

Еще одним видом «ономастической магии» является инвокация — речевой акт, состоящий в произнесении имени; зов, призывание, окликание по имени. У восточных славян существует обычай «окликания ребенка», если при рождении он не обнаруживает признаков жизни. На Русском Севере ребенка сначала окликали именами родственников, а затем остальными именами. Имя, при котором он ожидал, оставалось его именем (ЭО 1890/1: 50). Украинцы «откликали» мертворожденного ребенка, чтобы вернуть его к жизни: повитуха кричала ему на ухо различные имена, в зависимости от пола — мужские или женские (Talko-Hguncewicz 1893: 93). Чаще всего выкрикивали в таких случаях имена отца или матери: «Если сейчас же после рождения ребенок задыхается, то мальчику кричат на ухо имя отца, а девочке — имя матери» (Чубинский 1877/4: 5). В южнорусских областях обычай сохранился до наших дней, ср. экспедиционную запись 1996 года: «У сестры родилась двойня. Мальчик никак в себя не приходил. Бабушка его окликала в окно. Дитя положили на лавку. Баба вышла на улицу и через окно звала по именам: Иван, Фома, разные имена. Богу молилась, а сама окликала, пока на Яшу не пошевелил пальчиками

на ручках. Так и стал Яшей» (Власкина 1998: 16). Ср. еще свидетельство из Астраханской губ.: «При разрешении ежели ребенок не подает голоса и без чувств, бабка топает ногою и взыывает отцово имя, отчего малютка должен показать признаки жизни» (Зеленин 1914/1: 57).

У сербов произнесением имени отца лечили судорогу: «Если кого-нибудь схватит судорога, пусть сразу скажет: „Моего отца зовут Тодор!“ и судорога отпустит» (Милићевић 1894: 308). Сербские овцеводы окликанием возвращают в чувство потерявшую сознание роженицу: кто-нибудь из мужчин лезет на крышу, стреляет из ружья и громко произносит имя роженицы (Антонијевић 1982: 58). У восточных славян, чтобы поскорее забыть покойного мужа, вдова громко кричит его имя в печную трубу (Гура, Кабакова 1995: 294).

Окликание применяется и в скотоводческой магии. У русских известен обычай, по которому хозяйка поутру в Великий четверг «в дымное окошко „кличет скот“ во двор свойственной каждой породе кличкой до тех пор, пока какое-нибудь животное случайно не подаст своего голоса, пока, например, корова не смычит..., что принимается за верный признак, что в наступающем году не падет ни одно животное той породы» (Забылин 1880: 50). В Вологодской губ. в тот же день «хозяйка в открытую трубу перекликает поименно всю скотину по кличкам ее, а хозяин на улице подражает голосу каждого выкрикнутого животного: чтобы скотина держалась дому и не отставала от стада» (Зеленин 1914/1: 261). В Волынском Полесье окликанием призывают пропавшую скотину: «Круз комын клычуть, одсунуть комына и клычуть, яка там, як йи называють, так и звать — Маня, чы Била, чы Раба. Гукають, клычуть» (ПА, с. Речица Ратновск. р-на Волынск. обл.).

Окликание приписывается также нечистой силе, которая, по народным представлениям, не может навести порчу на человека, если не знает его имени (ср. рус. диал. *заклиуха*, *кликуха*, *выклиуха* и т. п. 'ведьма, «окликающая коров» и отбирающая у них молоко', 'колдунья' — Власова 1995: 150; бел. *кликуш* 'дух, кличущий в лесу или в доме; на него зов нельзя отзываться' — Носович 1870: 236). «По славянскому поверью, нечистый дух Мара носит свою голову под рукою и блуждает ночью под окнами изб, произнося имена хозяев и домашних:

кто из них отзовется на голос Мары, тот умрет» (Афанасьев 1996: 294). Полесская русалка «нарочно перечисляет популярные мужские имена для того, чтобы попасть на имя приведенного в лес какой-нибудь крайнею нуждой человека. Пока человек, названный по имени, не откликнется, русалка с ним ничего не поделает» (Зеленин 1995: 162). Так же и западнорусские (ка-лужские и смоленские) русалки «нападают только на тех, кто отзовется на их зов» (там же: 228, 258). Вера в то, что для на-ведения порчи на человека необходимо знать и назвать его имя, лежит в основе ономастических табу и обычаев двойного имено-вания, перемены имени и т. п., о которых говорилось выше. Но знание имени — не только необходимое условие злокозненных действий мифологических персонажей; имя может полностью заменять человека или животное, и порча может наводиться «на имя» (см., например, Зиновьев 1987: 129; Ђорђевић 1938: 65).

Сербы верят, что молоко у чужой коровы можно отнять и на расстоянии, не приближаясь к ней. Для этого надо, доя свою корову, говорить: «Я дою такую-то корову», называя ее имя (ГЕМБ 1984/48: 355–356). В Лесковацкой Мораве на праздник Крещение (*Водици*) совершается обряд «изгнания блок» с по-мощью заклинания, в котором блоки отсылаются «на имя, ко-торое в селе никто не носит» (т. е. за пределы села, в никуда) (Ђорђевић 1958а: 357). В данном случае имя полностью поры-вает со своим денотатом и из посредника превращается в само-стоятельный объект магии.

У южных славян выкрикание собственного имени, «само-зов» считается эффективным оберегом от змей. Весной, когда человек впервые увидит змею, он должен громко выкрикнуть свое имя, чтобы весь год змеи держались от него на расстоянии слышимости его голоса. Имя, таким образом, становится опозна-вательным знаком своего, защищенного пространства. Иногда такой самозвон приурочен к одному из весенних праздников — дню св. Евдокии (1. III), Тодорову дню (первой субботе Великого поста) и др. В Пожаревацком kraе, недалеко от Белграда, в день св. Тодора или св. Иеремии (1. V) брали три камушка, бросали их на три стороны и трижды выкрикивали свои имена, чтобы целый год не видеть змей (Ђорђевић 1958/2: 141). В Македонии в день св. Евдокии или Сорока мучеников (9. III) девушки собира-лись возле змеиной норы и выкрикивали свои имена (Ђорђевић

1958/2: 170). Эта магия основана на представлении о том, что каждый человек имеет одноименную с ним змею, которую опасно убить и от которой можно защититься самозвом (там же: 160). Выкрикиванием своего имени в Метохии лечили также испуг, вызванный змеей или другим гадом (Радунович 1988: 328).

У восточных славян известны лишь единичные свидетельства об использовании своего собственного имени в качестве оберега. Так, в свадебном обряде русских Владимирской губ. молодых по приезде из церкви «сажают на стул, закрывают сзади полотенцем и заставляют смотреть в зеркало — подарок жениха. Сваха спрашивает, кого они увидели, а молодые называют свои имена» (БВКЗ: 254).

Магическая сила приписывается в народной традиции именам умерших (особенно утопленников), посредством которых как бы испрашивается помощь и защита самих покойных предков, в том числе «нечистых», «заложных» покойников, от которых зависит земной порядок и благополучие людей. По полесским представлениям, при встрече с волком надо назвать имена трех (или девяти) умерших родственников, и тогда волк не тронет (ПЭС: 135). При встрече с русалкой также в качестве оберега следует «читать молитвы и мертвых вспоминать, имена называют — Виталий чи Татьяна, Маруся...» (ПА, с. Олбин Ко-зелецк. р-на Черниговск. обл.). В случае пожара рекомендуется трижды обежать дом, выкрикивая имена двенадцати утопленников, тогда якобы огонь не распространится, а пойдет столбом вверх (ПА, с. Голубица Петриковск. р-на Гомельск. обл.). Женщина, чтобы не приспать ребенка, «спомынае тры топлэныкы на мяя, як звуцца» (ПА, с. Чудель Сарненск. р-на Ровенск. обл.). К утопленникам в Полесье и у южных славян обращались по имени с заклинаниями и мольбами об отращении от села гравовой тучи; в случае засухи — о ниспослании дождя, о чем нам уже приходилось неоднократно писать (см. Толстые 1978; 1981).

Характерное для народной традиции представление о скрытой связи между именем и человеком и, как следствие, между людьми, носящими одно и то же имя, порождает особый вид ономастической магии, основанный на тождестве имен. Лица, одинаково названные, наделяются не только общим характером и общей судьбой, но и способностью особым образом взаимодействовать друг с другом в магических операциях; они

считаются наиболее подходящими, оптимальными партнерами, обеспечивающими максимальный эффект как в случаях, когда один из них является субъектом, а другой — объектом магического действия, так и в случае, когда одноименные исполнители объединяют свои усилия, направленные на третьих лиц. В народной медицине хорватов (Доня Стубица) детская болезнь *siputi* (род астмы) лечится следующим образом: приглашается мужчина, носящий то же имя, что и ребенок; он вращает каменный жернов, а женщина обносит ребенка вокруг жерновов и трижды спрашивает: «Что ты делаешь?», на что мужчина трижды отвечает: «Мелю *siputi* этого ребенка!» (NU 1973/10: 170). Подобное условие соблюдается во врачебной магии у русских Шекснинского р-на Вологодской обл.: для лечения «могильной косточки» (опухоли на суставе) берут землю с могилы человека, имя которого совпадает с именем желающего избавиться от опухоли (Брагина 1980: 70–71).

Многие магические действия, особенно в южнославянской обрядовой традиции, для того, чтобы они были результативны, предписывалось совершать лицам с одинаковыми именами — «именякам» (одноименникам, тезкам). Болгары в Родопах считали, что уберечь новорожденного от смерти в семье, где умирали дети, можно специальным обрядом изготовления за одну ночь рубашечки и повойника, причем делать это должны женщины, удовлетворяющие определенным условиям, в том числе — «две или семь женщин с одинаковыми именами» (Родопи: 142). В селе Граматиково (Бургасский округ, Странджа) в Великий четверг совершался известный всем славянам обряд «пугания» топором неплодоносящих деревьев в саду, но исполнять его должны были два человека с одинаковыми именами (архивная запись И. Георгиевой: Архив ЕИМ, № 576–П). У сербов области Гружа опахивание села в случае эпидемии производили братья-близнецы или «чистые» парни-«именяки» (тезки) (Петровић 1948: 320). В окрестностях Белграда (Бели Поток) неженатые парни-тезки разводили «живой огонь», через который прогоняли скот, чтобы прекратить падеж (Тројановић 1930: 65). Сербской роженице, у которой не было молока, предписывалось взять воду у девяти женщин по имени *Marija* и затем каждое утро в течение девяти дней пить эту воду натощак до восхода солнца (СЕЗБ 1934/50: 9). Девушки Силезии на св. Варвару (4. XII) гадали о замужестве:

трясли забор и слушали, откуда залает собака. Забор должен быть поставлен отцом и сыном, и они должны быть одного крестного имени (Rošpiech 1987: 20).

Магической силой обладало, по верованиям южных славян, и единственное (редкое) имя. В Пиринском kraе (с. Габрене) «живой огонь», через который прогоняли скот во время эпидемии, должны были разводить два мужчины «с самоиме», т.е. с именами, которые в селе больше никто не носит (Пирински край: 475). В Гевгелии девушки для своей ворожбы накануне Тодоровой субботы должны были украсть пшеницы из подноса (миски) девушки или женщины, в семье которой есть «единственное», т.е. не повторяющееся в селе, имя (Танович 1927: 43). В болгарской народной медицине совершение тех или иных магических лечебных действий (протаскивание больного через особую рубаху, мазание дегтем и др.) поручалось людям (женщинам) с «единственными» именами (БФ 1993/1: 100). В обряде Иванова дня на роль главного персонажа (Еньова буля) избиралась девочка, имя которой в селе не повторяется (Ново-Загорско).

Выше уже говорилось о магической роли «останавливающих» имен при имянаречении. Эти имена часто использовались и в ритуалах защитного характера, долженствующих остановить или предотвратить болезнь, мор, стихийное бедствие и подобные беды (см. Толстой 1994). У сербов в семьях, где «не держались» дети, не только новорожденного следовало называть «останавливающим» именем *Станоје, Станко* и т.п.), но и специальный ритуал такого имянаречения должны были исполнять лица с «останавливающими» именами. В окрестностях Сврлига (с. Мечи До) в доме, где дети «не держатся», ребенка сразу же по рождении «немоливенно» (т.е. дома, а не в церкви) крестят и затем относят на *столован камен* (камень-валун), на котором ему прокалывают уши и вдевают в ухо серьгу. Этот магический ритуал производят женщина по имени *Стана* или *Станка* (Петровић 1992: 71).

В Лесковацкой Мораве также относили ребенка на *камен-станац* и звали кого-нибудь из жителей села, чтобы тот дал ребенку имя. Это лицо должно было носить *становито*, т.е. «останавливающее» имя: *Стојан, Станијан, Станко* (Ђорђевић 1958а: 406). Девушка по имени *Стана* должна была начать

тканье обыденной пеленки, которую за одну ночь изготавливали девять девушек, специально приглашенных в дом, где «не держатся» дети (Ястребов 1886: 456). Во Враньском Поморавье ребенка лечили водой, взятой с трех бродов, в которую три вдовы по имени *Стана* должны были бросить серебряную монету. Там же больного ребенка протаскивали через *Станин* и *Стојанов* рукав (СЕЗБ 1984/86: 428). В области Тимок первую пряжу, выпрыденную девочкой по имени *Стана*, сохраняли как лечебное средство от болезней горла (ГЕМБ 1933/8: 62). Людям с «останавливающими» именами у сербов часто поручалось исполнение ответственных ритуалов по защите села от чумы, мора, града, бури и т. п. В западносербских заклинаниях градовой тучи призываются утопленники с такими именами: «О, Стојана-утопленица! Поверни белое стадо!», «Стой, Стој и Остожа!» и т. п. (подробнее см. Толстые 1981: 79). В некоторых селах Лесковацкой Моравы, чтобы остановить смерть в семье, где подряд случилось две смерти, при похоронах второго покойника закалывают и кладут в могилу рядом с гробом петуха, причем делает это кто-либо из участников похорон с «останавливающим» именем — *Стојан*, *Станко*, *Стаменко* (Ђорђевић 1985б: 111). В районе Призрена для защиты села от чумы ткали обыденное полотно (в течение одной ночи прядли, сновали и ткали); для того, чтобы максимально усилить магическое действие обряда, соблюдалось сразу несколько условий: полотно ткали две сестры-близнецы, они должны были иметьозвучные имена, еще лучше — если это были «останавливающие» имена, например, *Стоја* и *Стојанка* (Филиповић 1967: 72).

Имя, особенно имя будущего мужа (жены), часто становится предметом гаданий. На Среднем Урале (Чердынский у.) девушки гадали по бердечку — дощечке для тканья поясов. Перебирали зубчики и называли буквы. На какой букве останавливаются, с нее и должно начинаться имя жениха (Чагин 1993: 92; ср. популярное угадывание имени по нитке, приставшей к одежде). На Рождество рано утром, когда звонят в церкви, девушки на Сумщине «прихватятся и бегут, кого догонят, мужчину первого — так будут звать мужика» (СБФ 1995: 232). Харьковская молодежь гадала накануне Нового года: спрашивали у прохожих имя — такое имя будет иметь и муж или жена (Иванов 1907: 63). Словакские девушки в канун Рождества

несли мусор на перекресток и по имени встреченного мужчины определяли имя будущего мужа (Ногехрони: 277). У западных славян был распространен обычай варить на Новый год галушки, в которые вкладывались бумажки с именами парней; первая всплывшая при варке галушка должна была содержать имя жениха (см. Виноградова 1981: 31).

* * *

В докладе были только обозначены главные аспекты изучения прагматики и культурных функций личного имени в народной традиции. Каждый из них мог бы стать предметом специального исследования. Этнографические и фольклорные источники содержат обильный ономастический материал, который, однако, до сих пор очень мало привлекал к себе внимание лингвистов. Между тем даже те выборочные данные, которые были приведены в докладе, убедительно свидетельствуют о том, что имя в культурном тексте имеет не только особую, отличную от общеязыковой, прагматику, но и специфическую «семантику», особую соотнесенность с денотатом, что ономастикон культуры более тесно взаимодействует с appellативной лексикой, менее жестко отделен от нее, чем собственные имена вообще¹⁸. Для него характерны те же логические механизмы этимологической магии, табуирования, мифопоэтического притяжения, что и для нарицательной лексики. Но поскольку за личным именем стоит прежде всего человек, оно наделяется особой сакральностью и трактуется как важнейший инструмент, регулирующий отношения человека с миром.

Примечания

¹ О «человеческих» именах аиста (*Иван, Василь, Максим, Никитица* и др.) в полесской и других славянских традициях см. Толстой 1984.

² См. Malina 1946: 40.

³ ПА, с. Вышевичи Радомышльск. р-на Житомирск. обл.

- ⁴ В заговоре от змей: «Гад Яков, гадзина Яковица! Гад, гад! Возьми свой яд...» (Шейн 1893: 549). Ср. полес. обращение к ужу, угрожающему ребенку: «Чы ты Иван, чы ты Демьян, чы ты Ефим, чы ты Трофим, який ты ни есть — забирайся да иды своей дорогой!» (ПА, с. Червона Волока Лугинск. р-на Житомирск. обл.).
- ⁵ О собственных именах растений в русских заговорах см. Юдин 1992 и 1997: 170–174.
- ⁶ См. Толстой 1996; Юдин 1997: 172. Ср. полесский заговор от детской бессонницы, обращенный к дубу: «Ой, ти,-дубэ, нэдобору, поговоримо с тобою, посватаймоса, побратаймоса, твой сын чи Витя, чи Митя, чи як...» (Оболенская, Топорков 1990: 172).
- ⁷ См. Черепанова 1983.
- ⁸ См. Ефименко 1874: № 68, 76, 85, 97, 106; Юдин 1997: 216.
- ⁹ «Говорят, что огни разделяются между собою и имеют свои имена, например, один называется Андрей» (Волын. губ., Ровен. у. — Зеленин 1914/1: 312).
- ¹⁰ По свидетельству Ф. Колессы, в с. Ходовичи Стрыйского повета в рождественский сочельник «на столі кладут два хліби: еден сї називає *Маланка*, а другий *Василь*. Одже кладут Маланку на Василь, під них кладут сіме коліпне на галагані» (медной монете) (Колесса 1898: 91; ср. еще чешское название горбушки *Janko* — Ripka 1981: 164). Там же «як кидають камінє в піч (камінє розпалюють у печі, щоби ним золити шматє), то треба кождий камінь перекристити і 'мий' му дати: тому *Василь*, тому *Іван*, тому ще як, кожного так поназивають, тей тогди в піч кидають; бо як йинча сї забуде, не поназиває, то як зачнут лускати, розпукати сї, аж трохи піч не розсадить» (Колесса 1898: 78–79). В Витебской губ. именем жениха нарекают одну из булок, которые пекутся к за поинам. Если булка *Степан* или *Іван* потрескается в печи, жених не будет счастлив (Шейн 1874: 286).
- ¹¹ Пример «антропонимизации» предметов в новогодней забаве молодежи: к потолку привешивают на веревке корж или лепешку; играющий должен приблизиться к нему верхом на кочерге и без помощи рук откусить от коржа; это называется «сторожыть *Коржынски*, бо едэ пан *Коцюбински*» (ПА, с. Вышевичи Радомышльск. р-на Житомирск. обл.). Ср. подобный прием онимизации апеллятивов в русской сказке о том, как солдат стащил у старухи жареного гуся; старуха задает вопрос: «Не бывал ли ты в городе *Горшанске* (горшке), не знавал ли там *Гагатея Гагатеевича* (гуся)?» (Садовников 1959: 281).

- ¹² По свидетельству Б. Барановского, в некоторых районах Мазовша и Подлясья смерть называли *Baška*, в южной Малопольше — *Zośka* или *Jagusia*, в некоторых селах на верхней Варте — *Kaska* (Baranowski 1963: 270).
- ¹³ Ср. «Ужэ мэнэ Лопатоўскій забэрэ на могилки» (ПА, с. Курчица Новоград-Волынск. р-на Житомирск. обл.).
- ¹⁴ Ср. «Федор *Студит* землю *студит*», «На Евтихия день *тихий*», сербскохорв. *Vratolomije* (← *Bartolomaeus*) и т. п.
- ¹⁵ В Мазовше в этих случаях рекомендовалось называть «парные» мужские и женские имена типа *Jan — Joanna*: «*Trafia się że dziecko umiera bez chrztu; to duszyczce (zdrobniale od dusza) takiego dziecięcia wolno latać po świecie szukając, kto by je ochrzcił. Więc gdy kto zobaczy taką duszę, czyli niechrzczonego (meteor), to powinien go ochrzcić wymawiając imiona męskie i żeńskie, ale koniecznie od tego męskiego pochodzące, np. Janie — Joanno, Piotrze — Petronelo, Pawle — Paulino, Franciszku — Franciszko, ja ciebię chrzczę itd.*» (Kolberg 1970/42: 393–394).
- ¹⁶ У сербов такие имена называются *дивља имена*. Вук Караджич в своем словаре под словом «вук» отметил значение 'помен viri' и сообщил, что его самого называли Вуком ('волком') потому, что в семье «не держались» дети: «Кад се каквој жени не даду дјеца онда надјене детету име Вук, јер мисли да им дјецу вјештице једу, а на вука да не ће смјети ударити (за то су и мени овако име надјели)» (Караджић 1935. См. также Вукановић 1940).
- ¹⁷ На кладбище в Пожеге можно прочесть характерную надгробную надпись: «Здесь покоятся земные останки *Велка и Милицы*, чье имя по смерти оказалось: *Мијаило и Јевросима*. Они переселились из Турции в Пожегу, а преставились в 1868 году» (ЗРНМЧ 1971/2: 47).
- ¹⁸ Аналогичные свойства обнаруживают собственные имена в поэтическом тексте. О «размызвании» противопоставления ономастики и апеллятивной лексики в творчестве Хлебникова см. Григорьев 1981.

Литература и сокращения

- Антонијевић 1982 — Д.Антонијевић. Обреди и обичаји балканских сточара. Београд, 1982.
- Архив ЕИМ — Архив на Етнографски институт и музеј при БАН. София.

- Афанасьев 1996 — *А. Н. Афанасьев*. Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии. М., 1996.
- Балушок 1993 — *В. Балушок*. Світ середньовіччя в обрядовості українських цехових ремісників. Київ, 1993.
- Барјактаровић 1962 — *М. Барјактаровић*. Зашто се нерадо помињу нека имена код нашег народа // Зборник Филозофског факултета. Београд, 1962, књ. 6/2.
- БВКЗ — Быт великорусских крестьян-землепашцев. СПб., 1993.
- Богатырев 1971 — *П. Г. Богатырев*. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
- Брагина 1980 — *Н. А. Брагина*. Диалектная лексика обрядов семейного цикла (родинного и похоронного) Череповецкого и Шекснинского районов Вологодской обл. Дипломная работа. МГУ. 1980.
- БФ — Български фолклор. София.
- Вакарелски 1935 — Бит и език на тракийските и малоазийските българи. Ч. 1: Бит. От Х. Вакарелски. София, 1935 (Тракийски сборник, кн. 5).
- Вакарелски 1961 — *Х. Вакарелски*. Принос към проучване на семейните обичаи на Панагюрско в миналото // Панагюрище и Панагюрският край в миналото. София, 1961.
- Виноградова 1981 — *Л. Н. Виноградова*. Девичьи гадания о замужестве в цикле славянской календарной обрядности (западно-восточнославянские параллели) // СБФ, 1981, с. 13–43.
- Власкина 1998 — *Т. Ю. Власкина*. Донские былички о повитухах // Живая старина, 1998, № 2, с. 15–17.
- Власова 1995 — *М. Власова*. Новая абевега русских суеверий. СПб., 1995.
- Вукановић 1940 — *Т. Вукановић*. Лична имена код Срба // ГЕМБ, 1940, књ. 15.
- Гаврилюк 1981 — *Н. К. Гаврилюк*. Картографирование явлений духовной культуры. По материалам родильной обрядности украинцев. Киев, 1981.
- ГЕИ — Гласник Етнографског института САН. Београд.
- ГЕМБ — Гласник Этнографского музея. Београд.
- Герасимов 1910 — *М. К. Герасимов*. Словарь уездного череповецкого говора. СПб., 1910.
- Геров 1–6 — *Н. Геров*. Речник на българския език. Пловдив, 1895–1904, ч. 1–6.
- Григорьев 1981 — *В. П. Григорьев*. Собственные имена и связанные с ними апеллятивы в словотворчестве Хлебникова // Ономастика и грамматика. М., 1981, с. 196–222.

- Гринченко 1895 — *Б.Д. Гринченко. Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. Чернигов, 1895, вып. 1.*
- Гура, Кабакова 1995 — *А.В. Гура, Г.И. Кабакова. Вдовство // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995, т. 1, с. 293–297.*
- Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1971.
- Дучић 1931 — *С.Дучић. Живот и обичаји племена Кучи. Београд, 1931 (СЕЗб, књ. 48).*
- Ђорђевић 1938 — *Т.Р. Ђорђевић. Зле очи у веровању Јужних Словена. Београд, 1938 (СЕЗб, књ. 53).*
- Ђорђевић 1941 — *Т.Р. Ђорђевић. Деца у веровањима и обичајима нашег народа. Београд, 1941.*
- Ђорђевић 1958 — *Т.Р. Ђорђевић. Природа у веровању и предању нашећа народа. Београд, 1958, књ. 1, 2 (СЕЗб, књ. 71, 72).*
- Ђорђевић 1958а — *Д.М. Ђорђевић. Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави. Београд, 1958 (СЕЗб, књ. 70).*
- Ђорђевић 1985б — *Д.М. Ђорђевић. Живот и обичаји народни у Лесковачком крају. Лесковац, 1985.*
- Ефименко 1874 — *П.Ефименко. Сборник малороссийских заклинаний. М., 1874.*
- Забылин 1880 — *М.Забылин. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.*
- Завойко 1914 — *Г.К. Завойко. Верования, обряды и обычай великороссов Владимирской губернии // Этнографическое обозрение, 1914, год 26, № 3–4.*
- Зеленин 1914–1916 — *Д.К. Зеленин. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Пг., 1914–1916, вып. 1–3.*
- Зеленин 1995 — *Д.К. Зеленин. Избранные труды. Очерки русской мифологии, вып. 1: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.*
- Зиновьев 1987 — *Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.*
- ЗРНМЧ — Зборник радова народног музеја Чачка. Чачак.
- Иванов 1893 — *П.В. Иванов. Народные рассказы о домовых, леших, водяных и русалках. Материалы для характеристики миросозерцания крестьянского населения Купянского уезда // Сборник Харьковского Историко-филологического общества. Харьков, 1893, т. 5, вып. 1, с. 23–74.*

- Иванов 1907 — *П. Иванов. Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии.* Харьков, 1907.
- Кабакова 1994 — *Г. Кабакова. Дети, умершие до крещения // Проблемы сучасної ареалогії.* Київ, 1994, с. 312–317.
- Караацић 1935 — *Вук Караацић.* Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Београд, 1935. Изд. 4.
- Колесса 1898 — Людові вірування на Підгіррю. В с. Ходовичах Стрийського повіту списав Філярет Колесса // Етнографічний збірник. Львів, 1898, т. 5.
- Кръстева 1996 — *Е. Кръстева.* Име и именуване в българската традиционна култура // Етнографски проблеми на народната култура. София, 1996, т. 4, с. 112–137.
- Кухаронак 1993 — *Т. І. Кухаронак.* Радзінныя звычай і абраады беларусаў. Канец XIX–XX ст. Мінск, 1993.
- Логинов 1993 — *К. К. Логинов.* Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993.
- Маринов 1984 — *Д. Маринов.* Избрани произведения. София, 1984, т. 2.
- Махрачева 1997 — *Т. В. Махрачева.* Лексика и структура погребально-поминального обрядового текста в говорах Тамбовской области. Канд. дисс. Тамбов, 1997.
- Милићевић 1894 — *М. Т. Милићевић.* Живот Срба сельака. Београд, 1894 (СЕЗБ, књ. 1).
- Милосављевић 1913 — *С. Милосављевић.* Српски народни обичаји из среза Хомольског // СЕЗБ. 1913, књ. 19, с. 1–442.
- Миодраговић 1914 — *Ј. Миодраговић.* Народна педагогија у Срба. Београд, 1914.
- МП — Македонски преглед. София.
- На путях из Земли Пермской в Сибирь. Очерки этнографии северноуральского крестьянства XVII–XX вв. / Отв. ред. В. А. Александров. М., 1989.
- Никифоровский 1897 — Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычай, легендарные сказания о лицах и местах. Собрал в Витебской Белоруссии Н. Я. Никифоровский. Витебск, 1897.
- Номис 1864 — *М. Номис (М. Симонов).* Українські приказки, прислів'я и таке інше. СПб., 1864.
- Носова 1993 — *Г. А. Носова.* Традиционные обряды русских: крестины, похороны, поминки. М., 1993. (Российский этнограф, вып. 6).

- Носович 1870 — *И.И. Носович*. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- Оболенская, Топорков 1990 — *С.Н. Оболенская, А.Л. Топорков*. Народное православие и язычество Полесья // Язычество восточных славян. Л., 1990, с. 150–177.
- ПА — Полесский архив Института славяноведения РАН. Москва.
- Петровић 1948 — *П.Ж. Петровић*. Живот и обичаји народни у Гружи // СЕЗБ, 1948, књ. 58.
- Петровић 1992 — *С.Петровић*. Културна историја Сврљига, књ. 1. Митологија, магија и обичаји. Ниш–Сврљиг, 1992.
- Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1980.
- Пловдивски край. Етнографски и езикови проучвания. София, 1986.
- Подвысоцкий 1885 — *А.Подвысоцкий*. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- ПЭС — Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования / Отв. ред Н.И. Толстой. М., 1983.
- Радуновић 1988 — Остале је реч. Српске народне умотворине из Метохије. Скупшио, записао и приредио М. Радуновић. Београд, 1988.
- РВЕ — Речник на български език. София, 1977, т. 1. А–Б.
- Родопи. Традиционна народна духовна и социалнонормативна култура. София, 1994.
- Садовников 1959 — *Д.Н. Садовников*. Загадки русского народа. М., 1959.
- СбНУ — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. (Сборник за народни умотворения и народопис). София.
- СБФ — Славянский и балканский фольклор. Москва.
- СД — Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995, т. I.
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1991, т. IV.
- СЕЗБ. — Српски етнографски зборник. Београд.
- Странджа. Материална и духовна култура. София, 1996.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л., 1965–, вып. 1–.
- Тановић 1927 — *С. Тановић*. Српски народни обичаји у Ђевђелијској кази // СЕЗБ, 1927, књ. 40.
- Тешић 1988 — *М. Тешић*. Народни живот и обичаји Пожешког краја. Пожега, 1988.

- Толстая 1992 — С. М. Толстая. Магия против смерти // Балканские чтения. 2. Симпозиум по структуре текста. М., 1992, с. 52—58.
- Толстая 1997 — С. М. Толстая. Из полесской обрядовой лексики: нашлось дитя // Український діалектологічний збірник. Кн. 3. Пам'яти Тетяни Назарової. Київ, 1997.
- Толстой 1970 — Н. И. Толстой. Еще раз о «семантике» имени собственного // Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов и сообщений. Минск, 1970, с. 200—201.
- Толстой 1984 — Н. И. Толстой. Иван-аист // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984, с. 115—118.
- Толстой 1994 — Н. И. Толстой. «Останавливающие» имена и их магические функции // Балканские чтения. 3. Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1994, с. 74.
- Толстой 1996 — Н. И. Толстой. Этнографический комментарий к древним славяно-русским текстам. II: Священный дуб // Русское подвижничество. М., 1996, с. 457—464.
- Толстые 1978 — Н. И. и С. М. Толстые. Заметки по славянскому язычеству. 2. Вызывание дождя в Полесье // СБФ, 1978, с. 95—130.
- Толстые 1981 — Н. И. и С. М. Толстые. Заметки по славянскому язычеству. 5. Защита от града в Драгачеве и других сербских зонах // СБФ, 1981, с. 44—120.
- Толстые 1988 — Н. И. Толстой, С. М. Толстая. Народная этимология и структура славянского ритуального текста // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988, с. 250—254.
- Требежшанин 1991 — Ж. Требежшанин. Представа о детету у српској култури. Београд, 1991.
- Тројановић 1930 — С. Тројановић. Ватра у обичајима и животу српског народа. Београд, 1930 (СЕЗБ, књ. 45).
- Успенский 1996 — Б. А. Успенский. Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // Б. А. Успенский. Избранные труды. М., 1996, т. II. Язык и культура, с. 187—202.
- Филиповић 1951 — М. С. Филиповић. Крштени муслимани // Зборник радова Етнографског института САНУ. Београд, 1951, књ. 14/2.
- Филиповић 1955 — М. Филиповић. Белешке о народном животу и обичајима на Гласинцу // Гласник Земаљског музеја Босне и Херцеговине у Сарајеву. Сарајево, 1955, књ. 10, с. 117—136.
- Филиповић 1967 — М. Филиповић. Различита етнолошка грађа. Београд, 1967 (СЕЗБ, књ. 80).

- Цепенков 1980 — *M. K. Цепенков*. Македонски народни умотворби во десет книги. Изд. 2. Скопје, 1980. Кн. 9: Народни верувања. Детски игри.
- Чагин 1993 — *Г. Н. Чагин*. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX века. Учебное пособие по спецкурсу. Пермь, 1993.
- Чајкановић 1923 — *В. Чајкановић*. Имена од урока // Годишњица Николе Чупића. Чупићева задужбина. Београд, 1923, књ. 35, с. 152—163 [переизд. Чајкановић 1994/1: 172—185].
- Чајкановић 1994 — *В. Чајкановић*. Сабрана дела из српске религије и митологије. У пет књига. Београд, 1994, књ. 1. Студије из српске религије и фолклора, 1910—1924.
- Чубинский 1877 — Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Материалы и исследования, собранные д. чл. П. П. Чубинским. СПб., 1877, т. 4. Обряды: родины, крестины, свадьба, похороны.
- Чучка 1970 — *П. П. Чучка*. Антропонімія Закарпаття. Ужгород, 1970.
- Шейн 1874 — *П. В. Шейн*. Белорусские песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями. СПб., 1874.
- Шейн 1893 — *П. В. Шейн*. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1893, т. 2.
- Шейн 1902 — *П. В. Шейн*. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1902, т. 3.
- ЭО — Этнографическое обозрение. Москва.
- Юдин 1992 — *А. В. Юдин*. Проблемы ономастики русских заговоров. Канд. дисс. Одесса, 1992.
- Юдин, 1997 — *А. В. Юдин*. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997.
- Ястребов 1886 — *И. С. Ястребов*. Обычаи и песни турецких сербов (в Призрене, Ипеке, Мораве и Дибре). СПб., 1886.
- Baranowski 1963 — *B. Baranowski*. W kregu upiorów i wilkołaków. Lódź, 1963.
- Chorváthová 1984 — *L'. Chorváthová*. Rodinný zvykoslovie // Národní písny informácie, 1984, č. 1, s. 94—184.
- Federowski 1897 — *M. Federowski*. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897, t. 1.
- Filipović 1969 — *M. S. Filipović*. Prilozi etnološkom poznavanju severoistočne Bosne. Sarajevo, 1969.
- Horehronie. Kultúra a spôsob života l'udu. Bratislava, 1969.
- Ilić 1846 — *L. Ilić*. Narodni slavonski običaji. Zagreb, 1846.

- Kolberg 1970 — *O.Kolberg.* Dzieła wszystkie. Wrocław; Poznań, 1970, t. 42. Mazowsze, cz. 7.
- Lehr 1984 — *U.Lehr.* Wierzenia w istoty nadzmysłowe // Etnografia Polska, 1984, t. 28, z. 1, s. 223–250.
- Malina 1946 — *I.Malina.* Slovník nářečí místnického. Praha, 1946.
- Marković 1940 — *T.Marković.* Božični običaji Hrvata u Bosni i Hercegovini // Etnografska istraživanja i građa. Zagreb, 1940, knj. 2, s. 5–86.
- NU — Narodna umjetnost. Zagreb.
- Pośpiech 1987 — *J.Pośpiech.* Zwyczaje i obrzędy doroczne na Śląsku. Opole, 1987.
- Ripka 1981 — *I.Ripka.* Vecný slovník dolnotrenčanských nárečí. Bratislava, 1981.
- Sychta 1–7 — *B.Sychta.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967–1976, t. 1–7.
- Świętek 1893 — *J.Świętek.* Lud nadrabski od Gdowa po Bochnię. Kraków, 1893.
- Talko-Hryncewicz 1893 — *J.Talko-Hryncewicz.* Zarysy lecznictwa ludowego na Rusi południowej. Kraków, 1893.
- Vukanović 1986 — *T.Vukanović.* Srbi na Kosovu. Vranje, 1986, t. 2.

Содержание

В.А.Дыбо, С.Л.Николаев

Новые данные и материалы
по балто-славянской акцентологии

5

А.Ф.Журавлев

К реконструкции древнеславянского мировидения
(о категориях «доли» и «меры»
в их языковом и культурном выражении)

71

Н.И.Толстой, С.М.Толстая

Имя в контексте народной культуры

88

Научное издание

Три доклада
к XII Международному съезду славистов
ПРОБЛЕМЫ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Утверждено к печати
Национальным комитетом славистов Российской Федерации

Корректор *P. Агеева*
Редактор *H. Волочаева*

